

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Кафедра всеобщей истории

Африка: от колониализма к постколониализму (хронотоп перекрестка)

Сборник статей

Ярославль
ЯрГУ
2026

УДК 94 (6)
ББК 63.3(0)
А94

Рецензенты:

Дмитрий Михайлович Бондаренко – член-корреспондент РАН, профессор РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе ФГБУН Института востоковедения РАН.

Наталья Леонидовна Крылова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Института Африки РАН.

**Африка: от колониализма к постколониализму (хронотоп
А94 перекрестка):** сборник статей / отв. ред. Т. М. Гавристова; Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: Канцлер, 2026. – 229 с.
ISBN 978-5-908075-65-7

В сборник вошли статьи российских ученых, участников Всероссийских научных конференций, проходивших в ЯрГУ в 2024–2025 гг. В центре внимания исследователей – проблемы перехода от колониализма к постколониализму и деколонизации.

УДК 94 (6)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-908075-65-7

Предисловие

В основу данного сборника легли материалы двух Всероссийских научных конференций. Первая: «Колониализм, деколонизация, постколониализм (проблемы изучения и преподавания)» – состоялась 3–4 июля 2024 г.; вторая: «Африка: от колониализма к постколониализму (хронотоп перекрестка)» – 5–6 июня 2025 г. Их тематика во многом схожа и определена ангажированностью изучения колониального прошлого и постколониального настоящего африканских стран, а также сюжетами, разрабатываемыми существующей на базе кафедры всеобщей истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова научной школой африканских исследований. В течение ряда десятилетий ее представители специализировались на изучении интеллектуальной и персональной истории континента и диаспоры, а в последние годы – колониального и постколониального дискурсов [1, 2, 3, 4].

Свидетельством интереса к обозначенным проблемам служит круг участников конференций, представляющих едва ли не все крупнейшие учебные и исследовательские центры Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, и многогранность рассматриваемых тем. В их числе авторитетные и молодые ученые из Института Африки РАН, Института Востоковедения РАН, Института всеобщей истории РАН, ИНИОН РАН, Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета и др.

Изучаемые проблемы находятся в границах политической, социально-экономической, культурной, персональной, интеллектуальной истории, а также в области экономики, политологии, истории международных отношений, историографии, источниковедения. Практически все темы, так или иначе, связаны с анализом переходных ситуаций, на пересечении колониального и постколониального периодов.

Представления о процессах колонизации и деколонизации, их трактовка существенно изменились на рубеже XX–XXI веков, что повлекло за собой необходимость уточнения терминологического ряда, понятийного аппарата, определения смыслового наполнения значительного числа дефиниций, обновления и разработки методологии

и инструментария изучения триады: доколониализм – колониализм – постколониализм – с учетом разнообразных дискурсов на уровнях евро- и афроцентризма.

В рамках данного сборника исследователи пытаются восполнить существующие пробелы, что особенно важно в условиях растущей ангажированности сюжетов, о чем свидетельствует появление новых и весьма ценных публикаций, в числе которых, например, коллективная монография «Колониализм, неоколониализм, деколонизация: опыт исследования и современный дискурс», и другие [4].

Примечания

1. Африка: постколониальный дискурс / отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. М.: ИАФР РАН, 2020. 248 с.

2. Африка: постколониальный дискурс: тезисы докладов Всероссийской конференции 25–26 июня 2020 г. / отв. ред.: Т. М. Гавристова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова; Н. Е. Хохолькова; ИАФР РАН. Ярославль: Филигрань, 2020. 149 с.

3. Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е. Африка: колониализм (история и современность): учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2023. 36 с.

4. Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е. Постколониальная история Африки. Люди и судьбы : учебно-методическое пособие / Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2026. 44 с.

5. Колониализм, неоколониализм, деколонизация: опыт исследования и современный дискурс. М.: Институт Африки РАН, 2025. 424 с.

УДК 94 (6)

А. С. Балезин

Мемуары бойцов антиколониальных военных формирований Юга Африки: кейс Андреаса Шипанги

Аннотация. В статье рассматриваются мемуары одного из видных деятелей СВАПО и создателей оппозиционной партии СВАПО-Д Андреаса Шипанги (1931–2012). Они были записаны с его слов и изданы в 1989 г. Центральное место в них занимают события, связанные с так называемым

© Балезин А. С., 2026

«восстанием Шипанги», однако мемуары показывают становление африканского политика-интеллигента на фоне важных исторических событий на Юге Африки и, как исторический источник, представляют собой безусловную ценность. Они проливают свет на историю борьбы внутри СВАПО, мало известную, в том числе за счет недоступности архива СВАПО для исследователей.

Ключевые слова: мемуары, антиколониальная борьба, Намибия, СВАПО, Андреас Шипанга

A. S. Balezin

Memoirs of the Fighters of the Anti-colonial Military Formations of Southern Africa: the Case of Andreas Shipanga

Abstract. The article analyzes the memoirs of one of the prominent SWAPO figures and the founders of the opposition SWAPO -D party, Andreas Shipanga (1931–2012). They were recorded from his words and published in 1989. However, although the events related to the so-called «Shipanga Uprising» occupy a central place in them, the memoirs show the formation of an African politician-intellectual against the background of important historical events in Southern Africa. Shipanga's memoirs as a historical source are of unquestionable value. In particular, they shed light on the history of the struggle within SWAPO, which is generally little known due to the inaccessibility of the SWAPO archives to researchers.

Keywords: memoirs, anti-colonial struggle, Namibia, SWAPO, Andreas Shipanga

Мемуаров бойцов Умконто в Сизве (боевое крыло АНК), ПЛАН (боевое крыло СВАПО) и других подобных формирований, к счастью для исследователей, издано довольно много. В частности, можно упомянуть книгу Джеймса Нгкулу «Честь служить: воспоминания солдата Умконто», изданную в 2009 г. и переизданную в 2013 г. [1]. В книге, которой предпослано предисловие экс-президента ЮАР Табо Мбеки, можно найти немало интересного – в частности, о пребывании автора в СССР и ГДР.

В том же ряду стоит книга другого бойца Умконто – Вонга Велле Боттомана «Становление бойца МК», изданная в 2010 г. [2], где, в частности, содержатся интересные сведения о бойцах Умконто в прифронтовых государствах и обучении автора в ГДР.

Из воспоминаний бойцов ПЛАН упомяну книгу Калумби Шангулы «Путешествие в неизвестность», изданную в Виндхукке в 2020 г. [3]. В этой, небольшой по объему, книге можно найти много интересных сведений: например, об обучении автора в качестве бойца ПЛАН, а затем студента-медика в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, в СССР; есть в ней и ряд интересных фотографий разных лет.

Упомянутые книги позиционируются как авторские и написаны самими авторами. Однако существуют и другие, написанные третьими лицами на основе интервью с участниками событий, и их значение вряд ли можно приуменьшить. Ведь участников событий, связанных с борьбой за независимость Юга Африки, с каждым днем остается меньше и меньше. И прежде всего следует упомянуть титанический труд, проделанный целым коллективом историков. Речь идет о 9-томном издании Хашима Мбиты «Освободительная борьба Юга Африки» (2019 г.) [4], основанном на обширной источниковой базе и интервью с участниками событий. В третьем томе издания, посвященном Намибии, в части под названием: «Намибия и освободительная борьба на Юге Африки» – имеется небольшой раздел о герое статьи – Андресе Шипанге – и запись интервью с ним [4, p. 76-80].

Однако в 1989 г. в издательстве Ашанти Паблишерз в Гибралтаре вышла книга: «История Андреаса Шипанги, рассказанная Сью Армстронгу», оставшаяся практически незамеченной [5]. Тексту предпослано предисловие Фреда Бриджленда, в то время корреспондента агентства Рейтер в Центральной Африке [5, p. I–V]. Книга представляет собой литературную запись рассказа Шипанги. Предшествует ему пролог, в котором автор сразу высказывается о «своем», так называемом, восстании: «Я призывал к очередному съезду партии; многие из нас хотели поднять проблемы коррупции в руководстве СВАПО и его сотрудничества с врагом, которое привело к причудливой ситуации, когда часть из наших солдат воевала плечо к плечу с бурами в Ангольской войне <...> Меня никогда не обвиняли в преступлении и никогда не отправляли в суд. Но самая большая ирония состояла в том, что одной из причин моего ареста был мой призыв к интенсификации войны СВАПО против южноафриканцев, в то время как некоторые в руководстве в личных целях предпочли дать борьбе уйти в песок. В то время как наши молодые солдаты умирали от голода и болезней в удалённых лагерях неподалёку от замбийской границы с Намиби-

ей, некоторые из их вождей в Лусаке продавали продовольствие, лекарства, оружие и боеприпасы, предоставленные симпатизирующими странами, другим освободительным движениям, базирующимся в Лусаке. Одежда, предназначенные для партизан, были проданы жителям Лусаки. В то время, когда наших плохо вооруженных парней, убивали, некоторые руководители наслаждались прибылями от ночных клубов, которыми они владели в Лусаке» [5, р. VI].

В книге со слов Шипанги подробно изложена его биография. Он родился 26 октября 1931 г. в семье среднего достатка: «Мы не были богатой семьей, но не были и бедны. В Северной Намибии в то время у многих детей были раздутые животы от недоедания, но мы никогда не голодали. У нас было достаточно скота для прокорма семьи, а наша земля давала хорошие урожаи зерна и овощей» [5, р. 1]. Обращает на себя внимание, что мама учила его читать и писать с ранних лет, рисуя ему буквы пальцами на песке, и уже к четырём годам он владел грамотной на родном языке ошиамбо [5, р. 5]. Учился мальчик в миссионерской школе; первые башмаки у него появились только к 16 годам, когда ему надо было идти в старшие классы [5, р. 6]. Финские миссионеры воспитали его в антикоммунистическом духе: «было так много индоктринации насчёт антихристианских безбожных коммунистов, что я начал думать, что возможно коммунисты вообще не люди, что у них есть рога, как у сатаны» [5, р. 11].

Шипанга выбрал профессию учителя, которой обучался в колледже в 1950–1951 гг. Во время учебы он впервые принял участие в политической акции с требованием повысить учителям жалование. Он стал учителем начальной школы в 1952 г., в возрасте 21 года. [5, р. 17–18]. Через некоторое время он оставил преподавание, работал на шахтах в Намибии и Южной Родезии, барменом и рыбаком в Кейптауне.

А. Шипанга был членом Организации народа овамбо, из которой в 1960 г. выросла СВАПО; он стал свидетелем расстрела демонстрации в Ланге в том же 1960 г., был активным участником и организатором митингов СВАПО в Кейптауне. На его взгляды большое влияние оказали книги Кваме Нкрумы, Фиделя Кастро, Франца Фанона, брошюры о тактике партизанской войны Мао Цзэдуна и Че Гевары [5, р. 50]. В 1963 г. он вернулся в Намибию и, став политическим организатором СВАПО, был арестован. Ему удалось бежать в Танзанию, куда он возвращался несколько раз в последующие де-

сять лет. Интересно его мнение об африканском социализме Джулиуса Ньерере: «Его главной темой было то, что люди должны вернуться к земле и перестать смотреть на города как на импульс развития. Я подумал – да, это решение проблем Африки <...>. Но Ньерере также хотел развить африканский социализм, систему, которая должна была бы преодолеть все « пороки » капитализма. И вот тут-то экономические проблемы и начались. Страна должна была управляться рабочими и крестьянами. После Арушской декларации практически все было национализировано, и я мог видеть собственными глазами, как экономика развалилась на куски. Это не заняло много времени <...> Политические комиссары стали управлять отелями, и они были убийственно неэффективными. То же касалось промышленности, коммерческого сельского хозяйства и всего остального» [5, р. 73].

В 1964–1970 гг. А. Шипанга был главой Каирской миссии СВАПО, где в частности обучали военному делу волонтеров. На это время пришелся период формирования ПЛАН, созданной в 1962 г. и ее перехода к военным действиям против войск ЮАР в 1966 г.

По долгу службы А. Шипанга совершал зарубежные поездки. Первой из них стала в 1965 г. миссия в СССР, Северную Корею и Китай. Вот что он говорил о позиции СВАПО на фоне острых идеологических советско-китайских разногласий: «СВАПО получала поддержку от обеих стран, но мы отказывались занимать чью-либо сторону, несмотря на сильное давление. Китайский посол пригласил меня к тебе и сказал: «Послушай, вы в СВАПО должны быть принципиальными. Советский социалистический империализм – это смертельный враг третьего мира! Вы должны принять сторону Китая». Я ответил: «Да, господин посол, но проблема состоит в том, что это идеологическая война. Мы не коммунистическая партия, и у нас нет права комментировать борьбу между китайским коммунизмом и российским коммунизмом. Мы только боремся за нашу свободу. Русские говорили то же самое: “Вы как флюгеры, вы должны занять свою позицию”» [5, р. 82].

Тем интересней замечание Шипанги, что в декабре 1965 г. в Гавану на Международную Трехконтинентальную конференцию представители СВАПО, в отличие от представителей ряда других освободительных движений, прямой перелет которым оплатил Китай, были отправлены за счет СССР кружным путем [5, р. 84].

В последующие годы Шипанга посетил ряд стран Западной Европы. В 1970 г. он был назначен Секретарем СВАПО по информации и переведен в штаб-квартиру в Дар-эс-Салам, в 1972 г. вместе со штаб-квартирой переехал в Лусаку.

Рассказывая о событиях 1974–1976 гг., Шипанга добавляет к первому их описанию профессиональным историком и видным деятелем СВАПО П. Качавиви [6] некоторые нюансы. Так, он уточняет, что настаивал на созыве очередного съезда СВАПО, поскольку в реальном руководстве движения – Национальном исполкоме, состоявшем из отобранных из состава ЦК 16 человек, – ПЛАН представлен не был. Крах португальской империи требовал новых оценок, и все основные освободительные движения региона провели съезды – все, кроме СВАПО, последний съезд которой состоялся на рубеже 1969–1970 гг. А. Шипанга подчеркнул: «Никогда в мои намерения не входила смена руководства. Дело было просто в том, что в свете открывшийся новых возможностей любое здравомыслящее руководство должно было немедленно созвать съезд. Но Нуйома и его сторонники слишком боялись этого, поскольку были непопулярны» [5, р. 99–100].

А. Шипанга указал, что он был ответственным, в частности, за связи СВАПО со скандинавскими странами, обращался в шведское посольство за деньгами на лекарства, еду и другие нужды бойцов СВАПО, находившихся в лагерях [5, р. 100–101]. Он привел также некоторые факты и подробности продажи руководством СВАПО оружия группировке УНИТА – в частности, предание этого факта гласности в «Декларации бойцов СВАПО», распространенной среди иностранных дипломатов и журналистов, обнародовав номенклатуру оружия и боеприпасов, полученных УНИТА от СВАПО на трех грузовиках только в одной из доставок [5, р. 101–102]. С лета 1975 г., УНИТА выступила против МПЛА объединенным фронтом с ФНЛА, войсками Заира и подразделениями регулярной армии ЮАР. Таким образом, оружие, предназначавшееся для борьбы СВАПО против армии ЮАР, оказывалось в руках союзников армии расистского режима. Более того, ряд бойцов СВАПО воевали в Анголе против МПЛА плечом к плечу с солдатами УНИТА и армии ЮАР [5, р. 101–106, 107].

А. Шипанга отметил еще один неприглядный факт, связанный с поведением высокопоставленных чинов СВАПО в лагерях бежен-

цев. Они вступали в связи со старшими школьницами и молодыми воспитательницами (их было в лагерях немало) и отказывались потом от всякой ответственности за детей, рождённых от таких связей [5, р. 103], что подтверждает в своей книге, увидевшей свет в 2014 г., Марта Акава [7, р. 131].

А. Шипанга упоминает и скрывавшийся от мировой общественности факт, касающийся того, когда оказавшиеся в лагерях СВАПО беженцы из СВАНУ – оппонента движения – захотели присоединиться к борьбе СВАПО, Нуйома попросил президента Замбии Каунду посадить их в тюрьму, что и было сделано [5, р. 104]. Ситуация в лагерях СВАПО в Замбии с усиливавшимися требованиями созыва съезда стала настолько напряженной, сообщал А. Шипанга, что 6 июня 1975 г. в газете «Таймс оф Замбия», рупоре Каунды, была опубликована статья, в которой обстановка в лагерях была названа «нездоровой»; выражалась надежда, что СВАПО «усвоила горький урок других движений и не попадет в подобную ловушку» [5, р. 104]. Сам Шипанга подписал международный меморандум, призывающий созвать очередной съезд СВАПО не позднее 20 декабря 1975 г. В числе других партизан СВАПО он продолжал настаивать на созыве съезда и, в конце концов, в ночь на 21 апреля 1976 г. был арестован солдатами замбийской армии, а вместе с ним – целая группа активистов СВАПО. Трое из них были членами Исполкома: А. Шипанга, Соломон Мифима и Иммануэль Энгомбе.

Особый интерес представляет упоминание Шипанги о контактах арестованных активистов в танзанийском тюрьме с Мухаммедом Бабу, одним из лидеров Занзибарской революции, Министром экономики Танзании, арестованным в 1972 г. Он, имевший многочисленные источники информации даже в тюрьме, не знал, что Дж. Ньерере планировал переправить арестантов СВАПО в Анголу, куда переехала штаб-квартира партии и где их должны были расстрелять по приказу Нуйомы [5, р. 127]. Не без помощи Бабу информация о пленниках тюрьмы Уконга стала достоянием общественности – через свои связи он передал на волю письма Мифимы, своего старого знакомого; их опубликовали кенийские газеты. Сведения стали распространяться агентством «Рейтер» и Африканской службой Би-Би-Си. А. Шипанга подчеркивал: «Паблисити стала важным фактором спасения наших жизней» [5, р. 127].

В Верховном суде Замбии при слушании протеста Шипанги и его товарищей о незаконном аресте властями Замбии сторона обвинения заявила, что он добровольно уехал в Танзанию, на что его адвокат ответил: «Мой клиент в последние несколько недель постоянно говорил мне, что хочет уехать из Замбии в Европу, в частности попросить политическое убежище в Норвегии, Швеции или Финляндии. Танзания была одной из стран, в которую Шипанга НЕ хотел ехать» [5, р. 128]. 21 сентября 1976 г. суд вынес решение в пользу Шипанги; руководство СВАПО отказалось дать разрешение на его освобождение и возвращение в Замбию [5, р. 129].

С конца 1975 г., когда Вашингтон принял решение о прекращении финансирования УНИТА и ФНЛА, позиция Нуйомы изменилась, что не облегчило положения Шипанги, который утверждал: «С изменением позиции Нуйомы на международной арене, связанным с его дистанцированием от коалиции Претория-Лусака-Вашингтон и переходу к переговорам с МПЛА и русскими, перспективой перенести операции СВАПО из Замбии в Анголу и новым развёртыванием вооруженной борьбы, те <...>, кто выступал против его жестокого обращения с партизанами в Замбии и сотрудничества с УНИТА и ЮАР оставались незащищенными и уязвимыми. нас арестовали потому, что рассматривали как опасных радикалов, которые хотели продолжать вооруженную борьбу и подрывали планы Каунды и Форстера. Теперь, с переездом СВАПО в Луанду и входом в новые союзы с марксистским правительством и русскими, нас стали изображать как опасных реакционеров, которые выступили в оппозиции к радикальному руководству Нуйомы. И, поскольку мы были заперты сначала в лагерях Каунды, а затем в тюрьмах Ньерере, мы не могли разоблачать эту ложь» [5, р. 131].

В выводах комиссии по расследованию «восстания Шипанги», представленных Нуйоме 4 июня 1976 г., упоминались и аморальность, и недисциплинированность в СВАПО, недостаток самокритики в ее руководстве, закрытость сведений о расходовании средств, а также содержалась рекомендация скорейшего созыва очередного съезда СВАПО. Касательно Шипанги и его товарищей, комиссия, «повторяя все обвинения руководства», объявляла их «агентами Южной Африки и империалистами». Окончательный вывод гласил: «Это был подготовленный, хорошо организованный заговор,

с участием империалистических сил Южной Африки, направленный на уничтожение СВАПО. Для достижения этой цели враг завербовал, обучил, финансировал и внедрил своих агентов в ряды бойцов. В целях осуществления своей зловещей миссии агенты использовали существующие лазейки и недостатки в партии – например, откладывание съезда, отсутствие политической программы, некомпетентность и коррупцию, а также нехватку оружия и боеприпасов. Комиссия пришла к заключению, что восстание, имевшее место в СВАПО, было задумано, вдохновлено и осуществлено в интересах Южной Африки и империализма (в частности, западногерманского) с использованием оппортунистических амбициозных и недовольных элементов внутри СВАПО» [5, р. 132–133]. Нуйома объявил, что всех «диссидентов» следует расстрелять: Шипангу и его товарищей исключили из партии.

5 августа 1976 г. начались активные действия недовольных бойцов СВАПО в Замбии, в результате около тысячи человек были арестованы и отправлены в лагерь Мборома на севере Замбии. Шипанга указывал, что еще шестьсот бойцов СВАПО, вернувшихся после обучения в СССР, были немедленно арестованы [5, р. 133].

Под давлением мировой общественности Шипанга и его товарищи были освобождены из танзанийской тюрьмы 25 мая 1978 г. В Совете ООН по Намибии, который он посетил во время визита в Нью-Йорк в конце августа 1978 г., «отказывались признавать наличие серьезных проблем внутри СВАПО. «Люди считали, – пишет он, – что мой арест в Замбии был моим концом. Они совершенно не ожидали увидеть меня стоящим живым перед ними» [5, р. 151].

Книга снабжена рядом фотографий А. Шипанги с самыми различными политическими деятелями, в числе которых Сэм Нуйома. Есть фотография Нуйомы с подписью: «Сэм Нуйома, Президент СВАПО и человек, который посадил меня в тюрьму без суда и следствия за высказывания против его коррумпированного руководства» [5, р. 84–85].

Информация Качавиви и Шипанги подтверждается в упомянутой работе Х. Мбиты [4]. Авторы приводят мнения других участников событий. В частности, опровергающих утверждение Шипанги, что молодым солдатам приходилось воевать палками – их якобы выдавали новобранцам для тренировок, по другой версии – выдава-

ли недовольным вместо оружия, чтобы они не стреляли в своих [4, р. 79]. Кроме того, участники и свидетели событий подтверждали, что молодежь была недовольна тактикой военных действий руководства СВАПО, предпочитавшего партизанскую войну прямой схватке с войсками ЮАР. Но молодые бойцы не понимали намерений Шипанги, «он намеренно ассоциировался с недовольством крайне амбициозной и нетерпеливой молодежи и сумел убедить ее часть следовать его плану» [4, р. 80].

Авторы раздела берут слово «восстание» Шипанги в кавычки, отмечая, правда, что оно внесло раскол в освободительную борьбу. Они показывают, как и тремя десятилетиями ранее П. Качавиви, что Шипанга не был предателем, хотя во врезке к его интервью его действия названы предательскими: «Он был среди группы, которая предала людей СВАПО в так называемом «восстании Шипанги». Он был первым, выступившим против руководства СВАПО и создавшим свою собственную партию «СВАПО Д». Его партия, молча, умерла <...> Теперь он ветеран, политик на пенсии» [4, с. 491].

А, вот, отрывки из самого интервью Шипанги: «В 1974 г. к нам присоединились решительные молодые женщины и мужчины; они были хорошо образованы и воодушевлены. Они действительно хотели что-то сделать, но мои коллеги были не согласны со мной. Я говорил им, для того что организация была настоящей, нам нужно созвать съезд. Прежде всего нужен был устав; мы не могли бороться в организации, не имевший устава, порядка, структуры, и мы не могли посылать людей на смерть без устава. Молодёжь стала понимать это, когда пребывала сюда, это было правдой, это не было пропагандой. Главное – деньги поступали отовсюду, но только один человек мог контролировать их. Только Нуйома знал, что делать с деньгами. Он раздавал их только своему ближайшему окружению <...> Люди действительно умирали от голода. Продукты, которые приходили со всех концов цвета, продавались на чёрном рынке в Лусаке, за наличность <...> Женщины которые рожали в Ньянго и на Старой ферме не могли получать молоко и лекарства. Я помогал этим людям, когда они приходили ко мне; я отводил их к аптекарю, чтобы получить рецепт. Рецепты относились ими в шведское посольство, и они получали чеки, пищу, одеяла и книги. Я стал человеком номер

один, который помогал этим людям. Оружие продавалось УНИТА за наличность. Это было правдой. А тем, кто хотел воевать, давались палки и ветки пальм <...> Не было никакого восстания; было только то, что люди были критически настроены и требовали нового съезда, чтобы руководство было реорганизовано, но Нуйома ответил "нет". Люди не упоминали имён; они только хотели полной реорганизации и выборности руководителей <...> Через некоторое время кто-то стал говорить что меня послали буры, и, вот, так возникло "восстание Шипанги". Помню, что меня арестовали, и пока я был в тюрьме, Нуйома дал пресс-конференцию в Лусаке и сказал, что Шипанга – южноафриканский агент, который вводил людей в заблуждение. Якобы я хотел захватить власть, и руководство собиралось отдать меня под суд, и если меня признают виновным, то расстрелять. В тюрьме я не мог ответить им или защитить себя <...> Я до сих пор считаю, что Нуйома – это ошибка истории, но это моё мнение, другие могут считать, что он великий лидер» [4, р. 496–497].

Из источников явно следует, что Шипанга и его соратники не были предателями; они требовали реформирования руководства СВАПО и, в частности, разоблачали коррупцию в его среде. Одним из доказательств тому служит факт, что их не только не расстреляли, но выпустили из танзанийской тюрьмы по требованиям международной общественности.

Сам Шипанга в том же интервью говорит: «Я хочу подчеркнуть одну вещь – я никогда не подвергался нападкам кого-либо из членов СВАПО, никто никогда не нападал на меня. Я <...> встречал многих партизан, но они никогда не смели сделать мне что-либо. К черту! Я в норме, и я на своей стороне и пусть Нуйома останется там, где он есть, но большинство кабинета <...> все ещё остается моими друзьями, они все равно приходят ко мне» [4, р. 497].

Действительно, нет прямых указаний на то, что бойцы ПЛАН, захватившие лагеря СВАПО, действовали под непосредственным руководством А. Шипанги. Однако несомненно, что и он, и его соратники крайне отрицательно относились к Нуйоме и жестко критиковали его, обвиняя в серьезных ошибках и коррупции. Можно согласиться с тем, что одним из мотивов «восстания Шипанги» была борьба за власть, что не означало предательства интересов борьбы за освобождение Намибии от господства расистской ЮАР.

Интересно другое: информация о «восстании Шипанги» замалчивалась: бросать тень на руководство СВАПО явным адептам борьбы за независимость Намибии не хотелось. Автор предисловия к биографии Шипанги Фред Бриджленд, в то время, как уже отмечалось, корреспондент агентства Рейтер в Центральной Африке, писал: «когда выяснилось, что Нуйома, похоже, сотрудничает с «большим белым сатаной» (правлящим режимом ЮАР – А. Б.), это было как будто пристальные наблюдатели с их хитроумными предубеждениями не смогли переварить новую информацию. Многие просто закрыли глаза, в том числе ряд журналистов». Э. Симпсон, сообщивший все же об этом факте в «Ньюсвике» от 28 марта 1977 г. написал, что дело Шипанги и его соратников «замалчивается как африканскими государствами, так и западными либералами, чтобы не ставить в неловкое положение СВАПО, которая кажется лучшей надеждой на освобождение Намибии» [5, p. iv].

После освобождения из тюрьмы Шипанга отправился в Швецию. Затем вернулся в Намибию, где основал оппозиционную партию СВАПО-Д (СВАПО-Демократы). В составе переходного правительства Национального единства в 1987 и 1988 гг. Шипанга занимал посты министров и даже Председателя. После поражения на выборах в ноябре 1989 г. партии СВАПО-Д он ушел из политики. А. Шипанга умер 10 мая 2012 г. в возрасте 80 лет.

Мемуары Шипанги как исторический источник представляют собой безусловную ценность. В них содержится множество интересных сведений и нетривиальных оценок намибийского интеллектуала и видного политического деятеля. Они проливают свет на историю борьбы внутри СВАПО, в целом, мало известную, в том числе и за счет недоступности архива СВАПО для исследователей.

Примечания

1. Ngculu J. The Honour to Serve. Recollections of an Umkonto Soldier. Cape Town: David Philip, 2013. 272 p.
2. Bottoman W. W. The Making of an MK Cadre. Pretotia: LiNc Publishers, 2010. 200 p.
3. Shangula K. Journey to the Unknown. Windhoek: Kuiseb Publishers, 2020. 117 p.
4. Hashim Mbita Project. Southern African Liberation Struggles. 1960–1994. Contemporaneous Documents. Ed. by Arnold A. Temu and Joel das N. Tembe. Vol.3. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota, 2019. 756 p.

5. Armstrong S. The Andreas Shipanga Story. As told to Sue Armstrong. Gibraltar: Ashanti Publishers, 1989. 164 p.

6. Katjavivi P. H. A History of Resistance in Namibia. Paris: UNESCO Press, 1988. 154 p.

7. Akawa M. The Gender Politics of the Namibian Liberation Struggle. Basel: Basler Afrika Bibliographien, 2014. 250 p.

УДК 94(6)

Т. М. Гавристова

**Колониальная и постколониальная
история Африки с позиций
евро- и афроцентризма. Постановка проблемы**

Аннотация. Статья посвящена особенностям презентации истории Африки в европейских и неевропейских исследованиях. В центре внимания автора подходы, характерные для колониальной и постколониальной истории. Главный акцент сделан на труды критиков колониального дискурса, в числе которых Валентин Ив Мудимбе, Ачилл Мбембе, Тойин Фалола, Кваме Энтони Аппиа и другие. Особое внимание уделяется колониальной ментальности и ее трактовке Фела Аникулапо Кути.

Ключевые слова: Африка, история, колониальный, постколониальный, дискурс, коломентальность.

T. M. Gavristova

**Colonial and Postcolonial History of Africa
Across Euro – and Afrocentrism.
Presentation of the problem**

Abstract. The article is dedicated to the specifics of presenting African history in European and non-European studies. The author focuses on approaches

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00439, <https://rscf.ru/project/25-28-00439/>The study was realized with support of the Russian Science Foundation (Project #25-28-00439, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00439/>)

© Гавристова Т. М., 2026

characteristic of colonial and postcolonial history. The main emphasis is placed on the works of critics of colonial discourse, including Valentine Yves Mudimbe, Achill Mbembe, Toyin Falola, Kwame Anthony Appiah and others. Particular attention is paid to the colonial mentality (colomentality) and its treatment by Fela Anikulapo Kuti.

Keywords: Africa, history, colonial, postcolonial, discourse, colomentality, eurocentrism.

В течение долгого времени изучение истории Африки велось на основе европейских источников и историографии. Великобритания и Франция, Германия, Испания и Португалия, Бельгия и Нидерланды, «открывая» для себя неевропейский, «варварский» – мир, на долгую перспективу возложили на себя право ретранслировать свои – в большинстве своем субъективные, а нередко и ошибочные – представления о нем, породив множество стереотипов – внешних и внутренних. Вплоть до настоящего времени в научной и учебной литературе история Африки преподносилась с позиций евроцентризма – без учета мнений тех, кто, волею обстоятельств, был некогда покорён, обращён в рабство, лишён права голоса.

Большинство авторов описывали свое «открытие» Африки, делая упор на экзотические ландшафты и неизвестные языки, демонстрируя – на протяжении столетий – «устойчивый интерес к тому, что прежде считалось второстепенным миром, где обитают второстепенные цветные народы, которых изображали открытыми для вторжения многочисленных “робинзонов крузо”» [1, с. 15].

Анализируя восприятие Африки в западных нарративах, американский интеллектуал палестинского происхождения Эдвард Вади Саид (1935–2003) упоминал об образах, созданных мастером авантюрного (морского) романа, британским писателем польского происхождения Джозефом Конрадом. Настоящее его имя – Юзеф Теодор Конрад Коженёвский (1857–1924). Он вполне может считаться одним из самых последовательных приверженцев имперского мышления. Известность ему принес роман «Сердце тьмы» (1899; 1902 гг.) [2] – произведение, которое многие африканские писатели, вслед за первым африканским лауреатом Нобелевской премии в области литературы Воле Шойинкой (род. в 1934 г.), рассматривали как одно из проявлений фрактального расизма.

В книге «Культура и империализм» (1993 г.) Э. Саид отмечал: «Все, что может увидеть Конрад, – это мир, в котором полностью доминирует Атлантический Запад <...> Он не в состоянии понять, что Индия, Африка и Южная Америка живут своей жизнью и имеют собственную культуру, которую определяют не только империалисты гринго и реформаторы этого мира» [1, с. 18].

«Непонимание» разделяли многие. Неудивительно, что тезис Карла Маркса (1818–1883) о том, что «они (жители покоренных колонизаторами территорий – *T. G.*) не могут представлять себя, их должны представлять другие», выдвинутый в эссе «18 Брюмера Луи-Бонапарта» (1852 г.) [3], оказался более чем ангажирован. Э. Саид, подвергший критике западные концепции Востока и отчасти Африки, избрал его в качестве эпиграфа к своей книге «Ориентализм» (1978 г.) [4, с. 7].

Африка и другие колонии, включая Индию с ее уникальной многовековой историей и культурой, на протяжении веков рассматривались исключительно как объект интереса метрополий. Каждая из них была занята реализацией имперских амбиций и интеграцией своих заморских владений в единую систему, управляемую извне, и использовала разные стратегии – от культурной ассимиляции и лузотропикализма до конформизма [5] – и всевозможные рычаги давления, включая экономические и финансовые, военно-политические и религиозные. Осуществление «цивилизаторской миссии» играло ключевую роль. И хотя колониализм, по мнению нигерийского ученого Аде Аджайи (1929–2014), был «эпизодом» в истории Африки [6], его воздействие затронуло практически все сферы жизни континента: экономику и политику, управление и судопроизводство, системы воспитания и образования, религию, языки и отношения в социуме.

В границах имперской традиции культура силами колонизаторов превратилась в «своего рода защитный барьер» – подобие «доспехов», что обеспечило европейцам, а вслед за ними и американцам, право безоговорочного доминирования, несмотря на очевидную причастность к таким «омерзительно жестоким практикам» «как рабство, колониальное или расовое подавление» [1, с. 10]. Ретрансляции установок на то, кто есть «мы» (со временем псевдо-мы), а кто «они» (псевдо-они), базировалось на идее абсолютного превосходства.

Африканцев в европейских исследованиях позиционировали как людей «без истории» или «вне истории». Между тем многие из них посредством получения образования превратились в подобие европейцев, в их клоны, что зафиксировано в знаменитой книге блестящего философа и психолога Франца Фанона (1925–1961) «Черная кожа, белые маски» (1952 г.), впервые переведенной на русский язык спустя семь десятилетий после ее выхода в свет [7].

В ходе реализации «цивилизаторской миссии» в Африке европейцы нанесли удар по системе традиционных знаний и ценностей, формирующих образ жизни и стиль мышления местных жителей, что способствовало их маргинализации и даже вульгаризации в постколониальный период и на что одним из первых обратил внимание Ачилл Мбембе (род. в 1957 г.) в своем, ставшем хрестоматийным, сборнике эссе «О постколонии» (2000 г.) [8], частично переведенном на русский язык [9]. Позднее А. Мбембе подверг критике идеи Мишеля Фуко (1926–1984), касающиеся биополитики и биовласти, как устаревшие для объяснения современных форм подчинения, и ввел термин «некрополитика», продемонстрировав на примере Палестины, Африки и Косово, как власть суверенитета реализуется через создание «зон смерти», где смерть становится высшим проявлением господства и основной формой сопротивления [10].

Актуализация постколониальных исследований способствовала накоплению эмпирического материала и привела к инвентаризации теоретико-методологических установок прошлого, реанимировав интерес к темам, изучение которых, казалось, давно утратило злободневность в силу времени и широкого освещения в научной литературе и масс-медиа. В их числе трансатлантическая торговля рабами и расизм, колониальный грабеж и реституция, транскультурный транзит и колониальная ментальность, деколонизация и неоколониализм. Оказалось, что вместе и по отдельности их можно рассматривать в разных контекстах: с позиций европейских и африканских исследователей, интересов и ценностей, в рамках истории метрополий и колоний, с точки зрения теоретиков постколониализма в отрыве и взаимосвязи с идеями постмодернизма и деконструкции Ж. Дерриды (1930–2004).

Можно согласиться с Дипешем Чакрабартти (род. в 1948 г.) в том, что ни один крупный западный и не только западный мыслитель не разделяет точку зрения Фрэнсиса Фукуямы (род. в 1952 г.)

[11], увидевшего «в падении берлинской стены конец истории» [12, с. 10]. Европа, «по-прежнему прочно укорененная в виде клише <...> в повседневных привычках мышления» [12, с. 11], в значительной мере препятствует осмыслению проблем неевропейского мира «без упоминания определенных категорий и концептов, генеалогия которых уходит вглубь интеллектуальной и даже теологической европейской традиции» [12, с. 11]. Многие считают, что общество движется к унифицированной глобальной культуре, основанной на западных установках. Д. Чакрабартти, возможно, в силу его принадлежности к индийскому пулу исследователей, такое утверждение представляется в значительной мере фальшивым [12, с. 30, 35]. Африканцы же, как правило, уповая на «принцип разнообразия» [13] и эпистемологические традиции, базирующиеся на собственном опыте [14], принимают подобную перспективу.

Колониальная ментальность – точно и весьма изящно названная коломентальностью в одноименной композиции, созданной выдающимся нигерийским музыкантом Фела Аникулапо Кути (1938–1997) в 1977 г. [15], – способствовала искаженному восприятию и самовосприятию колонизаторов и колонизируемых и, по сути, породила у тех и других множество разнонаправленных комплексов.

Принятие идеи о превосходстве колонизаторов формировало у африканцев комплекс неполноценности и намерение во всем им подражать. Чувство вины в значительной мере было связано с гипертрофированной благодарностью за просвещение и приобщение к европейским ценностям. Изначально ее испытывали многие «черные европейцы», типичные представители *evolue*, включая Ф. Фанона и других. Параллельно в среде европейски образованных интеллектуалов было распространено ощущение не столько своего превосходства, как у колонизаторов, сколько уникальности, отделяющей их от массы соотечественников.

Иллюстрацией ее осознания может служить стихотворение В. Шойинки «Иммигрант»¹ (1957 г.), опубликованное в журнале «Черный Орфей», созданном немецким исследователем Африки Улли Байером (1922–2011) и получившем название по ассоциации с эссе

¹ В русском переводе стихотворение называется «Эмигрант».

Жана-Поля Сартра (1905–1980), посвященным Леопольду Сенгору (1906–2001) и представленным в качестве предисловия к «Антологии новой негритянской и мальгашской поэзии» (1948 г.) [16].

В молодости – в процессе воспитания и обучения – первый президент Сенегала, философ и поэт, удостоенный членства во Французской академии в 1984 г., прошел через практикуемое колониальными властями «отбеливание» («культурную ассимиляцию») и, сознавая себя философом, желал во всем походить на Ж.-П. Сартра. Один из создателей негритюда, доктрины, в основе которой лежит идея самобытности народов Африки, сохранял очевидную приверженность обеим культурам: европейской и африканской, за что был прозван «двуликим Янусом». Образ Л. Сенгора угадывается в стихотворении В. Шойинки:

«Мое достоинство зашито
в подкладку элегантной тройки.
Крахмальный воротник
моей сорочки
Европу посрамляет белизной.
Мой галстук – из чистой шерсти.
С почтеньем устремляю взор
на самого себя –
в великолепной тройке.
Свое достоинство я берегу
от пересмешек продавщиц,
от хохота дежурных по вокзалу –
не знают места своего,
невежи! –
и фамильярности таксистов,
вообразивших, будто я им ровня <...>
Моя победа подтверждает,
что я прекрасно обхожусь без них <...>
Мне белизна лица
антипатична <...>
В моем репертуаре утвердилось –
Пускай не дух – звучанье
Моднейшего словечка:
“Негритюд”...» [17, с. 514–515].

Между европейски образованными африканцами случались конфликты и противоречия [Подробнее см.: 18], которые выливались в дискуссии, а нередко и провокации, что в свою очередь способствовало появлению «литературы эмансипации», грандиозного корпуса блестящих произведений, не сразу замеченных в академической среде. Эта «библиотека» сформировалась в странах, куда, по мнению Э. Саида, были сделаны «большие интеллектуальные и эстетические инвестиции» [1, с. 24], где возникли университеты, в которых интеллектуальная элита училась мыслить автономно – независимо от колонизаторов.

«Колыбелью» свободомыслия стал Ибаданский университетский колледж – первое высшее учебное заведение, созданное в Тропической Африке британскими властями в 1948 г. и позднее преобразованное в университет². Именно здесь сформировалась целая плеяда интеллектуалов-вольнодумцев, стоявших у истоков современной нигерийской литературы и публицистики. В их числе В. Шойинка и едва ли не самый известный из современных нигерийских историков Тойин Фалола (род. в 1953 г.), авторы воспоминаний о городе, университете, студенческой жизни [19, 20, 21], Нигерии и Африке в целом.

В противовес европейской трактовке «идея Африки», обозначенная на страницах произведений конголезского историка и философа Валентина-Ива (Вумби Йока) Мудимбе (1941–2025), получила развитие в работах А. Мбембе, Т. Фалолы, и американского культуролога и антрополога ганско-британского происхождения Кваме Энтони Аппиа (род. в 1954 г.), который в названии одной из своих работ, ставшей своего рода гимном плюриверсальной идентичности, обозначил ключевую установку своих многолетних размышлений: «в доме отца моего обитателей много» [Подробнее см.: 22, 23].

Соединение эмпирического опыта с научным анализом прошлого и настоящего привело к созданию фундамента собственно африканских исследований и их деколонизации. Впитав в себя аутентичное знание, современные методологии и компенсаторский дискурс, именно африканцы дали утвердительный ответ на вопрос, заданный Гаятри

²Подробнее см. статью К. С. Кананыхиной «Ибаданский университет на перекрестке эпох» в данном сборнике. С. 62–71.

Ч. Спивак в ее резонансном эссе «Могут ли угнетенные говорить?» (1988 г.) [24]. Между тем вплоть до недавнего времени даже в границах академического сообщества не было принято упоминать об исследованиях, выполненных за пределами «цивилизованного» мира.

В настоящее время существует, по крайней мере, два авторитетных академических пула, к которым принадлежат аналитики афро-азиатского происхождения: индийский и африканский. Они вполне сопоставимы в силу общности колониального прошлого и постколониального настоящего, профессиональной подготовки, теоретико-методологических предпочтений и т.д. В их границах наблюдается усиление акцента на осознание равноценности исторического опыта и его освещения в иных, отличных от европейских, контекстах.

На протяжении десятилетий африканская «постколониальная библиотека» [Подробнее см.: 25, 26] прирастала исследованиями, выполненными в разных областях гуманитарного знания, включая антропологию и философию, египтологию и языкознание, археологию и политические науки, историю континента, регионов, этносов и культур. На сайтах, фиксирующих достижения современной африканской науки, представлены имена известных ученых. В их числе сенегалец Шейх Анта Диоп (1932–2021), кенийцы: Бетвелл Аллан Огот (1929–2025) и Али Мазруи (1933–2014), гвинеец Джабрил Тамси Найан (1932–2021) и другие. И если труды старшего поколения ученых в определенном смысле, преимущественно по форме, носили характер провокаций, современные авторы обосновывают свои подходы, находясь в границах академической традиции, апеллируя не только к европейским предшественникам, но и к коллегам-африканцам.

Афроцентричность их взглядов и подходов к изучению истории априори можно поставить под сомнение: они получили европейской образование, преподавали и преподают преимущественно в европейских и американских университетах, вполне комфортно ощущая себя в лоне современной мировой науки. Однако именно африканские исследователи, в частности Дамбиза Мойо (род. в 1969 г.), в ходе последних десятилетий инициировали дискуссии о том, насколько опасна любая благотворительность (Д. Мойо называет ее «мертвая помощь») и связанные с ней процессы универсализации [27]. Именно африканцы – в частности А. Мбембе, Олуфемии Тайво (род.

в 1956 г.) и Олуфемии О. Тайво (род. в 1990 г.) – поставили вопрос о деколонизации, реанимировав понятие нео- и пост-неоколониализма и реституции. Именно они – Али Мазруи и Тойин Фалола – уповали на силу аутентичности на фоне модернизации, апеллируя к тому, что Африка, на территории которой сконцентрирована значительная масса молодежи, в будущем должна стать центром знаний. Об этом говорил Олуфемии Тайво с платформы TED.

В изучении Африки и тем более в преподавании ее истории пришло время обратиться к созданным африканскими исследователями произведениям, чтобы понять, что есть Африка, ибо, как говорится, им виднее, и одновременно предостеречь, что нет пророка в своем отечестве, и иногда полезно взглянуть на ее историю со стороны.

Примечания

1. Саид Э. В. Культура и империализм / пер. с англ. А. В. Говорунова. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2012. 734 с.
2. Конрад Дж. Сердце тьмы. М.: АСТ, 2021. 448 с.
3. Маркс К. 18 Брюмера Луи-Бонапарта. URL: <https://www.litres.ru/book/karl-marks/vosemnadcatoe-brumera-lui-bonaparta-65857342/chitat-onlayn/> (дата обращения: 20.04.2025).
4. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / перевод с англ. А. В. Говорунова. СПб: «Русский мир», 2006. 637 с.
5. Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е. Африка: колониализм (история и современность): учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2023. 36 с.
6. Ajayi J. F. A. Colonialism: an episode in African history // Colonialism in Africa. 1870–1960. Volume I. The History and Politics of Colonialism. 1870–1914. Cambridge, 1969. P. 497–510.
7. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски / пер. Дмитрия Тимофеева. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022. 222 с.
8. Mbembe A. On the Postcolony. Berkeley: Univ. of California, 2001. 274 p.
9. Мбембе А. Эстетика вульгарности // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22940/ (дата обращения: 27.02.2025).
10. Mbembe A. Out of the Dark Night: Essays on Decolonization. N.-Y.: Columbia University Press, 2021. 269 p.
11. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. L.: Penguin Books, 1992. 418.
12. Чакрабарти Д. Провинциализируя Европу / пер. с англ. Петр Бавин, под науч. ред. Вячеслава Морозова. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 382 с.

13. Аппиа К.Э. Этика идентичности / пер. с англ. Д. Турко. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 504 с.

14. Adepoju O. V. Between Memoir and Metaphysics: Narrative, Religious and Philosophical Conjunctions in Africa, and Yorubaland, in Particular: Toyin Falola's Malaika and the Seven Heavens and his Yoruba Metaphysics: Spirituality and Supernaturality. URL: <https://toyinfalolanetwork.org/between-memoir-and-metaphysics-narrative-religious-and-philosophical-conjunctions-in-africa-and-yorubaland-in-particular-toyin-falolas-malaika-and-the-seven-heavens-and-his-yoruba-metaphysics/> (accessed: 21.09.2025).

15. Kuti F. Colonial Mentality. URL: <https://www.letras.com/felakuti/1576110/> (accessed: 10.02.2025).

16. Sartre J.-P. Black Orpheus // Black And White In American Culture. An Anthology From The Massachussts Review. Ed. by J. Chametzky & S. Kaplan. New York: The Viking Press, 1969. P. 417–450.

17. Шойинка В. Эмигрант // Шойинка В. Избранное / пер. с англ., составл. А. Словесного; предисл. В. Бейлиса. М.: Радуга, 1987. С. 514–516.

18. Гавристова Т. М. Африканские интеллектуалы за пределами Африки. Ярославль: ЯрГУ, 2002. 308 с.

19. Soyinka W. Ibadan: The Penkelemes Years; A Memoir: 1946–1965. London: Methuen, 1994. XV, 382 p.

20. Falola T. A Mouth Sweeter than Salt: An African Memoir. University of Michigan Press, 2004. 288 p.

21. Falola T. Ibadan: Foundation, Growth and Change. 1830–1960. Ibadan: Bookcraft, 2012. 1012 p.

22. Африка: постколониальный дискурс / отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. М.: ИАФР РАН, 2020. 248 с.

23. Appiah K.A. In My Father's House: Africa in the Philosophy of Culture. N.-Y.: Oxford University Press, 1992. 225 с.

24. Spivak G. Ch. Can the Subaltern Speak. URL: <https://jan.ucc.nau.edu/~sj6/Spivak%20CanTheSubalternSpeak.pdf> (accessed: 10.02.2025).

25. Гавристова Т.М. Африка: «постколониальная библиотека» // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 80–85.

26. Гавристова Т. М. Хохолькова Н. Е. Посколониальная эпистемология: африканские «регистры» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 688–699.

27. Moyó D. Dead Aid: Why Aid Is Not Working and How There Is a Better Way for Africa // URL: http://cms.medcol.mw/cms_uploaded_resources/4685_4.pdf (дата обращения: 03.12.2025).

А. Е. Гаврюшева

Наука на службе колониализма (на примере немецких колоний в Африке)

Аннотация. В статье рассматривается роль науки как инструмента колониальной экспансии и управления на примере немецких владений в Африке. Анализируются, как научные дисциплины (география, антропология, медицина, ботаника) использовались для оправдания колониального господства, изучения и эксплуатации ресурсов, контроля местного населения, а также обоснования расовых теорий. Автор отмечает, что научные экспедиции, музейные коллекции и академические институты стали неотъемлемой частью колониального аппарата.

Ключевые слова: колониализм, наука, немецкие колонии, Африка, колониальная эксплуатация.

A. E. Gavriusheva

Science in the Service of Colonialism (the Case of German Colonies in Africa)

Abstract. The article examines the role of science as an instrument of colonial expansion and governance, using the example of German possessions in Africa. It analyzes how disciplines (geography, anthropology, medicine, botany) were utilized to justify colonial domination, study and exploit resources, control the indigenous population, and substantiate racial theories. The author notes that scientific expeditions, museum collections, and academic institutions became an integral part of the colonial apparatus.

Keywords: colonialism, science, German colonies, Africa, colonial exploitation.

Колонизация Африки началась задолго до XIX века и со временем приобрела систематический характер. Европейские державы:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00439, <https://rscf.ru/project/25-28-00439/> The study was realized with support of the Russian Science Foundation (Project #25-28-00439, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00439/>)

© Гаврюшева А. Е., 2026

Великобритания, Франция, Германия, Бельгия, Португалия, Италия – стремились установить контроль над африканскими территориями, руководствуясь экономическими, политическими и идеологически-ми мотивами. Стратегии колонизации варьировались в зависимости от целей и методов каждой державы – общим было стремление к эксплуатации ресурсов и подчинению местного населения.

Германия, поздно вступившая в колониальную гонку, активно включилась в раздел Африки в конце XIX века [1, с. 27; 2, с. 220]¹. Среди колониальных стратегий, которыми пользовалась Германия, можно выделить несколько направлений: военная экспансия [3]², экономическая эксплуатация [4]³, административное управление [5, с. 22]⁴, инфраструктурные проекты [6]⁵ и пр. Однако, как отмечает С. Конрад [7], проанализировавший связь между наукой и колониальным управлением, а также выполнивший краткий обзор научных проектов в Африке и тихоокеанских колониях, именно в сфере академических знаний в конце XIX – начале XX века были сформированы идеи, обеспечившие идеологическую, экономическую и технологическую базу для эксплуатации завоеванных территорий. Кроме

¹ Первые колонии в Африке были основаны в XVII в. маркграфством Бранденбург, где была создана Бранденбургско-африканская компания. После объединения Германии до последней четверти XIX в. колониальная политика не была в приоритете. Владения в Африке принадлежали немецким торговым компаниям и коммерсантам. Их передача под защиту Германии была осуществлена только в 1884 г., к началу «схватки за Африку».

² Примером может служить подавление восстаний племён гереро и нама в Германской Юго-Западной Африке (современная Намибия) в 1904–1908 гг., что привело к геноциду, унёсшему жизни десятков тысяч человек.

³ Можно выделить добычу полезных ископаемых, создание плантаций для выращивания каучука, хлопка, кофе и других товаров с использованием принудительного труда местного населения. Колонии рассматривались как источник сырья и рынок сбыта для немецких товаров.

⁴ В колониях Германия внедрила систему прямого управления, опираясь на колониальных чиновников и военные гарнизоны. Местные традиционные структуры власти игнорировали или разрушали.

⁵ Для эффективной эксплуатации колоний строились железные дороги, порты и телеграфные линии. Например, железная дорога в Германской Восточной Африке соединяла внутренние районы с побережьем.

того, научные достижения использовались для повышения престижа в конкурентной борьбе с другими империями в области науки.

Колониальные идеи влияли на новые теории и открытия, сделанные в конце XIX века. В частности, германская колониальная политика опиралась на идеи расового превосходства и «цивилизаторской миссии». Немецкие колонизаторы считали себя носителями прогресса, призванными «цивилизовать» африканских «дикарей».

Этнологи и антропологи в погоне за артефактами интерпретировали африканские находки как «примитивные» и «застывшие во времени» [8], либо связывали их происхождение с деятельностью неафриканских народов, арабов или финикийцев [9, 10]. В ряде случаев создание археологических памятников и артефактов, найденных на их территории, приписывали библейским народам [11] или выходцам из Атлантиды [8]. Та же судьба постигла научные достижения африканских народов в различных областях знаний (включая астрономию, математику и медицину), что использовалось для обоснования «цивилизаторской миссии» Европы.

Целый ряд этнографических и археологических экспедиций был организован колониальными учеными-чиновниками, проявлявшими интерес к науке. Благодаря тому, что такие экспедиции проводились достаточно часто, а их организаторы имели возможность финансировать большой штат работников и оплачивать исследования, количество публикаций их результатов возросло. Так, например, К. Петерс, Г. Нахтигаль транслировали в своих исследованиях евроцентристские взгляды и веру в «цивилизаторскую миссию» колониальных империй [10], а, благодаря уважению, которым они пользовались в академической среде, их воззрения приобретали все больший вес. Публикации отчетов экспедиций осуществлялись в академических и семейных журналах Германии, формируя определенный образ Африки у широкой аудитории [12].

В ходе этнографических и археологических экспедиций ученые собирали артефакты, отправляя их в музеи для исследования или на продажу в частные коллекции [13]. Так, например, коллекции Л. Фробениуса стали частью фонда Берлинского этнологического музея. При организации специализированных выставок африканские общества представлялись как экзотические объекты изучения, а не развитые цивилизации [14]. Тысячи артефактов, вывезенных

из колоний, до сих пор хранятся в немецких музеях, провоцируя дискуссии о реституции [15].

В рамках антропологических экспедиций проводились краниометрические исследования. Одним из создателей систематизации черепов человека на основе краниометрии является Р. Вирхов [16]. Данные, полученные в результате исследований, положили начало попыткам научно обосновать различия между расами, а впоследствии и для оправдания сегрегации и принудительного труда.

Результаты медицинских исследований, осуществляемых в колониях и направленных на борьбу с болезнями, использовались для укрепления колониального контроля. В частности, экспедиции Р. Коха в Германскую Восточную Африку (1906–1907 гг.) выявили связь между сонной болезнью и мухой цеце. Однако методы лечения (включая принудительную изоляцию больных) усиливали контроль над местным населением, превращая медицину в инструмент дисциплины. Карантинные лагеря ограничивали перемещение африканцев, обеспечивая доступ к дешевой рабочей силе для плантаций [17].

Те же методы использовались для борьбы с малярией. В Германской Восточной Африке и Камеруне создавались медицинские станции для защиты европейцев и контроля эпидемий, угрожавших рабочей силе. Главной целью исследований была защита колонистов и сохранение продуктивности рабочих. Здоровье коренного населения интересовало колониальные власти лишь в контексте экономической выгоды [18].

В немецких колониях в конце XIX – начале XX века создавались не только этнографические и медицинские исследовательские станции, некоторые из них занимались изучением особенностей сельского хозяйства на новых территориях, а также метеорологии, способствуя как развитию науки, так и укреплению колониальной власти. Научные институты, разрабатывающие новые методы ведения хозяйства, в колониях работали на повышение прибыльности плантаций, часто игнорируя экологические и социальные последствия [18].

Так, в Аmani (Танзания) в 1902 г. для исследований в области тропического сельского хозяйства был создан биолого-агрономический институт, где выводились сорта кофе, хлопка и каучука, адаптированные к тропикам. Специалисты изучали выращивание новых сортов растений, чтобы оптимизировать производство для экспорта.

Здесь велась работа по борьбе с вредителями и болезнями растений. Институт стал одним из центров колониальной науки, связанных с Берлинским ботаническим садом. Исследования, осуществляемые сотрудниками института, нередко сопровождалась конфискацией земель у местных общин, внедрением принудительного труда, в том числе с участием акида⁶, в Восточной Африке [19]) и уничтожением традиционных сельскохозяйственных практик [4]. Эксперименты с акклиматизацией растений не всегда заканчивались удачно [20].

В Того и Камеруне создавались сельскохозяйственные станции: в Того – экспериментальные плантации какао и хлопка, в Камеруне (например, в Виктории) – станции для изучения методов выращивания бананов и добычи пальмового масла⁷. На станциях использовался принудительный труд местного населения [21, 22].

Немецкие географы и исследователи создавали карты колоний вопреки традиционным границам, обновляли топонимы, что позволяло легализовать захват земель, лучше планировать инфраструктуру (железные дороги, порты) для вывоза сырья и контролировать ресурсы (например, месторождения алмазов в Намибии). Границы, установленные колонизаторами, часто не учитывали этнических и культурных особенностей регионов, что приводило к конфликтам.

Обоснование расширения территорий колоний в числе прочего опирается на труды К. Мауха и Фр. Ратцеля. Работы картографа

⁶ Акида (Akida/Akiden) – местные чиновники, находившиеся на среднем административном уровне между окружным колониальным управлением и местными вождями (джумбе) [5, с. 22]. Титул был перенят у доколониальной администрации Занзибара. Немецкая колониальная власть наделила их особыми полномочиями: акида выполняли функции сборщиков налогов, полицейских, судей низшей инстанции.

⁷ Такие институты существовали не только в Африке. В Тихоокеанских колониях (Самоа, Новая Гвинея) ученые внедряли монокультуры кокоса для производства копры, что вело к деградации почв и зависимости местных жителей от колониальной экономики. В 1898 г. в Циндао (Китай) была создана метеорологическая обсерватория. Она занималась прогнозированием погоды для судоходства и военных нужд. Её данные использовались Берлинской метеорологической службой. Там же в конце XIX в. начала работу Немецко-китайская высшая школа, сочетающая образование с техническими исследованиями (в частности, в рамках инженерии и естественных наук).

и исследователя Африки К. Мауха использовались для обоснования «ничейности» земель, несмотря на существование местных государств [11]. В трудах Фр. Ратцеля встречается концепция «жизненного пространства» (Lebensraum) [23], позже развитая в романе Г. Гримма (1875–1959) «Народ без пространства» («Volk ohne Raum»), подчеркивавшим необходимость расширения жизненного пространства колонизаторов [24].

Однако даже в колониальную эпоху некоторые ученые (в частности, Б. Анкерман [25]) и миссионеры высказывались против слияния науки и угнетения, критикуя жестокость колониальной системы. Однако их мнения маргинализировались, в числе прочего, по причине того, что научные исследования зависели от финансирования колониальных властей.

Ученые внесли существенный вклад в становление и развитие ряда дисциплин. Материалы экспедиций до сих пор привлекаются в ходе проведения современных исследований. Их инфраструктура, созданная в конце XIX – начале XX вв., сохранилась и после Первой мировой войны; часть институтов перешла под управление других держав⁸, но функционирование и финансирование их продолжалось.

Находясь во взаимосвязи с колониальной политикой, научные исследования характеризуются жесткой эксплуатацией местного населения, их результаты приводят к изменениям в социальной, экономической и культурной жизни народов континента, включая разрушение традиционных структур и введение новых форм неравенства. Кроме того, монокультуры и инвазивные виды, внедренные в колониальную эпоху, до настоящего времени влияют на экосистемы Африки, что подчеркивает двойственность научной деятельности в колониальный период. В настоящее время ее развитие активно изучается как в контексте истории бывших колоний, так и современной культуре Германии [26].

Примечания

1. Graichen G., Gründer H. Deutsche Kolonien: Traum und Trauma. Bd. 1. Berlin: Ullstein, 2007. 486 s.

⁸ В частности, Амани стал частью британской, а затем танзанийской науки.

2. Pelizaeus L. Der Kolonialismus. Wiesbaden: Marixverlag, 2008. 256 s.
3. Hull I. V. Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany. N.-Y.: Cornell University Press, 2013. 400 p.
4. Koponen J. Development for Exploitation: German Colonial Policies in Mainland Tanzania, 1884–1914. Helsinki: Tiedekirja, 1994. 740 p.
5. Becker F., Beez J. Der Maji-Maji-Krieg in Deutsch-Ostafrika, 1905–1907. Berlin: Ch. Links Verlag, 2005. 235 s.
6. Baltzer Fr. Die Kolonialbahnen mit besonderer Berücksichtigung Afrikas. Leipzig: Reprint-Verlag, 2008. 462 s.
7. Conrad S. German Colonialism: A Short History. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 246 p.
8. Frobenius L. Auf dem Wege nach Atlantis. Bericht über den Verlauf der zweiten Reise-Periode der DIAFE in den Jahren 1908 bis 1910. Berlin – Charlottenburg: Vita Deutsches Verlaghaus, 1911. 410 p.
9. Bent J.Th. The Ruined Cities of Mashonaland: being a record of excavation and exploration in 1891. L.: Longmans, Green & C., 1892. 492 p.
10. Peters C. Im Goldland des Altertums: Forschungen zwischen Zambesi und Sabi. Mit 50 an Ort und Stelle gemachten Original-Illustrationen von Tennyson Cole. München: Lehmann, 1902. 414 p.
11. Mauch K. Reisen im Inneren von Südafrika. Zu den Ruinen von Great Zimbabwe. 1865–1872. Wiesbaden: Römerweg, 2014. 192 s.
12. Gretz D. Eine große Zeitungsthat: Die serielle Exploration des I/inneren Afrika/s in populären Zeitschriften des 19. Jahrhunderts // Archiv/Fiktionen. Verfahren des Archivierens in Literatur und Kultur des langen 19. Jahrhunderts. Freiburg: Rombach, 2016. S. 279–315.
13. Moltmann. G. Hamburgs Öffnung nach Übersee im späten 18. und 19. Jahrhundert // Das alte Hamburg (1500–1848/49). Vergleiche. Beziehungen / Arno Herzig. Berlin: Universität Hamburg, 1989. S. 51–72.
14. König V. Ethnologisches Museum Berlin. München: Prestel, 2003. 152 s.
15. Thurner I. Kunst als Fetisch. Zur westlichen Rezeption afrikanischer Objekte // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. 127. Wien: Hof- und Universitäts-Buchhändler, 1997. S. 79–97.
16. Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ) / под ред. Б. В. Петровского, 3-е изд. [Электронный источник]. URL: https://бмэ.орг/index.php/ВИРХОВ_Рудольф (дата обращения 17.03.2025).
17. Eckart W.U. Medizin und Kolonialimperialismus: Deutschland 1884–1945. Leiden: Brill/ Schöningh, 1997. 638 s.
18. Saraiva T. Fascist Pigs: Technoscientific Organisms and the History of Fascism. Cambridge: The MIT Press, 2018. 344 p.

19. Jeppie Sh., Moosa E., Roberts R.L. Muslim Family Law in Sub-Saharan Africa: Colonial Legacies and Post-colonial Challenges. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. 388 p.

20. Bennett B. M. The El Dorado of Forestry: The Eucalyptus in India, South Africa, and Thailand // International Review of Social History. № 55. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 27–50.

21. Steinmetz G. The Devil's Handwriting: Precoloniality and the German Colonial State in Qingdao, Samoa, and Southwest Africa. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 608 p.

22. Zimmermann A. Alabama in Africa: Booker T. Washington, the German Empire, and the Globalization of the New South. Princeton: Princeton University Press, 2012. 416 p.

23. Ratzel Fr. Der Lebensraum. Eine biogeographische Studie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1966. 87 s.

24. Grimm H. Volk ohne Raum. Lippoldsberg: Klosterhaus, 1926. 1353 s.

25. Hirschberg W. Das Werk Bernhard Ankermanns // Zeitschrift für Ethnologie, 70. Jahrgang. Heft 3/5. Berlin: Reimer, 1938. S. 130–143.

26. Zeller J. Kolonialdenkmäler und Geschichtsbewusstsein. Frankfurt am Main: IKO Verlag für Interkulturelle Kommunikation, 2000. 328 s.

УДК 94(624) + 316.347:39(430)

А. Е. Гаврюшева

Реконфигурация постколониальной идентичности в суданской диаспоре Германии: реинтеграция наследия царства Куш в процессы самоидентификации

Аннотация. Статья исследует процессы реконфигурации постколониальной идентичности в суданской диаспоре Германии через обращение к доколониальному наследию царства Куш. Анализируется использование исторического нарратива как инструмента преодоления внутренней

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00439, <https://rscf.ru/project/25-28-00439/>» / The study was realized with support of the Russian Science Foundation (Project #25-28-00439, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00439/>)

© Гаврюшева А. Е., 2026

разобъённости и противостояния стереотипам. Особое внимание уделяется образовательным и культурным инициативам диаспоры, направленным на создание альтернативных каналов передачи знания. Рассматривается роль цифровых платформ и публичных мероприятий в деколонизации сознания и формировании наднациональной идентичности. Автор показывает, как историческое наследие служит основой для консолидации диаспоры. Процесс интерпретируется в рамках концепций культурной памяти и аффирмативной стратегии самоидентификации.

Ключевые слова: Судан, диаспора, постколониальная идентичность, царство Куш, деколонизация сознания, культурная память.

A. E. Gavriusheva

Reconfiguration of Postcolonial Identity in the Sudanese Diaspora in Germany: Reintegrating the Heritage of the Kingdom of Kush into Processes of Self-Identification

Abstract. The article explores the processes of reconfiguring postcolonial identity within the Sudanese Diaspora in Germany through the lens of the precolonial heritage of the Kingdom of Kush. It analyzes the use of historical narrative as a tool to overcome internal fragmentation and counteract stereotypes. Particular attention is paid to the Diaspora's educational and cultural initiatives aimed at creating alternative channels of knowledge transmission. The role of digital platforms and public events in decolonizing consciousness and forming a supranational identity is examined. The author demonstrates how the heritage of Kush serves as a foundation for Diaspora consolidation and the assertion of historical agency. This process is interpreted within the frameworks of cultural memory theory and affirmative identity-building strategies.

Keywords: Sudan, Diaspora, postcolonial identity, Kingdom of Kush, decolonization of the mind, cultural memory.

В современном глобализованном мире диаспоры стали ключевыми акторами в осмыслении коллективной идентичности и исторической памяти. Для мигрантов из стран с колониальным прошлым, как, например, Судан, переживающих острые внутренние кризисы, обращение к доколониальному наследию превратилось в мощный инструмент самоидентификации и психологической компенсации [1, р. 50–51]. Если в метрополиях, подобно Берлину, процессы де-

колонизации сфокусированы на критике колониального прошлого и трансформации публичного пространства, то в диаспорах они смещаются в плоскость внутренней работы по «деколонизации разума» [2] и поиску утраченных или намеренно забытых пластов собственной истории.

Наследие цивилизаций древнего Судана, в частности царства Куш¹ со столицей в Мероэ², служит тому примером. Империя, завоевавшая Египет и правившая им как XXV «кушитская» династия, обладала собственной письменностью, развитой металлургией и монументальной архитектурой [3]³. Однако в западном и отчасти арабском дискурсах доминирует египтоцентричный взгляд, отводящий Кушу роль периферии [4, р. 12]. Для суданской диаспоры, сталкивающейся с типичными для ориенталистского подхода стереотипами и внутренней раздробленностью по этническому и религиозному признаку, обращение к наследию Куша стало актом «транскодирования» собственной идентичности, замены колониального «шифра» на доколониальный.

Формирование идентичности в границах диаспоры неизбежно связано с процессами памяти. Как отмечает Алейда Ассман⁴, в условиях миграции «функциональная память» (актуальная, ориентированная на будущее группы) активно конструируется через апелляцию к «хранимой памяти» (культурной, архивной) [5, р. 231; 6, р. 110]. Для суданских мигрантов, переживших травму гражданских войн и самого акта миграции, «хранимой памятью» становится великое доколониальное прошлое.

¹ Царство Куш (ок. VIII в. до н.э. – IV в. н.э.) представляет собой древнее царство в Нубии, расположенное вдоль долины Нила на территории современных Северного Судана и Южного Египта.

² Мероэ, древний город на восточном берегу Нила, был столицей царства Куш с 590 г. до н.э. до IV в. н.э. С 750 до 590 гг. до н.э. столицей царства Куш был город Напата, основанный около 1450 г. до н.э.

³ В частности, к позднему периоду царства Куш (III в. до н.э. – IV в. н.э.) относятся пирамиды Мероэ, места захоронения кушитских правителей, членов их семей, важных чиновников.

⁴ Алейда Ассман (род. 1947 г.) – немецкий историк, антрополог и культуролог, профессор университета г. Констанц, к чьим исследовательским интересам относится культурная память.

Данный процесс напрямую соотносится с концепцией «деколонизации разума» кенийского писателя Нгуги ва Тхионго⁵, призывающего к отказу от внутренней зависимости от культурных и эпистемологических моделей бывшей метрополии и к поиску духовного освобождения в своих корнях [1]. В диаспоре такой поиск ведется через аффирмацию: утверждение и сакрализацию альтернативного, могущественного прошлого.

Суданская диаспора в Европе, чья численность только в одной Германии, по разным оценкам, достигает от 60 до 100 тысяч человек⁶, представляет собой сложный и полиэтнический конгломерат. Она включает в себя выходцев из различных регионов современного Судана, принадлежащих к разным этническим группам, конфессиям и политическим лагерям, что зачастую делает её внутренне разобщенной. Однако именно в условиях миграции, «в отрыве от родной почвы», старые внутренние границы начинают стираться. Возникает насущная потребность в консолидации и поиске новой, наднациональной идентичности, которая могла бы объединить разрозненное сообщество перед лицом вызовов жизни на чужбине [7]. Таким объединяющим символом все чаще избирается наследие царства Куш, величественной цивилизации, предшествующей арабизации и исламизации страны. Обращение к общей доколониальной истории позволяет диаспоре конструировать позитивный образ «золотого века», свободный от современных политических трений и этнических конфликтов.

В странах Запада представители диаспоры сталкиваются с двойной маргинализацией: как иммигранты и как люди африканского про-

⁵ Нгуги ва Тхионго (1938-2025) – кенийский писатель и культуролог. Его концепция «деколонизации мысли» призывала к освобождению от колониального языка и доминирующей культуры.

⁶ Согласно официальной статистике (Federal Statistical Office of Germany – Destatis) на конец 2024 г. в Германии проживало около 60 000 человек с гражданством Судана, однако эта цифра не включает тех, кто получил немецкое гражданство, родился в Германии или прибыл как беженец без суданского паспорта. См. URL: https://www.destatis.de/EN/Home/_node.html; URL: https://www.bamf.de/DE/Startseite/startseite_node.html. После начала конфликта в Судане в апреле 2023 г. число просителей убежища из Судана значительно выросло.

исхождения. Их воспринимают сквозь призму стереотипов об Африке как о «тёмном континенте», лишённом истории, что усугубляет кризис идентичности. Обращение к истории Судана позволяет компенсировать опыт маргинализации и кризиса идентичности.

Анализ деятельности ключевых диаспоральных сообществ Германии, таких как берлинская инициатива «Sudan Club» («Sudanese German Cultural Association eV»), организация DarSudan⁷ или висбаденская ассоциация «German-Sudanese Association Rhein-Main»⁸, наглядно демонстрирует, как обращение к наследию Куша осуществляется по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Главной целью образовательного направления является компенсация системного пробела в знаниях о доколониальной истории Судана. Молодое поколение мигрантов, обучаясь в немецких школах, сталкивается с практически полным отсутствием информации о цивилизациях Нубии и Мероэ в учебных программах, где история Африки к югу от Сахары часто начинается с работорговли и колониализма [8, p. 124–130]. Чтобы компенсировать пробел, инициатива переходит к неформальным, зачастую цифровым формам просвещения. Представители диаспоры: учёные, студенты, активисты – используют социальные сети, блоги и онлайн-форумы для распространения историй о ключевых фигурах кушитской истории, таких как фараон Тахарка и царь Настасен, о технологических достижениях мероитов, об архитектуре и социальном устройстве⁹. Такие материалы формируют контр-нарратив, призванный компенсировать фрагментарное или периферийное освещение

⁷ DarSudan eV – культурно-художественная организация со штаб-квартирой в Берлине. Она была основана в 2021 году семью суданскими феминистками, каждая из которых имеет богатый опыт борьбы за социальную справедливость в Судане, Германии и США. Подробнее см.: URL: <https://www.darsudan.org/about.html>.

⁸ Подробнее о деятельности ассоциации см.: URL: <https://dsv-rm.org/en/home-en/>.

⁹ Такой подход к просвещению можно считать общедиаспоральным трендом: использование наследия царства Куш для формирования идентичности, создания контр-нарративов и образовательных инициатив характерно и для диаспор в Великобритании и США. В Германии образовательные и культурные цели преследует, в частности, висбаденская ассоциация «German-Sudanese Association Rhein-Main».

истории Судана в стандартных учебных курсах, где акцент делается на колониальный период и постколониальные конфликты.

Немецкими и суданскими археологами была создана онлайн-платформа «Sudan Survey Project». Ее контент направлен не только на популяризацию, но и на академическую реабилитацию истории Куша¹⁰. Параллельно с цифровым просвещением, важную роль играют офлайн-мероприятия, придающие историческому нарративу публичную и событийную легитимность. В рамках ежегодного «Дня Судана» в Государственном музее Берлина выступают немецкие и суданские исследователи с лекциями о культурном наследии Судана, его доколониальной истории, о ходе археологических раскопок и о возможной интеграции этих данных в современные учебные программы¹¹.

Образовательное направление характеризуется созданием альтернативных каналов производства и распространения исторического знания, от цифровых платформ до публичных лекций. «Деколонизация разума» позволяет, формируя у молодого поколения способности критически оценивать доминирующие исторические нарративы, самостоятельно обращаться к источникам по истории региона.

В рамках культурного направления наследие Куша визуализируется и оживает. Данный процесс представляет собой активное создание живой, современной культуры, укорененной в глубоком историческом прошлом. В частности, на ежегодном «Дне Судана» в Берлине можно увидеть не только лекционный блок, но и художественные инсталляции, вдохновленные архитектурой Мероэ, использующие орнаменты мероитской керамики и ювелирных изделий¹². Изображения могущественных кандаке (цариц-матерей, которые нередко были правительницами) стали феминистским символом, особенно для суданских женщин, отстаивающих свои права¹³. Открытие суданского

¹⁰ На платформе публикуется большое количество образовательных материалов. См., например: URL: <https://www.sudansurvey.gwi.uni-muenchen.de/>.

¹¹ Программу мероприятия 2025 г. см.: URL: <https://www.smb.museum/en/events/detail/sudan-day-berlin-2025-11-29-100000-155394/>.

¹² Программу мероприятия 2024 г. см.: URL: <https://www.smb.museum/en/events/detail/sudan-day-berlin-2024-12-07-100000-148115/> (accessed: 25.09.2025).

¹³ Подробнее об объединении суданских и немецко-суданских феминисток см.: URL: <https://www.darsudan.org/about.html> (accessed: 25.09.2025).

кафе «Куш» в Берлине представляет собой пример «бытовой» репрезентации наследия царства Куш как формы популяризации истории в повседневном пространстве. Такие инициативы, как проект Sudan Memory Project, направленные на сохранение цифрового наследия, создают новое, объединяющее культурное пространство.

Историческое достояние используется диаспорой для риторического противостояния современным властям Хартума. Способность предков возводить могущественные государства, интегрированные в дипломатическую систему античного мира, становится логическим основанием для подтверждения способности суданского народа к самоуправлению. Подобное наследие служит доказательством исторической состоятельности и политического суверенитета, позволяя диаспоре апеллировать не к разобщающим этническим или региональным идентичностям, а к концепции общего гражданства, основанной на непрерывной традиции государственности [9].

Процесс актуализации и ревивализации истории древнего Судана, в частности царства Куш, среди представителей суданской диаспоры представляет собой глубокий и многослойный социокультурный феномен. Данная диаспоральная стратегия носит сугубо аффирмативный и конструктивный характер, она фокусируется не на отрицании или попытке забыть травматические аспекты колониального и постколониального прошлого (включая гражданские конфликты и миграцию), а на активном воссоздании и укреплении прочной, позитивной культурной опоры. Такой опорой служит обращение к периоду независимости, могущества и культурного расцвета древних суданских государств.

Кроме того, нарратив бросает вызов идеям о том, что Африка к югу от Сахары не имела «своей» истории и что вся её цивилизация была «импортирована» с Севера. Он показывает, что могущественные африканские цивилизации существовали тысячелетиями. Данный процесс напрямую связан с более широким интеллектуальным движением «Африканского ренессанса» и работами таких историков, как Шейх Анта Диоп. Наследие царства Куш стало для суданской диаспоры не просто объектом памяти, а активным ресурсом для построения будущего, инструментом деколонизации сознания и основой для новой, гордой и самодостаточной идентичности в условиях глобализованного мира.

Примечания

1. Sharkey H.J.J. Living with Colonialism: Nationalism and Culture in the Anglo-Egyptian Sudan. Oakland: University of California Press, 2003. 252 p.
2. Thiong'o wa N. Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature. Portsmouth: James Currey Ltd. Heinemann, 1986. 114 p.
3. Edwards D.N. The Nubian Past: An Archaeology of the Sudan. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2004. 361 p.
4. Smith S.T. Wretched Kush: Ethnic Identities and Boundaries in Egypt's Nubian Empire. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2003. 252 p.
5. Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München: C.H. Beck, 2006. 320 S.
6. Erll A. Memory in Culture. L.: Palgrave Macmillan, 2011. 218 p.
7. Zeleza P.T. Rewriting the African Diaspora: Beyond the Black Atlantic // African Affairs. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 35-68.
8. Radecke-Rauh R. Forum Geschichte. 9./10. Schuljahr. Berlin-Wilmersdorf: Cornelsen Verlag, 2017. 320 S.
9. Kodouda A., Terlinde U. Civil peace in Sudan – and Germany's important role: <https://www.boell.de/en/2025/10/10/civil-peace-sudan-and-germanys-important-role> (accessed: 21.10.2025)

УДК 32.019.5

Т. С. Денисова

Развитие и политическая роль нигерийской колониальной прессы

Аннотация. В статье рассматривается история появления местной прессы – газет в колонии Лагос, а затем в протекторате и колонии Нигерия. Утверждается, что наряду с выполнением информативной и просветительской функций колониальные газеты играли большую политическую роль, способствуя формированию самосознания нигерийцев и объединяя вокруг себя наиболее образованных и радикально настроенных представителей местной интеллектуальной элиты.

Ключевые слова: Нигерия, пресса, политическое развитие, колониальная политика, деколонизация.

© Денисова Т. С., 2026

T. S. Denisova
The Development and Political Role
of the Nigerian Colonial Press

Abstract. This article examines the history of the emergence of the local press – newspapers – in the Lagos Colony and subsequently in the Protectorate and Colony of Nigeria. It is argued that alongside serving informative and educational functions, the colonial newspapers played a significant political role. They fostered the development of a Nigerian national identity and united the most educated and radically-minded members of the local intellectual elite.

Keywords: Nigeria, Press, Political Development, Colonial Policy, Decolonization.

Первые газеты появились на территории современной Нигерии в середине XIX в. – задолго до возникновения – в результате объединения в 1914 г. колонии и протектората Южной Нигерии с протекторатом Северной Нигерии – в колонию Нигерия [1, с. 65]. Первый печатный станок был установлен в 1846 г. в г. Калабаре миссионерами-пресвитерианами (протестантами), и многие исследователи указывают как на первую газету, появившуюся на территории современной Нигерии, на «Иве Ирохин» (Iwe Irohin fun awon Ara Egba ati Yoruba) основанную в 1859 г. в Абеокуте англиканским миссионером Генри Таунсендом (1815–1886) [2]. Однако еще в 1851 г. исламским миссионером и журналистом Молви Насимом Саифи Сахибом на севере нынешней нигерийской территории начала издаваться газета «The Truth» (орган последователей ордена Ахмадийя), в которой ставились вопросы религиозного и общего образования и общественного развития в целом [3].

Между тем «Иве Ирохин», насчитывавшая 8 страниц, выходявшая один раз в две недели на языке йоруба, а с марта 1866 г. – и на английском, пропагандировала англиканскую веру, рассказывала о событиях в Абеокуте, предоставляла статистику, касавшуюся урожаев хлопка и какао-бобов, печатала рекламу местных фирм и, главное, выступала за отмену работорговли. «Иве Ирохин» выражала интересы эгба – подгруппы народа йоруба, к которому Таунсенд испытывал особый интерес и даже опубликовал два учебника по языку йоруба, сборник гимнов на йоруба и др. работы [4].

Однако в 1867 г., на подъеме антиевропейских настроений и в знак протеста против британской аннексии Лагоса [5], из Абеокуты были изгнаны европейцы, в том числе миссионеры. В ходе сопровождавших беспорядки погромов была разрушена типография, что привело к закрытию газеты. В 2012 г. она была воссоздана в Абеокуте – столице штата Огун – под тем же названием [6].

В 1863 г. в Лагосе эмигрантом с Ямайки и другом Таунсенда – Робертом Кэмпбеллом (1829–1884) была основана газета «The Anglo-African», в которой в основном публиковались рассказы и различные, в том числе учебные, материалы, призванные привлечь нигерийцев к западному образованию и просвещавшие читателей по различным вопросам. Из-за нехватки средств в 1865 г. газета перестала выходить; однако идеи, продвигавшиеся Кэмпбеллом и после закрытия газеты, были реализованы, в частности, в основании в 1873 г. женского учебного заведения для нигериек, придерживавшихся англиканской веры, а в 1876 г. – Методистских мужской и женской средних школ [7, р. 5].

Среди задач первых нигерийских СМИ были пропаганда соответствующей религии и приучение местных жителей к чтению, просвещение африканцев, чтобы колониальным властям было легче с ними общаться и ими управлять – желательно на языке метрополии. Первые газеты создавались для обслуживания не столько населения колоний, сколько колонизаторов. Однако вскоре ситуация стала меняться.

В 1880 г. нигерийско-сьерралеонский бизнесмен Ричард Бил Блейз (1845–1904) начал издавать газеты «Lagos Times» и «Gold Coast Colony Advertiser». В первой, выходившей один раз в две недели, резко критиковалась политика властей колонии (1861–1906 гг.) Лагос и содержались призывы к обеспечению равных политических и экономических прав для колонизированных и колонизаторов. Например, в редакционной статье от 9 марта 1881 г. были такие слова: «Мы не требуем немедленной независимости, но всегда следует помнить, что нынешний порядок вещей не будет длиться вечно»; газета предупреждала: «Настанет время, когда колонии на Западном побережье (Африки – прим. авт.) будут самостоятельно решать свои внутренние и внешние проблемы» [7, р. 5]. Поэтому издание не могло рассчитывать на поддержку британской администрации, и в связи с финансовыми проблемами в 1883 г. газета прекратила свое существование. Между тем «газетное движение» развивалось, и в 1880–1920 гг. в колонии

Лагос, протекторах и объединенной (в 1914 г.) Нигерии издавались 22 газеты [8, р. 2], к 1937 г. их число в колонии превысило 50. Газеты печатались как на английском, так и на местных языках [9, р. 130].

В феврале 1882 г., еще до закрытия «Lagos Times», сьерралеонец Джошуа Бенжамин основал газету «Lagos Observer», ставшую рупором нигерийских радикалов, стремившихся к расширению их участия в делах колонии. В газете осуждалась колониальная система правосудия; сам Бенжамин, автор многих публикаций, писал о расовых предрассудках колониальных судей; в результате он был обвинен в клевете, и в 1888 г. газета была запрещена колониальными властями. Правда, содержавшаяся в ней агитация за «религиозную независимость» нигерийцев привела к основанию первой в колонии африканской баптистской церкви [10].

В 1888 г. появилась еще одна газета, оказавшая заметное влияние на формирование политических взглядов образованных «колониальных субъектов», – преемница «Иве Ирохин» – «Иве Ирохин Эко» (Iwe Irohin Eko), созданная Эндрю Томасом – владельцем типографии (в которой, кстати, печаталась «Lagos Times») и освещавшая события, происходившие в основном в Лагосе [8, р. 34]. .

В 1890 (или 1891) г. американско-либерийским журналистом, иммигрировавшим в Нигерию, Джоном Пэйном Джексоном (1848–1915) были основаны «Lagos Weekly Record» и «Lagos Weekly Times»; в 1894 г. Джорджем Альфредом Уильямсом – «The Standard», в которой, в частности, описывались британцы, «марширующие по миру, вооруженные до зубов и подобно рыкающему льву бродящие в поисках жертвы» [7, р. 7]. В том же году начала выходить «The Lagos Echo», в 1898 г. – «The Lagos Reporter», в 1908 г. – «The Nigerian Chronicle», в 1910 г. – «The Nigerian Times». В 1914 г. адвокат сэра Китоие Аджаса, первый нигериец, получивший от метрополии рыцарское звание, начал издавать газету «Nigerian Pioneer» (выходила до 1937 г.), восхвалявшую политику колониальных властей и потому не пользовавшуюся популярностью. Сам Аджаса, личный друг первого генерал-губернатора (1913–1919 гг.) Нигерии Фредерика Лугарда, получал различные должности в колониальной администрации и немалые средства на издательские расходы [7, р. 6].

В свою очередь, «Lagos Weekly Record», выходявшая до 1931 г., сыграла важную роль в формировании у нигерийцев антиколони-

альных взглядов, а у Лугарда – резкого неприятия как ее издателя Дж. П. Джексона, так и его сына Томаса Горацио Джексона (1879–1935), продолжившего после смерти отца его дело, и других нигерийских «газетчиков» того времени, осмеливавшихся выступать с требованиями о предоставлении Нигерии независимости. И это неудивительно: в своих статьях они называли Лугарда «негрофобом», «деспотом», «людоедом» и т.п. [7, р. 8]. Между тем именно благодаря отцу и сыну Джексонам нигерийская журналистика получила признание далеко за пределами Нигерии – прежде всего из-за призывов нигерийских корреспондентов к достижению справедливости для всех африканцев. По сути, появление «Lagos Weekly Record» ознаменовало поворотный момент в истории нигерийской прессы, так как, во-первых, она убеждала читателя в том, что «черная раса» имела не меньше «достоинств», нежели «белая», и, во-вторых, стала площадкой для организации первых политических (в отличие от экономических – равной «оплаты за равный труд» африканских и европейских работников и пр.) протестных/антиколониальных движений. Как и его отец, Т. Г. Джексон был упорным борцом за права, свободу и самоопределение африканцев. В 1923 г. он выступил сооснователем – вместе с политиком-националистом Гербертом Маколи – первой политической организации – Нигерийской национальной демократической партии (ННДП), среди целей которой было расширение участия нигерийцев в социально-экономическом развитии страны. В 1925 г. за статью «В Нигерии нет правосудия» (“There is no justice in Nigeria”) Т. Г. Джексон оказался в заключении по обвинению в «подстрекательстве» к антиправительственным действиям и «неуважении к суду» [7, р. 6]. В 1891–1905 гг. с «Lagos Weekly Record» тесно сотрудничал писатель, политик, идеолог панафриканизма Эдуард Уилмот Блайден [11].

В 1908 г. Кристофер Кумолу Джонсон и Эммануэль Т. Джонсон основали газету «Nigeria Chronicle», которая стала первой, использовавшей слово «Нигерия», – в преддверии объединения Южного и Северного протекторатов. Газета отличалась правдивостью и претендовала на статус общенациональной, однако ее деятельность подвергалась множеству запретов и ограничений, так как появилась она в эпоху введения строгих законов, касавшихся СМИ. Например, Указ о газетах 1903 г. устанавливал, кто может и не может владеть печатными изданиями и как они должны выглядеть. В 1909 г. появился

Закон о подстрекательстве к мятежу, включенный позднее в Уголовный кодекс 1916 г. Законы стали ответом на постоянные нападки и критические комментарии в прессе относительно попыток объединения протекторатов и колонии Лагос в единую колонию. Регистрация газет теперь проходила после проверки их потенциальных владельцев/издателей на благонадежность, однако, как правило, их благонадежности хватало как раз на период проверки [7, р. 7].

В 1921 г. Эрнест Иколи – первый литературный редактор, получивший образование в Нигерии, – начал издавать газету «African Messenger», закрывшуюся в 1926 г. из-за финансовых трудностей. Впрочем, вскоре издатель Адейемо Алакиджа предложил Иколи основать вместе с ним новую газету – «Daily Times», ставшую проправительственной по типу «London Times», из которой она копировала многие материалы. В 1948 г. «Daily Times превратилась в «дочернее издание» «London Daily Mirror» и стала еще лучше служить британским интересам; издавалась она до 1990-х годов [12, с. 182–183]. Сам Иколи, работая в консервативной газете, в 1930-е гг. выступил в качестве одного из основателей Нигерийского молодежного движения, страдавшего от разногласий в его руководстве, но, тем не менее, сыгравшего заметную роль в достижении Нигерией независимости.

В начале 1890-х гг. в Лагосе насчитывалось около 450 образованных африканцев – клерков, школьных учителей, журналистов и т.д., ставших основными «потребителями» печатной продукции [12, с. 112–113]. Газеты выходили еженедельно, один раз в две недели или ежемесячно; ежедневная появилась лишь в 1925 г., когда продавцом книг Виктором Бабамубони была основана «Lagos Daily News», в 1927 г. приобретенная Гербертом Маколи и сьерраллеонским врачом и политиком Дж.А. Колкриком. На ее страницах освещались многие местные и общие для всей колонии проблемы – от ценовой политики до выборов в Законодательный совет колонии. Газетная кампания с активным участием «Lagos Daily News» и «Lagos Weekly Record» Горацио Джексона привела к получению ННДП трех зарезервированных за африканцами мест в Совете в 1928 и 1933 гг.

Другими влиятельными газетами, издававшимися в колониальный период, были «Nigerian Daily Telegraph», основанная в 1927 г., «Akede Eko» или «Lagos Herald» (в 1927–1950-е гг. она выходила на английском и языке йоруба) и «West African Pilot» (1937–1967 гг.)

Ннамди Азикиве, позднее ставшего первым президентом (1960–1963 гг.) независимой Нигерии. Появление «West African Pilot» послужило началом еще одного журналистского направления, характеризовавшегося большим вниманием к жизни самых низов колониального общества. Азикиве, который в отличие, например, от Маколи, бывшего по образованию инженером-строителем, был профессиональным журналистом и политологом, начал массированную атаку на колониальную администрацию и тем самым заслужил широкую поддержку нигерийцев. Позже в различных городах колонии он основал еще несколько газет: «Nigerian Spokesman» в Ониче, «Southern Defender» в Ваппи, «Sentinel» в Энугу, «Comet» в Кано и «Northern Advocate» в Джосе.

Идеи национализма, panaфриканизма и антиколониализма «красной нитью» проходили через издания Азикиве. «West African Pilot» бросила вызов доминированию «Daily Times», располагавшей штатом иностранных сотрудников и современным для того времени типографским оборудованием, в информационном пространстве колониальной Нигерии и стала – наряду с «Nigerian Tribune» Обафемии Аволово – одной из ведущих газет страны.

В 1880-е – 1920-е гг. почти все англоязычные газеты – за редким исключением, например публиковавшейся в 1914–1917 гг. в Калабаре «Aurora», – были основаны в Лагосе – месте сосредоточения «грамотных» нигерийцев, получивших образование преимущественно в миссионерских школах или Англии, а также иммигрантов и репатриантов из США, с островов Карибского бассейна и других африканских территорий (Сьерра-Леоне, Либерия, Гана и др.).

Хотя распространение газет в основном ограничивалось Лагосом, общий их тираж увеличился с 6490 экземпляров в 1880-е годы до примерно 30 тыс. в 1920-е годы [8, р. 2]. Все газеты, издававшиеся в Нигерии африканцами (нигерийцами, сьерралеонцами и пр.), содержали не только занимавшую значительную их часть информацию об общественных событиях – свадьбах, похоронах, церемониях, развлечениях и т.д., но и критику колониальной политики и размышления о реформировании колониальной системы. Так, «Lagos Times» и «Gold Coast Advertiser» продвигали идею представительного (т.е. с участием африканцев) правительства. Вскоре к их голосам присоединился целый хор в виде «Weekly Record», «Nigerian Times» (вторая газета, использовавшая в названии слово «нигерийский»), издавав-

шаяся адвокатом Сапарой Уильямсом и сьерралейцем Джеймсом Брайтом Дэвисом, уволенным с госслужбы за критику колониальной системы), «Lagos Daily News», «West African Pilot», а с 1949 г. – «Nigerian Tribune», издававшейся выдающимся нигерийским политиком Обафеми Аволово. Все эти газеты выступали с критикой колониальной администрации и стремились к развитию политической сознательности африканцев.

По жесткости и упорству в защите своей антиколониальной позиции «Nigerian Tribune» можно сравнить с «Lagos Weekly Record» Джексонов. Недаром в обращении к Нигерийскому союзу журналистов 14 июня 1958 г. О. Аволово отметил, что «пресса должна обладать достаточным мужеством и беспристрастностью, чтобы играть роль, которая может понравиться одним и не понравиться другим» [7, р. 7]. Издание «Nigerian Tribune» способствовало росту популярности Аволово-политика, который в 1954 г. стал премьер-министром Западной области. Более того, он умело использовал газету для нейтрализации оппонентов, выступавших с умеренными взглядами на перспективы обретения колонией независимости.

Таким образом, националистическая нигерийская пресса взяла на себя роль оппозиции и стремилась соперничать с проправительственными газетами за умы и сердца африканцев. Издатели газет, критиковавших режим, нередко подвергались тюремному заключению, как правило, сопровождавшемуся массовыми протестами их сторонников. Так, в 1916 г. за антиправительственную пропаганду на 6 месяцев тюремного заключения был осужден издатель «Nigerian Times» Дж. Б. Дэвис. Между тем его газета пользовалась такой поддержкой в стране, что, когда у нее возникали финансовые проблемы, читатели делали ей добровольные пожертвования. В 1928 г. за «намерение настроить один класс общества против другого» был приговорен к 6 месяцам тюремного заключения Г. Маколи; представший вместе с ним перед судом соиздатель «Lagos Daily News» Дж.А. Колкрик отделался штрафом в 50 фунтов стерлингов [7, р. 7].

В колониальную эпоху у националистической прессы был общий враг – колониальные власти, общая цель и общая повестка дня – достижение независимости, и это служило катализатором сотрудничества между газетами и издателями. Интересно, что с уходом колонизаторов, т.е. с исчезновением «общего врага», обострилось соперничество

за доступ к государственным дотациям и за привлечение подписчиков. Пул еще недавно радикальной, националистической, антиколониальной прессы раскололся по региональному, религиозному, этническому и прочим признакам. Например, издававшаяся с 1939 г. на языке хауса «Гаския Тафи Квабо» (Gaskiya ta fi Kwabo), изначально нацеливавшаяся на распространение информации о Второй мировой войне, имевшая широкое распространение по всей колонии и проповедовавшая националистические взгляды, после обретения страной независимости стала рупором властей Северного региона и поддерживала их в противостоянии центральному правительству [1, с. 72].

Таким образом, несмотря на жесткий контроль и ограничения свободы слова и прав журналистов, средства массовой информации в колониальной Нигерии сыграли важную роль в развитии образования на всех его уровнях. Примерно с 1859 г. в нигерийских газетах критиковалась колониальная политика в сфере просвещения и профессиональной подготовки, а также неэффективное управление учебными заведениями. Издатели нигерийских колониальных газет в массе своей были хорошо образованными людьми, что позволяло им заниматься не только просвещением, журналистикой, но и политической деятельностью. Многие из них заняли высокие посты в центральном и региональных правительствах независимой Нигерии.

Деятельность прогрессивных журналистов способствовала росту национального самосознания нигерийцев, в 1960 г. добившихся политической независимости. В значительной степени благодаря СМИ требование реформ было вытеснено требованиями предоставления колониям самоуправления. Газеты, число которых постоянно росло, призывали африканцев объединяться и бороться за свои права. Колониальный режим, в том числе свойственная ему расовая дискриминация, в контексте которой африканцы не допускались на высокие административные должности, подстегивал националистические чувства образованной элиты. В свою очередь, низкий уровень заработной платы, введение подушевых налогов, экспроприация земли для нужд метрополии, высокие цены на импортные товары и низкие – на местные продукты – вызывали недовольство рядовых граждан, которые начали оказывать поддержку националистическим газетам, отражавшим на своих страницах настроения не только элиты, но и низов колониального общества.

Примечания

1. Нигерия. Справочно-монографическое издание. М.: ИАФР РАН. 2013. 376 с.
2. History of the Nigerian Mass Media. 2023. <https://researchcage.com/wp-content/uploads/2023/03/HISTORY-OF-THE-NIGERIAN-MASS-MEDIA-PDF.pdf> (accessed: 05.08.2025)
3. Al-Hafiz Yunus Omotayo. 70 years of Nigeria's first and longest-running Muslim newspaper, "The Truth" // Al Hakam. 7th January 2022. <https://www.alhakam.org/70-years-of-nigerias-first-and-longest-running-muslim-newspaper-the-truth/> (accessed: 09.08.2025)
4. Olabimtan K. Townsend, Henry // Classic DACB Collection. 2011. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4f7dd793-68a2abc1-e1b7e3d6-74722d776562/https/dacb.org/stories/nigeria/townsend-henry/ (accessed: 20.08.2025)
5. Пауллер О. История народа урхобо и окружающих племен с XI по начало XX века. 2017. https://samlib.ru/o/oleg_pauller/gwinejskijzaliw.shtml?ysclid=megpic83yr427936919 (дата обращения: 18.08.2025)
6. Akinbode A. Iwe Irohin: Nigeria's First Newspaper (1859–1867) // Historyville. 2018. November 28. <https://www.thehistoryville.com/iwe-irohin/> (accessed: 15.08.2025)
7. Daramola I. A Century of Mass Media and Nigeria's Development: Issues and Challenges // Communications on Applied Electronics (CAE). 2017. Vol. 7. # 10. P. 4–14. <https://www.caeaccess.org/archives/volume7/number10/daramola-2017-cae-652031.pdf> (accessed: 15.08.2025)
8. Sawada N. The Educated Elite and Associational Life in Early Lagos Newspapers: in Search of Unity for the Progress of Society. Birmingham: University of Birmingham. 2011. 360 p. <https://etheses.bham.ac.uk/id/eprint/3274/1/Sawada12PhD.pdf> (accessed: 17.08.2025)
9. Falola T., Heaton M.M. A History of Nigeria. N.Y.: Cambridge University Press, 2008. 370 p. https://www.sahistory.org.za/sites/default/files/archive-files/toyin_falola_matthew_m_heaton_a_history_of_nigbook4you.pdf (accessed: 17.08.2025)
10. Omipidan T. The Lagos Observer (1882–1888) // OldNaija. September 15, 2021 <https://oldnaija.com/2021/09/15/the-lagos-observer-1882-1888/> (accessed: 15.08.2025)
11. Хохолькова Н. Е. Эдвард Уилмот Блайден: «либерийский пилигрим в Иерусалиме» // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 27–31.
12. История Нигерии в новое и новейшее время. М.: Главная редакция восточной литературы. 1981. 357 с.

А. С. Зданевич

Формы неоколониального контроля и их альтернативы в странах Африки южнее Сахары

Аннотация. Статья посвящена анализу форм неоколониального контроля и поиску альтернатив в регионе Африки южнее Сахары (далее – АЮС). Рассмотрим комплекс экономических, политических и военных механизмов, сохраняющих влияние бывших метрополий в структуре систем управления государств указанного региона. Попытаемся выделить из общего числа основные аспекты и продемонстрировать степень их влияния на все сферы жизни стран и обществ независимых государств АЮС.

Ключевые слова: неоколониальный контроль, Тропическая Африка.

A. S. Zdanevich

Forms of Neo-colonial Control & Alternative Approach in sub-Saharan Africa

Abstract. The article shows the analysis of the forms of neo-colonial control and the search for alternatives in the sub-Saharan Africa region (hereinafter referred to as SSA). We will examine the complex of economic, political, and military mechanisms that maintain the influence of former metropolises in the structure of the governance systems of the countries in this region. We will try to identify the main aspects and demonstrate their impact on all aspects of life in the independent countries of SSA.

Keywords: neo-colonial control, sub-Saharan Africa.

Сразу оговоримся: некоторые из рассматриваемых дискурсов будут вынуждать нас отступать от магистральной линии заданной темы, что позволит взглянуть на проблемы современного состояния независимых африканских государств более пристально и детально изучить причины и следствия колониального наследия прошлого. Начать следует с рабочей гипотезы: экономическая зависимость

и валютный контроль со стороны бывших метрополий на протяжении многих десятилетий остаются действенным рычагом управления динамикой развития стран континента, в связи с чем уместно рассмотреть пример бывших французских колоний, тем более, что контекст нео/постколониального настоящего обязывает расширять границы исследовательского поля.

Одной из наиболее часто обсуждаемых становится ситуация в бывших французских колониях, где сохраняется привязка национальных систем африканских государств к евро через франк КФА, что ограничивает денежно-кредитную политику и возможности организации независимой финансовой политики. Ключевым фактором служит то, что эмиссия валюты (франк КФА) контролируется Банком Франции, лишая страны инструментов для борьбы с инфляцией или кризисами различного происхождения.

Франк КФА – общая валюта в рамках экономической и валютной зоны Западной и Центральной Африки, создана 26 декабря 1945 г. По данным на 2024 г., в зоне франка КФА в Африке существуют три зоны. Каждая включает несколько стран: 1) Зона франка Западной Африки (фр. УЕМОА): Кот-д'Ивуар, Сенегал, Мали, Нигер, Буркина-Фасо, Бенин, Того и Гвинея-Бисау; 2) Зона франка Центральной Африки (фр. СЕМАС): Камерун, Габон, Конго, ЦАР, Чад и Экваториальная Гвинея; 3) Союз Коморских островов, который использует коморский франк (или КМФ) [1].

Государства Африки буквально вынуждены следовать «в кильватере» европейской финансовой политики, хотя их недостаточный в большинстве своем уровень развития провоцирует ситуацию «экономического надрыва» в противоположность ожидаемой схеме постепенного совершенствования всех систем государственного управления.

Африканские государства, входящие в зоны франка КФА оказывались в положении, когда Франция имела право вето в региональной банковской сфере зоны франка КФА; обменный курс франка к евро фиксировался; денежно-кредитная и курсовая политика стран зоны франка диктовалась Европейским Центробанком, франк КФА стимулировал массовый отток капитала. По словам А. Ю. Чалышева, «в таких условиях невозможно экономическое развитие, равно как и создание политической системы, отвечающей интересам большинства граждан» [2, с. 31–32].

Торговая зависимость стран континента от бывших метрополий также существует. Структура экспорта (минерально-сырьевые ресурсы, сельскохозяйственная продукция) и импорта (промтовары, технологии, удобрения) далека от баланса. Попытки изменить ситуацию предпринимались руководством стран Африки неоднократно. Однако результаты неутешительны. В современной отечественной науке подходы к данной проблеме традиционно носят взвешенный и осторожный характер. Приведем весьма показательный пример из работы А. Ю. Чалышева.

«Привязка к евро, сильной валюте, негативно сказывалась на ценовой конкурентоспособности местных производств из-за структурно завышенных обменных курсов. Но при этом и сохраняла «стабильность», обезопасившую экономики африканских стран. <...> Сильная валюта действует как экспортный налог и субсидия на импорт, что затрудняет достижение баланса <...>. В случае зоны КФА сильная валюта наказывает экспорт сырья, которое менее конкурентоспособно на международном рынке. <...> Таким образом, африканские экономики, по сути, являются сателлитами западных стран. Это означает, что, <...> «африканский экспорт», <...> на самом деле это европейские поставки для Европы. Поэтому Европа не будет облагать налогом свои поставки, поскольку именно за счет этих закупок она получит свою добавленную стоимость» [2, с. 38].

Интересен и пример, приведенный Л. Л. Фитуни и И. О. Абрамовой: «Для большинства стран Африки товарный экспорт – основной источник инвалютных доходов. Освободившись от ограничений колониальной зависимости, многие страны континента стали быстро наращивать вывоз своих основных экспортных товаров. <...> Однако сравнимого увеличения притока иностранной валюты не произошло, поскольку рост предложения однотипных африканских экспортных товаров (в основном сельскохозяйственных) на мировые рынки привел к падению цен на них. Возврат к сравнимым по покупательной способности средним уровням цен занял впоследствии несколько десятилетий. <...> В начале 1990-х гг. на большинстве сырьевых рынков произошел катастрофический обвал цен, что резко уменьшило по стоимости (но не по физическим объемам) удельный вес Африки в мировом товарном экспорте и импорте» [3, с. 15–16].

В настоящее время приходится слышать о «ресурсном проклятии» стран, обладающих значительными запасами минерально-сырьевых ресурсов, жизненно необходимых для устойчивого развития современных производств и роста экономик крупных акторов. Это спорное утверждение. Очевиден неэффективный менеджмент и «гибридный» характер управления в странах региона АЮС, традиционно ориентированных на «подстраивание» элит, формирующих управленческое звено государств Африки, под интересы крупных экономик внешних акторов, проявляющих всевозрастающий интерес к ресурсной базе стран континента.

В единой связке выступают экономические и политические «прогнозы» будущего региона на страницах СМИ, которые не могут восприниматься специалистами как панацея от неизбежных «болезней роста», охвативших Африку еще в 70-е гг. XX века. «Подлинная независимость Африки может быть достигнута, если <...> будет сопровождаться пересмотром контрактов о коммерческом сотрудничестве, правил добычи полезных ископаемых, освобождением от политики жесткой экономии, проводимой Международным валютным фондом, закрытием иностранных военных баз, отказом от патерналистских отношений с западными державами и жестким контролем за коррупцией» [2, с. 38].

В равной степени тревогу и одновременно интерес исследователей вызывает динамично развивающийся рынок минерально-сырьевых ресурсов, в формировании которого страны Африки играют далеко не последнюю роль, к сожалению, не получая от этих благ потенциального прогнозируемого дохода. В Африке «добывается большая часть мировых запасов хрома, ванадия, платины и алмазов, а также 36 % золота и 20 % кобальта <...> добыча полезных ископаемых в регионе обеспечивает около 60 % валютных поступлений, 10 % ВВП и 5 % формальной занятости. Благодаря наличию в регионе месторождений угля, хромитов, золота, алмазов, платины и меди мирового класса горнодобывающий сектор сыграл важную роль в развитии инфраструктуры и стал ядром роста многих городов субрегиона <...>» [4, с. 58].

«Большинство стран Южно-Африканского региона ограничиваются добычей и экспортом природных ресурсов практически без промышленной переработки. Следовательно, доход от полезных

ископаемых возникает в результате разницы между стоимостью добытого продукта в мировых ценах и себестоимостью добычи» [4, с. 72].

Широко распространенная гипотеза о «ресурсном проклятии» стран континента не выдерживает критики, когда представители академического сообщества применяют современные методы статистического анализа и оценки ситуации на местах. Напротив, коллеги убедительно доказывают, что государственное стимулирование инвестиций в горнодобывающую отрасль может дать в будущем достаточную долю благ, которые целесообразно использовать в качестве базы развития экономического потенциала, социальных институтов и промышленного производства в географических пределах целого региона огромного континента.

«На основе полученных <...> данных гипотеза о негативном влиянии минеральных ресурсов на экономический рост была отвергнута и сделан вывод об отсутствии ресурсного «проклятия» в горнодобывающей отрасли. Следовательно, целесообразно увеличение инвестиций в устойчивую эксплуатацию стратегических минеральных ресурсов в регионе. <...> Увеличение промышленного производства, уровня доходов и уровня жизни за счет увеличения затрат горнодобывающего сектора может положительно повлиять на рост экономики в регионе Южно-Африканских стран. <...> со стороны правительства необходима разработка льгот, направленных на стимулирование увеличения уровня переработки минеральных ресурсов региона местными компаниями, а также формирование промышленной политики для поддержки развития отраслей, перерабатывающих сырье горнодобывающего сектора. <...> доход от добычи полезных ископаемых можно использовать для развития человеческого и физического капитала в этих стратегических секторах» [4, с. 72].

На протяжении последних десяти лет мы регулярно встречаем в открытых источниках тезис о том, что будущее экономического процветания Африки гарантировано таким фактором как ускоренное воспроизводство населения. Тезисы о том, что «Африка – молодеющий континент» и «к 2050 г. каждый 5 житель Земли будет африканцем» несмотря на очевидную ангажированность довольно часто используется в качестве маркера «успеха».

В подобном контексте аналитики упускают из виду некоторое количество проблем, с которыми неизбежно сталкиваются государ-

ства, входящие в пул развивающихся экономик, если государство как институт не уделяет должного внимания ключевым аспектам, формирующим искомое «устойчивое развитие» с опорой на молодежный кадровый потенциал.

Растущее население необходимо обеспечить патронажем (включая первичное медицинское обслуживание, вакцинацию, гарантии получения начального образования), продовольствием (сформировать резервы на случай кризиса), дать возможность обучаться и получать специальности, востребованные в экономике, создавать социальные лифты, способствующие включению молодежи в экономические процессы (обеспечение рабочими местами). Решение подобных вопросов ложится на плечи государств континента, о чем нередко забывают аналитики, использующие вышеуказанные тезисы как потенциальный маркер успеха.

Мы, ставя под сомнения позитивный контекст, связанный с приростом населения и опираясь на опыт коллег-африканистов, рассмотрим еще и вопросы продовольственной безопасности, степень зависимости государств континента от внешних акторов.

Основную роль в обеспечении продовольственной безопасности играет последовательное выстраивание деловых отношений со странами-партнерами, готовыми поставлять необходимое продовольствие. Прежде всего речь идет о зерновых. «И, хотя на Африку южнее Сахары приходится всего 11,6 % мирового импорта пшеницы и 21,8 % риса, потребление неуклонно растет. За 10 лет импорт пшеницы в страны Африки южнее Сахары вырос в 1,7 раза, что опережает общие темпы прироста импортированного продовольствия. В контексте продовольственной безопасности это серьезный фактор, ведь данные культуры выращиваются вне континента, а, значит, их импорт повышает зависимость от внешних поставщиков и конъюнктуры рынков, в том числе политической. Для продовольственного суверенитета это серьезный удар. Суметь импортировать то, что не выращивается у тебя в стране, не значит накормить людей. Непредсказуемая конъюнктура импорта часто приводит к росту внутренних цен на продовольствие» [5].

Политический аспект также присутствует в рассматриваемом контексте; государства континента не всегда имеют достаточного веса на мировой арене, чтобы противостоять, по сути, корпоративному сто-

вору, способствующему переориентированию рынка в пользу заранее известных игроков, контролирующих ключевые аспекты в отрасли.

«С одной стороны, продовольственные рынки контролируются крупными корпорациями, которые фактически диктуют правительствам, зависящим от импорта, свою волю. Например, в торговле пшеницей практически монопольные позиции занимает группа из четырех компаний, условно известных как ABCD (Archer Daniels Midland, Bunge, Cargill, Louis Dreyfus). Благодаря тому, что они могут определять логистику поставок и контролировать информацию о количествах доступного зерна, африканские страны оказываются в ощутимой зависимости от поставок именно из Евро-Атлантического региона, на который приходится около двух третей всех поставляемых объемов» [5].

Альтернативы в борьбе за диверсификацию данного направления не слишком велики. Страны региона либо получают безвозмездные лоты (зерно), оборудование и удобрения от крупнейших поставщиков, поддерживающих в недавнем прошлом популярный тренд на коллективные усилия мировых лидеров по обеспечению государств с развивающимся типом экономики достаточными запасами зерна, либо вынуждены развивать сельскохозяйственную отрасль своими силами. Ситуация на местах усугубляется политической и экономической нестабильностью, климатической повесткой, сложными природно-климатическими условиями, требующими применения самых современных технологий ведения сельского хозяйства, которых у государств региона нет. Сказывается усложнение логистических цепочек в связи с применением крупными акторами сомнительных по прямой эффективности пакетами санкций в адрес государств и лидеров государств континента, позволяющих себе вести независимую внешнюю и внутреннюю политику.

«В среднем 15 % всех земель в странах Африки пригодны для пашни (но в таких странах, как Ботсвана, Намибия, Габон или Республика Конго ситуация совершенно иная — менее 1,5 %); при этом лишь 1 % этих земель (в среднем) орошается. Во многих странах сохраняются традиционные практики ведения хозяйства, что сказывается на продуктивности и не дает возможности гарантировать стабильный урожай из года в год. <...> потребность африканских стран в удобрениях только растет.

В 2020 г. поставки удобрений в Африку достигли 7,2 млн т, но к 2022 г. на фоне 85 % роста цен упали до 3,8 млн т, что сопоставимо с 2018 г. Получается, за 5 лет население региона выросло, увеличив потребности, но возможности их обеспечить «откатились» к тому, что было. Но, чтобы картина действительно могла измениться, потребление удобрений должно стать более равномерным: сейчас 60 % всех объемов приходится всего на 5 стран (Египет, ЮАР, Нигерию, Эфиопию и Кению). <...> ключевую роль играет логистика, поэтому продовольственный суверенитет невозможен без инфраструктуры. Развитие портовой и железнодорожной связности разных частей континента с каналами поставок, перерабатывающих и фасующих мощностей, повышение технической грамотности участвующих в производстве сил – все это составные части суверенитета. Россия готова делиться технологиями с партнерами в Африке, и профильные российские компании заинтересованы в распространении своего опыта в точном земледелии, селекции, цифровых решениях в Африке. Растет и число африканских студентов-аграриев, обучающихся в России» [5].

Неоколониальный контроль сохраняется в странах Африки (регион АЮС не исключение) через «систему взаимодополняющих механизмов»: от прямого военного присутствия до экономических инструментов и финансового давления. Усилия по диверсификации подходов со стороны управленческого звена африканских государств выражаются, к примеру, через «разворот» к новым партнёрам (Россия, Индия, Китай) постепенно ослабляют эту модель, но её структурные элементы (долг, сырьевая зависимость) остаются актуальными и препятствуют полной деколонизации.

Альтернативы неоколониальной политике в странах Африки активно обсуждаются как в академических кругах, так и на политических площадках. На основе анализа открытых источников (примеры можно почерпнуть из СМИ, активно освещавших форумы и саммиты первого полугодия 2025 г.) можно выделить несколько ключевых направлений, которые предлагаются в качестве альтернатив.

Во-первых, региональная интеграция и «новый регионализм». Африканские страны стремятся к объединению в рамках региональных и континентальных организаций, чтобы снизить зависимость от бывших метрополий. Например, создание под эгидой Африканского Союза Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA)

в 2019–2021 гг. направлено на укрепление внутриконтинентальной торговли и формирование единого рынка, что позволяет (в теории) преодолеть искусственную раздробленность, навязанную колониальными границами, и создать условия для экономической самодостаточности. Кроме того, новые межгосударственные объединения, подобные «Альянсу государств Сахеля» (Мали, Буркина-Фасо, Нигер) демонстрируют попытки коллективной обороны против внешнего вмешательства и переориентацию на партнерство с Россией и Китаем.

Во-вторых, сотрудничество с не западными державами. Россия, Китай и страны БРИКС+ предлагают альтернативную модель взаимодействия, основанную на взаимовыгодных условиях без политических ультиматумов. Россия поддерживает африканские страны в борьбе с терроризмом, предоставляет военно-техническую помощь и инвестирует в инфраструктуру, не требуя уступок в суверенитете. Китай, в свою очередь, фокусируется на инфраструктурных проектах в рамках инициативы «Пояс и путь» и «Единая судьба в новую эпоху», что контрастирует с западной практикой долгового давления через МВФ и зону СГА (КФА) в странах бывшей французской Африки.

В-третьих, укрепление экономического суверенитета. Многие страны пересматривают законодательство для защиты своих ресурсов. Например, Буркина-Фасо реформирует законы о добыче полезных ископаемых, чтобы обеспечить справедливое распределение доходов и ограничить влияние иностранных корпораций. Кроме того, африканские государства стремятся диверсифицировать экономику, развивая перерабатывающую промышленность и снижая зависимость от экспорта сырья. Это включает проекты в области альтернативной энергетики и цифровизации, что особенно актуально в контексте развития модели Четвертой промышленной революции (далее: 4ПР).

Африка демонстрирует растущую активность в рамках 4ПР, особенно через молодежь, международные альянсы и локальные инновации. Однако успех зависит от преодоления инфраструктурных и социальных барьеров, а также от баланса между технологическим прогрессом и стремлением к устойчивому развитию. Ключевую роль сыграют образовательные реформы и глобальное партнерство.

«В условиях усиливающейся под влиянием глобализации конкуренции тренд рассматривать высшее образование и инвестиции в университеты главным образом с точки зрения их вклада в уско-

рение экономического развития и подготовку студентов к рынку труда как высокопроизводительных работников экономической сферы выглядит вполне закономерным» [6, с. 142].

В-четвертых, борьба с культурным и идеологическим неокOLONIALИЗМОМ. Африканские интеллектуалы и политики подчеркивают необходимость деколонизации образования и науки. Например, пересмотр учебных программ и поддержка местных исследовательских центров помогают преодолеть зависимость от западных академических моделей. Однако механистический подход в данной области не ведет к гарантированному положительному результату.

«Действительно, высшее образование должно культивировать знания, компетенции и умения, которые позволили бы их выпускникам вносить свой вклад в экономическое развитие. Однако если в стране идет успешная подготовка специалистов в сфере естественных наук, инженерного дела и техники, это еще не означает, что автоматически идет положительное воздействие на национальную экономику. Подготовка профессионалов системой высшего образования является необходимым, но далеко не единственным условием экономического роста, инноваций и повышения конкурентоспособности на мировой арене. Степень позитивного вклада выпускников также в значительной степени зависит от институциональной экономической среды за пределами вузов, в особенности от промышленной политики, доступности инвестиционного и венчурного капитала, открытости и восприимчивости государственных организаций и частного бизнеса. Поэтому сугубо инструменталистский подход к высшему образованию, который сводит его ценность к эффективному воздействию на экономику, способствует концентрации внимания вузов исключительно на тех знаниях и квалификациях, которые необходимы для профессиональной карьеры» [6, с. 142–143].

В рассматриваемом контексте особенно важную роль играет потенциальная активизация работы по созданию независимых африканских СМИ, которые могли бы противостоять западной пропаганде и формировать объективный образ континента. На сегодняшний день локальные медиа не выдерживают конкуренции с глобальными центрами формирования общественного мнения: они общеизвестны. «Существует негативное влияние на состояние свободы слова со стороны правительственного контроля, а также экономических интересов

владельцев СМИ. <...> Наиболее развитым <...> является радио. <...> Большие перспективы перед спутниковым цифровым радиовещанием, которое развивается достаточно успешно. <...> Быстрыми темпами идет развитие Интернет-технологий, в том числе и электронных версий изданий. <...> Отсутствие хорошо налаженной телефонной связи на континенте дает Африке уникальную возможность за счет внедрения новейших коммуникационных спутниковых систем значительно сократить свое отставание от развитых стран в информационно-коммуникационной сфере. Развитие средств массовой информации <...> определяется слабо развитой инфраструктурой и экономической отсталостью стран к югу от Сахары, сложными социально-политическими процессами и сложившейся структурой СМИ» [7, с. 71–73].

Достаточно болезненно для независимых африканских государств проходит процесс поиска национальной идентичности. В рассматриваемом контексте убедительным примером становится дилемма, перед которой не раз оказывались африканские элиты – какой путь развития выбрать: с опорой на язык и культуру метрополии, что привычно и не требует дополнительных усилий, либо пойти альтернативным маршрутом, переходя к самобытной (национально/регионально ориентированной) системе развития сферы образования и информации в обществе, что, как правило, сопряжено с политизацией дискурса, предполагающей принятие ответственных решений элитами.

«Газетно-журнальные технологии сдерживаются неграмотностью населения и, ввиду большого числа существующих в регионе местных языков, чаще всего издаются на европейских языках, их выпуск зачастую жестко контролируется государством, бумага и полиграфическое оборудование – импортные, а устная традиция относит чтение газет к «канцелярским» видам деятельности. Радио, наиболее развитое из СМИ, после 1990 г. стало значительно меньше внимания уделять передачам на местных языках, но продолжает развиваться быстрыми темпами. Телевидение и компьютерные технологии продолжают оставаться элитарными» [7, с. 71–73].

В-пятых, международная солидарность и многосторонние институты. Африканские страны все чаще используют площадки подобные БРИКС+, (ОДКБ, ШОС, 77 + Китай) для продвижения своих интересов, что позволяет им избежать односторонней зависимости от Запада и участвовать в формировании полицентричного миропорядка. На кли-

матических саммитах африканские государства требуют пересмотра долговой нагрузки и финансирования «зеленого перехода», увязывая экологические обязательства с экономической справедливостью.

Существуют положительные примеры успешных инициатив, реализуемых в рамках переосмысления глобальной повестки в пользу многополярности. Мали и ЦАР после вывода французских войск усилили сотрудничество с Россией, что привело к стабилизации безопасности и росту инвестиций в добывающий сектор стран-партнеров. Эфиопия и Руанда развивают цифровые технологии и стартап-экосистемы, сокращая разрыв в технологическом развитии. ЮАР пытается занять позицию континентального (регионального) лидера в ходе обсуждения вызовов, существенным образом отражающихся на развитии глобальной повестки (конфликт в Секторе Газа, Ирано-Израильский конфликт и т.п.).

Альтернативы неокOLONиализму существуют, но их реализация требует политической воли, региональной кооперации и поддержки со стороны глобальных партнёров, что достигается далеко не часто, к сожалению, так как последние годы в международной повестке превалирует прагматизм и интересы государств-участников не всегда совпадают. В странах Африки (АЮОС не исключение) ключевые вызовы включают преодоление коррумпированных элит, зависимых от западных ресурсов, и балансирование между различными центрами силы. Однако есть все основания предполагать, что африканский континент постепенно переходит от «дотационной» модели к роли активного субъекта международных отношений.

Примечания

1. La coopération monétaire entre l'Afrique et la France : le franc CFA. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/afrika/la-cooperation-monetaire-entre-l-afrique-et-la-france-le-franc-cfa/> (accessed: 04.07.2025).

2. Чалышев А. Ю. Конец франка КФА? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2024. № 4. С. 28-40.

3. Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Большие вызовы XXI века: Африка в глобальных торговых коллаборациях // Ученые записки Института Африки РАН № 3 (40), 2017. С. 14-26.

4. Силима П. П., Назарова Ю. А. Влияние горнодобывающей промышленности на экономический рост в регионе Южно-Африканских стран

// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Инженерные исследования. 2023. Т. 24. № 1. С. 57–75. URL: <http://doi.org/10.22363/2312-8143-2023-24-1-57-75> (дата обращения: 12.09.2025).

5. Панин Н. Продовольственный суверенитет для Африки: зачем он нужен и как его достичь. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prodovolstvennyu-suverenitet-dlya-afriki-zachem-on-nuzhen-i-kak-ego-dostich/?ysclid=mcongybwtc714249054> (дата обращения: 04.07.2025 13.11).

6. Михальченкова Н. А. Реформы высшего образования в ЮАР в контексте перехода страны от режима апартеида к демократическому развитию // Власть. Зарубежный опыт. 2017. № 6. С. 137–145.

7. Беавоги Боймасса. Средства массовой информации африканских стран: от несвободы к свободе и обратно («закон маятника») // Проблемы современной науки и образования. 2012. № 14 (14). С. 67–73.

УДК 94 (6)

К. С. Кананыхина

Ибаданский университет на перекрестке эпох

Аннотация. Статья посвящена роли Ибаданского университета в Нигерии, Африке и мире. Рассматривается его путь от колониального колледжа Лондонского университета до ведущего научного центра, влияние на формирование национальной и континентальной элиты, развитие постколониальной идентичности и современные вызовы.

Ключевые слова: Ибадан, университет, Нигерия, Африка, колониализм, постколониализм.

K. S. Kananykhina

The University of Ibadan at the Crossroads of Epochs

Abstract. The article examines the role of the University of Ibadan in Nigeria, Africa, and the world. It traces its development from a colonial college of the University of London to a leading research center, its impact on shaping national and continental elites, the advancement of postcolonial identity, and

© Кананыхина К. С., 2026

contemporary challenges. It demonstrates the university's unique significance as a symbol of historical transition and a global partner.

Keywords: Ibadan University, Nigeria, Africa, colonialism, postcolonialism.

Ибаданский университет (University of Ibadan, UI) – старейший вуз Нигерии и один из ключевых интеллектуальных центров Африки южнее Сахары. «Первый и лучший» – так он позиционирует себя на официальном сайте) [1], занимая лидирующее положение в рейтинге университетов Нигерии [2] и седьмое – в Африке [3]. Основанный в 1948 г. в колониальный период как университетский колледж Лондонского университета, «Ибадан» – так его нередко называют выпускники – прошел путь от мало известного учебного заведения до ведущего национального университета, научно-исследовательского центра мирового уровня. Его история неразрывно связана с переходом Нигерии и других стран Африки от колониализма к независимости.

История основания и колониальное наследие. В конце 1940-х гг. колониальные власти Великобритании, заинтересованные в создании вестернизированной элиты африканского происхождения, готовой к сотрудничеству, приступили к созданию первых университетов в Западной Африке. 17 ноября 1948 г. в штате Ойо, в городе Ибадане, крупнейшем культурном центре йоруба, наиболее многочисленной народности юга, состоялось официальное открытие Университетского колледжа Ибадан под эгидой Лондонского университета и закладка первого камня постоянного кампуса. Дипломы об окончании первого высшего учебного заведения Нигерии приравнивались к дипломам Лондонского университета [4, р. 662]. Первым директором (ректором) колледжа стал британский ученый Кеннет Мелланби (1908–1993) [5].

Учебные планы, язык обучения (английский) и экзаменационные требования соответствовали стандартам метрополии. Итоговые экзамены студентов отправлялись на проверку в Лондон, выпускники получали степени Лондонского университета. Первые годы существования колледжа характеризовались преобладанием британских преподавателей и строгой дисциплиной [6, р. 25; 7].

В конце 1950-х гг. колледж готовил врачей, учителей, администраторов для растущей потребности в образованных кадрах. Сту-

денты обучались на трех факультетах: естественном, медицинском и гуманитарных наук. В 1957 г. на базе колледжа был открыт первый в Западной Африке медицинский факультет с университетской клиникой на 500 коек, получившей название Госпиталь университетского колледжа (UCH) – впоследствии главный лечебно-научный центр страны.

В начале 1962 г., через два года после провозглашения независимости Нигерии, Университетский колледж был реорганизован. Связи с Лондонским университетом были окончательно разорваны; университет получил право самостоятельно присваивать ученые степени [8].

Первым канцлером (почетным главой) нового университета стал премьер-министр независимой Нигерии Абу Бакар Тафава Балева (1912–1966), назначенный в 1963 г. Первым нигерийским вице-канцлером (ректором) Ибадана стал историк Кеннет Дике (1917–1983). Символично, что во время церемонии его вступления в должность на поле университета звучали барабаны – символ африканской идентичности.

Колониальное наследие сказывалось в работе университета. С одной стороны, он унаследовал прочную академическую базу и инфраструктуру, заложенные британцами (учебные корпуса, общежития, лаборатории и библиотека), с другой – содержание образования оставалось европоцентричным: в учебных программах доминировали английская литература, история Европы, классические науки в их западном изложении. Лишь немногие курсы затрагивали африканскую историю или местные языки. Доступ к обучению в колониальный период был ограничен – в основном для узкого круга отобранных студентов. Тем не менее, первые выпускники сыграли значительную роль в становлении независимой Нигерии: многие стали лидерами в политике, науке, бизнесе и культуре, составив ядро национальной элиты страны.

Роль в формировании национальной и континентальной элиты. Ибаданский университет, будучи «кузницей кадров» постколониальной Нигерии, полностью изменил интеллектуальный ландшафт Нигерии и Африки. В первые годы независимости ряд выпускников заняли ключевые позиции в государственных структурах Нигерии [9]. Выпускник медицинского факультета Джубриль Амину (1939–2025)

стал министром образования Нигерии и сенатором. Кайоде Фаеми (р. 1965) был губернатором штата Экити (2010–2014 гг., 2018–2022 гг.) и Министром горнодобывающей и сталелитейной промышленности Нигерии. На международной арене известен Айо Адебанжо (1928–2025) – общественный деятель, представлявший Нигерию в ООН.

Ибаданский университет стал синонимом высокого статуса. В среде нигерийской бюрократии принадлежность к «старой гвардии» выпускников Ибадана до сих пор вызывает уважение [10, р. 9].

Научная и академическая элита. Подготовка собственных научных кадров для системы образования, науки и техники имела особое значение. Кеннет Дике – основатель ибаданской исторической школы – и его последователи реконструировали историю Нигерии и Африки с опорой на местные источники: устные предания, арабские хроники, королевские списки, фольклор. В Ибадане сложилась влиятельная школа историков: Дж. Ф. Адевале Аджайи (1929–2014) исследовал влияние христианских миссий; Адиле Афигбо (1937–2009) изучал историю игбо, Сабури Биобаку (1918–2001) – историю йоруба и халифата Сокото. История Африки рассматривалась как часть всемирной истории, с акцентом на внутреннюю динамику африканских обществ, а не только на историю колониальных захватов. В их трудах утверждалась концепция, что у Африки есть своя собственная история, а колониальный период – лишь эпизод.

Работы Ибаданской исторической школы легли в основу первых томов «Всеобщей истории Африки», изданной под эгидой ЮНЕСКО [11]. Профессор Дж. Ф. Адевале Аджайи был не только членом Международного научного комитета по составлению Всеобщей истории Африки (МНК)¹, но и редактором тома VII, и соавтором нескольких глав. Он внес значительный вклад в концептуальные основы всей серии. Нигерийские ученые не были авторами глав в томах I–V и VIII, но их консультативная роль была значимой [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18]. Среди них Адиле Е. Афигбо (университет Нигерии в Нсукке) – член МНК (ISC), специалист по истории игбо и Бенджамин Оби Нвабузе (1931–2023) – юрист и историк, участвовавший в обсуждении современного периода.

¹ International Scientific Committee for the Drafting of a General History of Africa (ISC)

Первая нигерийская женщина-профессор математики – Грейс Аделе-Уильямс (1932–2022) – преподавала в Ибадане, а позднее возглавила Университет Бенина. Она получила множество наград и почетных званий. В 1987 г. была удостоена «Ордена Нигера», а также избрана членом-корреспондентом Математической ассоциации Нигерии и Нигерийской академии образования. 28 февраля 2014 г. она вошла в число 100 человек, удостоенных Сточетырехлетней премии (Centenary Award) – особого признания выдающегося вклада нигерийцев в социально-культурное, экономическое и политическое развитие страны за последние 100 лет.

Ибаданский университет выпускал молодых специалистов, которые создавали новые кафедры и институты по всей стране. Например, историк Дж. Ф. Адебайо Аджайи, защитив диссертацию в Ибадане, стал профессором и ректором Университета Лагоса; ученый-медик Оладеле Адебайо Аджосе (1907–1978) – первым вице-канцлером Университета Ифе, ныне носящем имя Обафемии Аволово². Выпускники Ибадана сыграли значительную роль в становлении университетского образования в стране в 1960–1970-е гг. [19, p. 52–55].

Университет Ибадана с первых лет открыл двери не только для нигерийцев различных этнических групп, но и для студентов из других стран Африки: Ганы, Сьерра-Леоне, Камеруна и др., поскольку университеты там либо отсутствовали, либо только начинали работу. Ибадан стал межтерриториальной альма-матер для ряда будущих африканских лидеров. Например, ганец Сет Амоама³ (р. 1959) [20], получивший образование в университете Ибадане, позже дослужился до поста начальника Генерального штаба вооруженных сил Ганы. Иностранные выпускники несли славу UI по всему континенту, рекомендуя его молодым поколениям.

² Обафемии Аволово (1909–1987) – политический деятель Нигерии, один из отцов-основателей современной Нигерии и первый премьер Западного региона. По его инициативе в 1962 г. в Иле-Ифе был основан университет, который сегодня носит его имя (Obafemi Awolowo University).

³ Вице-адмирал Сет Амоама (р. 1959) – начальник Генерального штаба Вооруженных сил Ганы. Был назначен на этот пост президентом Наной Акуфо-Аддо в январе 2021 г. и вышел в отставку в январе 2024 г. С 2019 г. возглавлял Военно-морские силы Ганы в качестве Начальника штаба ВМС.

Влияние Ибаданского университета особенно чувствовалось в Западной и Центральной Африке. В 1960–1970-е гг., когда множество африканских стран только создавали свои системы высшего образования, выпускники Ибадана встали у истоков университетов в Гане, Кении, Замбии и др. Университет Ибадана налаживал академические связи, принимал на стажировки преподавателей, делился опытом организации факультетов, библиотек, научных журналов, став не просто национальным, panaфриканским центром подготовки элит.

Культурная и литературная элита. Наибольшую известность Университету Ибадана принесли его выпускники – деятели литературы и искусства, которые стали мировыми величинами и заложили основы современной африканской культуры. В их числе два основоположника нигерийской литературы на английском языке – Воле Шойинка (р. 1934) и Чинуа Ачебе (1930–2013), Джон Пеппер Кларк (1935–2020) и Кристофер Окигбо (1930–1967), прозаики Элечи Амади (р. 1934) и Кен Саро-Вива (1941–1995).

Вклад в формирование профессиональных сообществ. Выпускники университета внесли значительный вклад в становление различных отраслей в Нигерии. В журналистике и медиа сфере известна телеведущая и журналистка Фунми Иянда⁴ (р. 1971). В экономике и бизнесе – знаменитый банкир Гамалиэль Оносоде⁵ (1933–2015)

⁴ Олуфунмилола Адукэ Иянда (р. 1971) – известная в профессиональной среде как Фунми Иянда – нигерийская ведущая ток-шоу, телеведущая, продюсер фильмов и телепрограмм, медиа-менеджер, филантроп, журналист и блогер. Создала и вела популярное ток-шоу «New Dawn with Funmi» («Новое утро с Фунми»), которое более восьми лет выходило в эфир на национальном телеканале. Благодаря этому проекту Иянда вошла в число самых известных и просматриваемых телевизионных личностей Нигерии. Является генеральным директором медиакомпании OYA Media. В 2011 г. ее веб-сериал получил признание Всемирного экономического форума, а саму Иянду журнал Forbes назвал одной из «20 самых молодых влиятельных женщин Африки».

⁵ Гамалиэль Офоритсенере Оносоде (1933–2015) – нигерийский технократ, администратор и бывший кандидат в президенты от Всенародной партии Нигерии (ANPP). В 1970-е гг. занял лидирующие позиции среди нигерийских руководителей с академическим образованием, возглавив торго-

и финансист Мосун Бело-Олушога⁶ (р. 1957.) Получив образование в Ибадане, они возглавили крупные компании. В области права – Абдулганию Абдуразак⁷ (1927–2020) – один из первых северян-юристов – окончил Ибаданский университет, стал президентом Нигерийской фондовой биржи, а позднее Верховным комиссаром (послом) Нигерии. В науке и технике – профессор Александр Анималу⁸ (р. 1938) – физик, директор Национального математического центра.

вый банк NAL Nigeria. С годами Оносоде стал одной из ключевых фигур в корпоративной среде Нигерии, активно участвуя в работе советов директоров крупных компаний. Был личным советником президента Шеху Шагари и занимал пост президента Нигерийского института управления. В 2013 году основал Фонд Гамалиеля и Сьюзан Оносоде (GAMSU), направленный на улучшение системы образования в Нигерии и поддержку социальных и образовательных инициатив в стране.

⁶ Мосун Бело-Олушога (р. 1957 г.) – нигерийский специалист в сфере финансовых услуг, эксперт по кредитованию и управлению рисками, а также владелица частной школы. Занимала пост председателя совета директоров Access Bank PLC, входит в состав советов директоров организаций Premium Pensions Limited, Action Aid и MTN Foundation в качестве независимого директора (члена совета, не участвующего в оперативном управлении).

⁷ Абдулганию Абдуразак (1927–2020) – первый комиссар финансов штата Квара после его создания в 1967 году в период военного правления под руководством Якубу Говона. Также первый юрист из северных регионов Нигерии. В 2000–2003 гг. занимал пост председателя правления Нигерийской фондовой биржи, а в 1983–2000 гг. был заместителем ее председателя.

⁸ Александр Обиефока Энукора Анималу (р. 1938) – нигерийский ученый, почетный профессор физики Университета Нигерии в Нсукке. Бакалавр наук (Лондонский университет), Магистр искусств (Кембриджский университет), Доктор философии (Ибаданский университет). Один из пионеров развития солнечной энергетики в Нигерии. Как физик международного уровня, входил в состав высшего консультативного органа при правительстве Нигерии по вопросам науки и технологий – Почетного президентского консультативного совета (2001–2003 гг.), а также занимал должность директора Национального математического центра в Абудже. Его научная деятельность сочетает фундаментальные исследования в физике твердого тела с практическими разработками в области возобновляемой энергетики.

Политический экономист, профессор Клод Аке⁹ (1939–1996) внес вклад в понимание проблем развития Африки.

Перечисляя десятки имен, очевидно, что Ибаданский университет подготовил тысячи высококвалифицированных специалистов, которые стали пионерами во многих областях нигерийской жизни. По состоянию на 2020-е гг., общее число выпускников университета превысило 150 тысяч человек, проживающих более чем в 160 странах – это целая диаспора, обладающая значительным социальным капиталом [21].

Постколониальная идентичность и деколонизация знания.

Одной из ключевых миссий Ибаданского университета в постколониальный период стала деколонизация знания – переосмысление колониальных учебных программ и научных подходов с учетом африканского опыта, ценностей и интересов, что выразилось в развитии новых научных школ (историографии, философии, литературоведения и др.), продвижении африканских языков и культур в академической среде, критике евроцентризма и создании оригинальных концепций, отражающих африканскую реальность [22].

В 1960-е гг. университет превратился в живой очаг литературного и художественного ренессанса, известного как «Ибаданский ренессанс». На базе университета возникли литературные кружки, журналы, театральные труппы, которые стремились выразить африканский опыт и самобытность. В 1962 г. основан Институт африканских исследований, объединивший исследователей фольклора, музыки, изобразительного искусства. Издавался журнал «Оду», где публиковались исследования языков йоруба и хауса, анализ африканского искусства. В 1960 г. в Ибадане начал выходить литературный журнал «Черный Орфей», где печатались произведения африканских поэтов и обсуждалась концепция негритюда и африканской эстетики. Университетский театр, возглавляемый профессором В. Шойин-

⁹ Клод Аке (1939–1996) – нигерийский политэкономический и политический философ. Активно выступал против деятельности транснациональных корпораций в Африке, прежде всего – против разрушительного влияния «Шелл» на Нигерию. Преподавал в университетах Кении, Танзании, Нигерии, Канады и США. Основатель нигерийского Центра современных общественных наук. Погиб в авиакатастрофе.

кой, ставил пьесы на основе мифов йоруба и современных сюжетов, смешивая европейские и африканские драматургические формы. Студенты и преподаватели переосмысливали классическую драматургию через свои реалии, параллельно возвращая на сцену произведения из собственной культуры [23].

Университет Ибадана стал колыбелью современной нигерийской литературы и искусства, дав пространство для рождения национальной культуры, свободной от колониального комплекса неполноценности.

Продвижение африканских языков. Важным направлением деколонизации стало введение изучения и использования местных языков в академической жизни. В 1963 г. на филологическом факультете были открыты отделения йоруба и хауса, готовившие учителей и исследователей на этих языках. Лингвист Кей Б. Уильямсон¹⁰ (1935–2005), работавшая в университете, выполнила фундаментальные исследования нигерийских языков (игбо и др.), создав словари. Ее коллеги и ученики занимались стандартизацией языка йоруба, подготовкой учебников и переводом научных терминов на местные языки. Университет начал преподавать ряд курсов на африканских языках – например, велись семинары по литературе йоруба, на которых обсуждение шло на самом языке, что было новаторским шагом, повышающим престиж местных языков в глазах академического сообщества. Впрочем, английский оставался (и остается) основным языком обучения – объективно это необходимо для международной коммуникации.

Африканская философия и общественная мысль. Постколониальная интеллектуальная жизнь Ибадана отличалась активными дебатами по вопросам африканской философии, религии, политики.

¹⁰ Кей Уильямсон (1935–2005), урожденная Рут Маргарет Уильямсон – лингвист, специализирующаяся на изучении африканских языков, особенно языков региона дельты Нигера в Нигерии, где она прожила почти пятьдесят лет. Ее называли «Матерью нигерийской лингвистики», известна разработкой Паннигерийского алфавита – единой системы письменности для языков Нигерии. Ее научная деятельность оказала влияние на сохранение и стандартизацию африканских языков. Работая в тесном контакте с носителями языков, Уильямсон не только документировала устные традиции, но и создавала практические инструменты для их передачи будущим поколениям.

На философском факультете в 1970-е гг. сформировалась группа молодых ученых (С. Б. Олушолла, П. О. Бодунрин и др.), обсуждавшая, существует ли особая африканская философия или же философия универсальна. Ибаданские философы стремились вывести африканскую философию на мировую арену как равноценную часть теоретико-методологического дискурса.

Ученые изучали традиционные мировоззренческие системы: профессор София Олуволе¹¹ (1935–2018), выпускница Ибадана, первая женщина доктор философии, прославилась трудами о философии йоруба, мудрости оракулов Ифе, доказывая наличие глубоких философских идей в устной культуре. При университетской библиотеке им. К. Дике был создан репозиторий редких книг и архивов по африканистике – один из самых обширных в Африке.

Интеллектуальные усилия были направлены на эмансипацию африканской мысли, отказ от навязанных схем. Вклад ибаданских ученых трудно переоценить: они стали авторами многих концепций африканского гуманитарного знания. В 1970-е гг. Ибаданский университет называли «интеллектуальной Меккой Западной Африки» – сюда приезжали на конференции философы, антропологи, литературоведы со всего континента, чтобы совместно искать пути деколонизации университетов.

Современное состояние и глобальная вовлеченность (2020–2025 гг.)

К началу третьего десятилетия XXI века Ибаданский университет сохранил ведущие позиции, став одним из опорных университетов Африки и частью глобального образовательного пространства. В 2022 г. вышла в свет книга-автобиография выдающегося ученого математика

¹¹ Софи Боседе Олуволе (1935–2018) – нигерийский профессор и философ, первая в истории Нигерии женщина, получившая докторскую степень по философии в местном университете. Специализировалась на философии народа йоруба, проживающего в юго-западной части Нигерии. Отстаивала идею признания африканских интеллектуальных традиций, выступая за равное участие женщин в философских дискуссиях и критикуя недостаточное представление трудов африканских мыслителей в образовательных программах по всему миру.

и физика Г.О.С. Экахуэре¹² (р. 1947) «Обещание и провидение», рассказывающая о перипетиях жизни ученого в Нигерии. Профессор прикладной геофизики, академик, член Нигерийской академии наук, вице-канцлер университета Абель Идову Олайнка¹³ (р. 1958) [24] способствовал росту актуальности исследований в области прикладной геофизики. Личный сайт ученого является тому подтверждением [25]. Профессор, руководитель Лаборатории клинической вирусологии, которая использовалась для проведения тестов на COVID-19 во время пандемии, директор Национального центра ВОЗ по гриппу в Госпитале университетского колледжа – Олуфемидэ Давид Олалей¹⁴ (1954–2021) известен своими изобретениями во всем мире [26].

В настоящее время Ибаданский университет – комплекс из 19 факультетов, охватывающих практически все основные области знаний. Это факультет искусств, наук, социальных наук, сельского хозяйства, лесного хозяйства, образования, медицины (включающий базовые и клинические науки), общественного здравоохранения, фармации, технологий (инженерный), права, ветеринарии, стоматологии, экономики и менеджмента, а также отдельные школы – например, Школа бизнеса.

¹² Годвин Осакемвоия Самуэль Экахуэре (р.1947) – нигерийский профессор математики Университета Ибадана, а также основатель и президент Международного центра математики и компьютерных наук (ICMCS). Лауреат фонда Александра фон Гумбольдта (Германия), бывший заместитель декана факультета наук Университета Ибадана и член Африканской академии наук. В 2023 г. президент Мухаммаду Бухари наградил его Национальным орденом заслуг Нигерии (NNOM) – высшей государственной наградой страны за выдающиеся достижения в науке.

¹³ Абель Идову Олайнка (р. 1958) – нигерийский профессор прикладной геофизики, член Африканской академии наук (FAS). Ранее занимал посты проректора и ректора Университета Ибадана. В настоящее время возглавляет Западноафриканскую ассоциацию управления исследованиями и инновациями в качестве президента.

¹⁴ Олуфемидэ Давид Олалей (1954–2021) – нигерийский профессор вирусологии Университета Ибадана, директор Национального центра ВОЗ по гриппу при Университетской больнице. Возглавлял Лабораторию клинической вирусологии, которая в период пандемии использовалась для проведения тестов на COVID-19.

На базе университета действуют десятки межфакультетских институтов и центров: Институт африканских исследований, Институт образования (повышения квалификации учителей), Институт общественного здоровья, Центр миротворческих исследований, Центр совершенства в математических исследованиях и др.

Кампус университета представляет собой своеобразный «город в городе» площадью 1000 гектаров: здесь расположены учебные здания, лаборатории, 13 общежитий (холлов) для студентов, преподавательские дома, больница, ботанический сад и зоопарк (созданные в 1950-е гг. для обучения биологов), спортивный комплекс, библиотечный городок, собственная радиостанция. Около трети студентов проживают в университетских общежитиях – кампусах, что важно для иногородних и иностранных студентов и способствует их участию в досуговой деятельности – клубах, студенческих союзах, спортивных командах.

В последние годы создан единый электронный портал для студентов, центр информационных технологий, внедряется система электронных библиотек и удаленного доступа. COVID-19 стимулировал усиление платформ дистанционного обучения, университет запустил собственную LMS (Learning Management System) для онлайн-курсов. Однако цифровое оснащение и техническое обеспечение остается проблемой.

Международные партнерства и программы. Ибадан активно участвует в международных академических сетях и программах. Университет является членом Ассоциации африканских университетов, Ассоциации университетов Содружества, с 2015 г. одним из 16 вузов-учредителей Африканского альянса исследовательских университетов (ARUA). Ибаданский университет входит в партнерскую сеть университетов по программе RAMOJA (поддерживаемой Британским советом) для обмена лучшими практиками в преподавании. Ибаданский университет – базовый вуз для региональной программы Erasmus+ с Евросоюзом, по которой нигерийские студенты ежегодно отправляются на семестровое обучение в европейские университеты, и наоборот, европейские студенты изучают в Ибадане африканистику и тропическую медицину. Университет сотрудничает с китайскими вузами: например, с Уханьским университетом в сфере общественного здоровья (был совместный проект по мониторингу

COVID-19), с Пекинским университетом языка и культуры – по языковому обмену. Не остается в стороне и ЮНЕСКО: создана кафедра по георесурсам, университет участвует в сети UNESCO UNITWIN по культурным связям и имеет представителя в Комитете по науке и технике Африканского союза.

В настоящее время Ибаданский университет представляет собой современный многофункциональный вуз, открытый сотрудничеству. Однако наряду с достижениями, в его работе сохраняются и проблемы.

Вызовы времени. Ибаданский университет сталкивается с серьезными вызовами, способными затормозить его развитие. Многие из проблем типичны для нигерийского и африканского высшего образования в целом – хроническое недофинансирование, износ инфраструктуры, отток квалифицированных кадров за рубеж («утечка мозгов»), цифровое неравенство и зависимость от неолиберальных реформ. Если ничего не предпринимать, они могут привести к **эрозии качества**: оттоку лучших умов, деградации инфраструктуры, снижению статуса в международной науке. Администрация университета ищет пути их решения через диалог с правительством (например, требование увеличения бюджета на образование до 15 % расходов), через привлечение помощи выпускников и партнеров (создание эндаумент-фондов), через внутренние реформы (оптимизация затрат, стимулирование молодых преподавателей).

Будущее Ибаданского университета будет определяться его умением сочетать верность своим корням (академическая строгость, роль совести нации) с инновациями, и университет скорее всего продолжит выполнять роль «маяка» в Африке, освещая путь новым поколениям студентов и ученых, и его статус сохранится.

С течением времени миссия университета изменилась: если в колониальный период в основном это были задачи просвещения (civilising mission), в постколониальный период они сменились проблемами, связанными с деколонизацией знаний (empowering Africans to tell their own story). Очевиден стал и переход к **партнерству** в решении общих задач человечества (global partnership for sustainable development) [27], несмотря на «бремя истории».

В XXI веке Ибаданский университет стоит на пороге новых испытаний и возможностей [28], оставаясь **интеллектуальным лиде-**

ром Нигерии, чьи эксперты и аналитики влияют на формирование политики, а выпускники занимают ответственные посты в различных секторах. Ибаданский университет сохраняет свои позиции **флагмана науки** в регионе: здесь сосредоточены уникальные исследования тропических заболеваний, африканских общественных структур, которые признаны во всем мире. Он активно вовлечен в решение глобальных проблем через партнерства с международными организациями и участие в инициативах ООН (здравоохранение, образование, устойчивое развитие). Университет не только получает пользу от глобализации (гранты, обмены), но и вносит вклад – например, через подготовку кадров для всего континента или консультирование международных программ в Африке [29].

Его значение в XXI веке определяется не только прошлой славой. Университет Ибадана сочетает служение Отечеству и мировой науке [23]. Сумеет ли он и впредь соответствовать своему девизу “*Recte Sapere Fons*” – «Мудрость правоты – источник знания» – покажет время, но история последних 75 лет внушает обоснованный оптимизм.

Примечания

1. UI Official Website. URL: <https://ui.edu.ng/> (accessed: 23.04.2025).
2. Webometrics. Ranking of Universities in Nigeria. URL: <https://www.webometrics.info/en/africa/nigeria> (accessed: 24.02.2023).
3. Webometrics. Ranking of Universities in Africa. URL: https://www.webometrics.info/en/Ranking_africa (accessed: 24.02.2023).
4. Omolewa M. The Promotion of London’s Universities Examination in Nigeria: 1887–1951 // International Journal of African Historical Studies. 1980. Vol. 13. No. 4. P. 651–671.
5. Kenneth Mellanby. The Birth of Nigeria’s University. L.: Methuen and Co., Ltd. 1958. 263 p.
6. Ajayi J. F. Ade. The Development of University Education in Nigeria // Higher Education. 1974. Vol. 3. № 1. P. 21–36.
7. Fafunwa A. B. History of Education in Nigeria. L.: George Allen & Unwin, 1974. 328 p.
8. Agbaje O. Internationalization Efforts in the Nigerian Higher Education Sector / O. Agbaje // The Education Systems of Africa / ed. by K. S. Adeyemo. Cham.: Springer Nature Switzerland AG, 2020. P. 287–312.
9. University of Ibadan Notable Alumni. URL: <https://nigerianfinder.com/university-of-ibadan-notable-alumni/> (accessed: 26.05.2025).

10. Adeyemi K. University Education and National Development in Nigeria // *Journal of Higher Education in Africa*. 2007. Vol. 5. No. 1. P. 1–15.

11. *General History of Africa*. Vol. I: Methodology and African Prehistory / ed. by J. Ki-Zerbo. Paris: UNESCO, 1981. 820 p.

12. *General History of Africa*. Vol. II: Ancient Civilizations of Africa / ed. by G. Mokhtar. P.: UNESCO, 1981. 809 p.

13. *General History of Africa*. Vol. III: Africa from the Seventh to the Eleventh Century / ed. by M. El Fasi. P.: UNESCO, 1987. 928 p.

14. *General History of Africa*. Vol. IV: Africa from the Twelfth to the Sixteenth Century / ed. by D. T. Niane. P.: UNESCO, 1984. 835 p.

15. *General History of Africa*. Vol. V: Africa from the Sixteenth to the Eighteenth Century / ed. by B. A. Ogot. P.: UNESCO, 1992. 1044 p.

16. *General History of Africa*. Vol. VI: Africa in the Nineteenth Century until the 1880s / ed. by J. F. Ade Ajayi. P.: UNESCO, 1996. 956 p.

17. *General History of Africa*. Vol. VII: Africa under Colonial Domination, 1880–1935 / ed. by A. Adu Boahen. P.: UNESCO, 1985. 912 p.

18. *General History of Africa*. Vol. VIII: Africa since 1935 / ed. by A. Mazrui. P.: UNESCO, 1993. 1085 p.

19. Ajayi J. F. Ade, Alani J. The University of Ibadan and the Making of Nigerian Elites // *African Studies Review*. 2002. Vol. 45. No. 2. P. 4567.

20. *Business Ghana*. Ghana Armed Forces inducts new CNS, CAS and COS. February 20, 2019. URL: <http://www.businessghana.com/site/news/general/182164/Ghana-Armed-Forces-inducts-new-CNS-CAS-and-COS> (accessed: 27.05.2025).

21. The NHEF. Nigeria Higher Education Foundation. University of Ibadan. URL: <https://thenhef.org/partner-universities/university-of-ibadan> (accessed: 27.05.2025).

22. Mazrui A. A. The African University as a Multinational Corporation: Problems of Penetration and Dependency // *Harvard Educational Review*. 1977. Vol. 47. № 2. P. 213231.

23. Falola T. The Ibadan School and Its Critics // *African Studies Review*. 2002. Vol. 45. № 2. P. 81–95.

24. *Alphapedia*. Abel Idowu Olayinka. URL: https://alphapedia.ru/w/Abel_Idowu_Olayinka (accessed: 28.05.2025).

25. The Official Website of Abel Idowu Olayinka. URL: <https://www.idowuolayinka.ng/> (accessed: 28.05.2025).

26. *Vanguard News*. Ogunyinka V. Makinde mourns top UI virologist, Professor Olaleye. July 27, 2021. URL: <https://www.vanguardngr.com/2021/07/makinde-mourns-top-ui-virologist-professor-olaleye/> (accessed: 28.05.2025).

27. Ogunlade B. University of Ibadan and the Global Knowledge Economy // Journal of Contemporary African Studies. 2020. Vol. 3. № 4. P. 589–607.

28. Materu P. Higher Education Quality Assurance in Sub-Saharan Africa. World Bank Working Paper No. 124. Washington, DC: World Bank, 2007. 61 p.

29. Saint W., Hartnett T. A., Strassner E. Higher Education in Nigeria: A Status Report // Higher Education Policy. 2003. Vol. 16. P. 259–281.

30. Teferra D., Altbach P. G. African Higher Education: Challenges for the 21st Century // Higher Education. 2004. Vol. 47. № 1. P. 21–50.

УДК 316.4:316.3+323.2:321

Е. Н. Касимовская

**Демократический парадокс
и амбивалентность постколониальных
политических предпочтений африканцев**

Аннотация. В исследовании на основе первичных данных полевых опросов Всемирного обзора ценностей показано, что восприятие демократии африканцами в четырех странах Тропической Африки носит амбивалентный характер и соотносится с моделью мнимой демократии К. Вельцеля в разной степени. Используются методы количественного анализа качественных параметров.

Ключевые слова: демократический парадокс, мнимая демократия, Тропическая Африка, амбивалентность политических предпочтений, Всемирный обзор ценностей, Кения, Эфиопия, Нигерия, Зимбабве

E. N. Kasimovskaya

**Democratic Paradox and Ambivalence
of Postcolonial Political Preferences of Africans**

Abstract. The study, based on primary data from the World Values Survey, shows that Africans' perception of democracy in four countries in Tropical Africa is ambivalent and correlates with K. Welzel's model of mimic democracy to varying degrees. Quantitative analysis of qualitative parameters is used.

© Касимовская Е. Н., 2026

Keywords: Democratic paradox, mimic democracy, Sub-Saharan Africa, ambivalence of political preferences, World Values Survey, Kenya, Ethiopia, Nigeria, Zimbabwe.

Отправной точкой данного исследования служит аксиоматическое утверждение, что одним из преимуществ освобождения от колониализма является возможность независимого выбора пути развития страны. В то же время, общественный выбор пути развития предполагает возможность его проявления посредством демократических процедур. Демократия воспринимается как синоним свободы вообще и свободы самовыражения, в частности, а демократические процедуры общественного выбора представляются как неоспоримые преимущества постколониального развития стран Тропической Африки. Однако убеждение, что вместе с освобождением от колониального правления появляется почва для демократического выбора в условиях Тропической Африки наталкивается на ряд ограничений, приводящих к весьма специфическому пониманию демократии как формы политического устройства общества. К таким ограничениям относятся: 1) механическое внедрение демократических институтов; 2) незрелость местных элит; 3) продолжающееся влияние бывшей метрополии на экономику и политику; 4) этническая пестрота и политизация; 5) переходные ценности в обществах, переживающих быстрые социально-политические изменения. Эти факторы формируют благодатную почву для такого явления, как «парадокс демократии».

Африканский континент демонстрирует парадоксальное сочетание высокой поддержки демократических принципов и низкой удовлетворенности их реализацией. Этот феномен, известный как «демократический парадокс», обусловлен рядом факторов, включая мирные избирательные переходы, конституционные манипуляции, этническую и религиозную динамику, а также молодежный спрос на реформы при ограниченной реакции институциональной среды.

Парадокс демократии (или демократический парадокс) связан с противоречием между демократическими принципами и реальной политической практикой. Этот феномен часто обсуждается в контексте культурных ценностей и легитимности институтов. Термин был впервые предложен известным социологом Кристианом Вельцелем [1, р. 307] и применим к ситуации, когда наряду с желанием демокра-

тических изменений, фиксируемом на уровне общественных предпочтений, в социуме ничего не происходит. По мнению сторонников данной концепции, формирование парадокса может быть объяснено амбивалентностью понимания демократии, а именно феноменом AND (Authoritarian Notion of Democracy) [2].

В рамках Шестой международной конференции Лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) НИУ ВШЭ К. Вельцель представил модель *мнимой демократии* (*mimic democracy*), объясняя, почему авторитарные режимы могут восприниматься населением как демократические [3]. Согласно этой модели, существует несколько ключевых аспектов парадокса:

- Демократические ценности, такие как свобода и равенство, могут быть широко поддержаны, но это не всегда приводит к созданию устойчивых демократических институтов.

- В обществах с высоким уровнем поддержки демократии может наблюдаться авторитарный дрейф, если институты работают неэффективно.

- Наоборот, в странах с устойчивыми демократическими институтами уровень поддержки демократических ценностей может быть низким.

Недавние исследования, посвященные феномену «парадокса демократии» в странах Тропической Африки, выявили сложную и динамичную ситуацию, в которой поддержка демократических институтов зачастую сосуществует с авторитарными практиками [4]. Обобщенный анализ результатов исследований позволяет выявить несколько направлений.

Спрос и предложение демократических реформ. Согласно исследованию, проведенному в рамках «Африканской повестки дня до 2063 года», наблюдается устойчивый рост спроса на демократические преобразования среди населения континента. Однако предложение демократических реформ остается недостаточным. Согласно данным V-Dem и Afrobarometer, несмотря на высокий уровень поддержки демократических принципов среди африканцев, лишь 37 % удовлетворены текущим функционированием демократических институтов в своих странах [4].

Избирательные процессы и парадоксы транзита. В 2024 г. в ряде стран, таких как Ботсвана, Гана, Сенегал и Маврикий, оппози-

ционные партии одержали победу на выборах, что свидетельствует о сохранении демократических институтов. Однако в таких государствах, как Габон и Чад, военные лидеры использовали избирательные процессы для укрепления своей власти, что усугубляет парадокс демократии в Африке [5].

Этническая фрагментация и уязвимость демократических систем. Этнополитические исследования указывают на то, что этническая сегментация общества является фактором, способствующим демократической нестабильности. В таких странах, как Нигерия, Эфиопия, Кения и Судан, этнические элиты манипулируют демократическими институтами для достижения доминирования своих групп, что подрывает либерально-демократические нормы.

Траектории постконфликтного развития. Страны, такие как Буркина-Фасо, Мали и Нигер, отложили проведение выборов и закрепили военное правление, несмотря на ранее данные обещания демократического транзита. Эти случаи иллюстрируют, как поддержка демократических реформ может быть переориентирована на авторитарную консолидацию правящих элит [6].

Анализ тенденций подтверждает сложность и многогранность проявления парадокса демократии в странах Тропической Африки и позволяет предположить, что в разных странах он может проявляться в разной степени.

Каково восприятие демократии в современных африканских странах и в какой мере можно говорить о присутствии им демократическом парадоксе? Попробуем ответить на эти вопросы, опираясь на результаты полевых исследований конкретных африканских стран в рамках крупномасштабного социологического проекта Всемирного обзора ценностей.

Всемирный обзор ценностей (World Values Survey) – долгосрочное крупномасштабное исследование эволюции взглядов, убеждений и ценностей на основе первичных опросов населения разных стран мира и более 600 индикаторов, реализуемое международной группой ученых, начиная с 80-х годов прошлого столетия. Первая волна (1981–1994 гг.) охватила всего 11 стран, куда вошла лишь одна африканская страна – ЮАР. На данный момент исследователями реализованы 7 волн, в ходе которых охвачены уже 120 стран мира и 94,5 % населения мира. Данные по всем волнам доступны в онлайн режиме на сайте проекта “World Values Survey” (<https://www.worldvaluessurvey.org>).

Основными направлениями исследований в рамках проекта остаются: мониторинг культурных ценностей, взглядов и убеждений в отношении пола, семьи и религии; вопросы относительно образования, здоровья и безопасности; мониторинг социальной терпимости и доверия; культурные различия и сходства между регионами и обществами. Кроме того, в анкету WVS-7 были включены такие новые темы, как справедливость, моральные принципы, коррупция, миграция, национальная безопасность и глобальное управление. Особый блок вопросов был посвящен и пониманию демократии.

В рамках 6-й волны (2010–2014 гг.) исследователи сконструировали два индекса восприятия демократии: AND-индекс и LND-индекс и получили количественные замеры демократического парадокса. Так, к либеральным демократическим ценностям (LND – liberal notion of democracy) принято относить свободные выборы, гражданские свободы и гендерное равенство, а к ценностям недемократического толка (AND – authoritarian notion of democracy) – власть религии, активную роль армии и силовых структур, готовность следовать установленным правилам [2]. Однако если предложить данные позиции единым списком с задачей оценить степень соответствия каждой характеристики индивидуальному пониманию демократии респондентом, выясняется, что общества далеки от традиционного понимания демократии. Ожидаемо, что наименьшее значение первого индекса наблюдалось в развитых странах (Швеция, Германия, Япония, Нидерланды), а наиболее высокие оценки получили Египет и Пакистан (0.85).

Африканские страны продемонстрировали заметный разброс в восприятии демократических ценностей. По AND-индексу значения менее 0.5 показали Гана и Зимбабве, ЮАР разместились среди лидеров в массиве охваченных исследованием стран по значению AND-индекса (более 0.7), для Руанды и Нигерии на авторитарные компоненты восприятия демократии пришлось от 0.5 до 0.7 пунктов.

В седьмой волне (2017–2022 гг.) Тропическая Африка представлена Эфиопией, Нигерией, Кенией и Зимбабве. Первичные данные именно этой волны использованы для количественной оценки амбивалентности политических предпочтений населения. В качестве гипотезы тестировалось предположение, что наряду с позитивным общественным восприятием демократической политической систе-

мы как основы для выбора формы правления в предпочтениях африканцев присутствует феномен AND.

Выборка включила в себя ответы на следующие вопросы:

Q 238 – важность демократической политической системы (четыре градации);

Q 243 – люди выбирают своих лидеров на свободных выборах (десять градаций);

Q 245 – армия берет власть в свои руки, если правительство некомпетентно (десять градаций).

Опросы показали, что в среднем 65 % респондентов считают демократию несомненно правильной формой организации общества. Ответы по странам заметно различаются: в Кении и Нигерии так полагают 50–56 %, в Эфиопии и Зимбабве – 76–78 % [7].

Рис.1. Распределение ответов на вопрос «Люди выбирают своих лидеров на свободных выборах», Эфиопия, Кения, Нигерия, Зимбабве (общее количество респондентов). Составлено по: [7]

Результаты ответов на первые два вопроса подтверждают важность демократических принципов для современных африканцев. Из рис.1, видно, что большинство опрошенных во всех четырех странах полагают, что свободные выборы – неотъемлемая часть современной политической системы. При ответе на третий вопрос предпочтения опрошенных демонстрируют полимодальный характер: примерно в равной мере выборка делится между теми, кто считает

передачу власти армии вполне демократической мерой, и теми, кто считает это антидемократической практикой (см. рис.2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Армия берет власть в свои руки, если правительство некомпетентно», Эфиопия, Кения, Нигерия, Зимбабве (общее количество респондентов). Рассчитано автором по: [7]

Очевидно, что страновая принадлежность респондентов является важным фактором, определяющим отношение населения к демократическим институтам. Анализ выборок методом хи-квадрат тест позволяет проверить данное предположение. Критерий хи-квадрат (X^2), широко известный и признанный статистический метод, является мощным инструментом для анализа категориальных данных. Он особенно эффективен в выявлении значимых различий или ассоциаций между группами, что делает его незаменимым в различных областях, включая и социальные науки. Критерий V Крамера, представляющий собой расширение критерия хи-квадрат, предоставляет количественную оценку силы связи между двумя категориальными переменными. Значение V Крамера, равное 0, свидетельствует о полной независимости между переменными, тогда как значение 1 указывает на идеальную корреляцию. Данный показатель рассчитывается на основе анализа по методу хи-квадрат и позволяет численно оценить взаимосвязь между переменными (в нашем случае таковыми являются страновая принадлежность респондентов и их ответы).

Значения в диапазоне от 0 до 0,2 обычно указывают на слабую связь, в то время как значения от 0,8 до 1 свидетельствуют о сильной связи. Таким образом, в нашем случае хи-квадрат тест позволяет измерить различия в страновых оценках демократии. Результаты расчетов показывают (рис. 3), что предпочтения населения относительно свободных выборов как характеристики демократии статистически значимо различаются.

Африканские страны: свободные выборы						Chi-Square Test					
Expected Values						SUMMARY					
	Ethiopia	Kenya	Nigeria	Zimbabwe	Total	Count	Rows	Cols	df		
Not an essen	80.18043	46.74864	56.71299	72.35795	256	2749	2	4	3		
An essential	780.8196	455.2514	552.287	704.6421	2493						
Total	861	502	609	777	2749						
CHI-SQUARE						chi-sq	p-value	x-crit	sig	Cramer V	
						Pearson's	146.4558	1.53E-31	7.814728	yes	0.230816
						Max likelihood	120.8304	5.11E-26	7.814728	yes	0.209653

Рис. 3 Результаты анализа ответов на вопрос «Являются ли свободные выборы важной характеристикой демократии». Рассчитано автором по: [7]

Еще более любопытная картина складывается, если подвергнуть анализу пару «свободные выборы – армия». Согласно модели Вельцеля, феномен мнимой демократии возникает, когда либеральные ценности сопровождаются авторитарным дрейфом. Логично предположить, что в этом случае будет наблюдаться высокая положительная корреляция между ответами респондентов на вопросы «являются ли свободные выборы важной характеристикой демократии» и «является ли важной характеристикой демократии, если армия берет в свои руки власть при некомпетентности правительства». Соответственно, в странах, где феномен AND не наблюдается, корреляция будет отрицательной или незначимой. В качестве инструментов количественного анализа использовались коэффициенты корреляции Пирсона, Спирмена и Кендалла. Результаты расчетов для двух стран – Эфиопии и Кении – приводятся ниже. В Эфиопии фиксируется сильная положительная корреляция в исследуемой паре. В Кении связь между позициями статистически незначима.

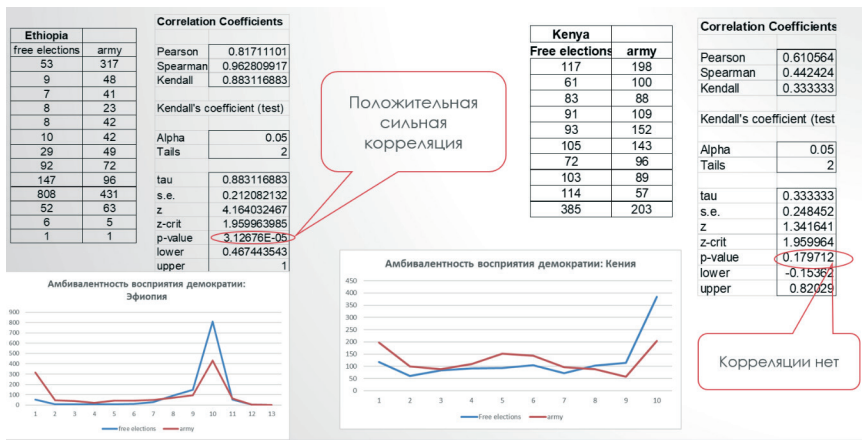

Рис. 4 Результаты корреляционного анализа пары «свободные выборы - армия», Эфиопия, Кения. Рассчитано автором по: [7]

Таким образом, анализ предпочтений африканцев на основе полевых исследований в рамках 7-й волны Всемирного обзора ценностей позволяет сделать ряд выводов, уточняющих особенности проявления парадокса демократии в Кении, Нигерии, Эфиопии и Зимбабве:

- в рассмотренных странах Тропической Африки наблюдается позитивное отношение к демократии как политической системе;
- «свободные выборы» – важная характеристика демократии по мнению большинства опрошенных;
- однако в паре «свободные выборы-армия» наблюдаются признаки демократического парадокса, выраженная поляризация ответов респондентов;
- страны могут различаться по восприятию активной роли армии в контексте демократии не только по силе проявления, но и по направленности.

Таким образом, понимание демократии в рассмотренных странах носит амбивалентный характер: наряду с позитивным общественным восприятием демократической политической системы как основы для выбора формы правления в предпочтениях африканцев присутствует феномен AND. Косвенно полученные выводы подтверждаются ответами на вопрос о доверии правительству. Так, согласно опросам, в Нигерии и Кении правительству не доверяют 60 %, а в Эфиопии –

напротив, 60 % выразили доверие властям [7]. Важно отметить, что фактор этнической принадлежности в Тропической Африке может быть значимым. Так, более 80 % представителей народности оромо в Эфиопии доверяли правительству, а среди народности тигре таких оказалось в два раза меньше. В Нигерии почти зеркально противоположные оценки правительству дали представители народностей йоруба и хауса: доверяют властям соответственно 8,4 % и 30,1 % опрошенных, а полностью не доверяют – 30,3 % и 9,9 %. Это дает основание предположить, что этнический фактор может оказаться значимым в контексте AND: разные этнические общности будут значимо различаться в своем восприятии демократии.

Как конкретно проявляется выявленный нами парадокс высокой поддержки демократических принципов при низкой удовлетворенности их реализацией в политической практике рассмотренных стран? События последних десятилетий дополняют сделанные по результатам количественных оценок результатов полевых исследований выводы.

Зимбабве представляет собой уникальный кейс, демонстрирующий парадокс между конституционными реформами и продолжающейся концентрацией власти в руках правящей партии ЗАНУ-ПФ. Несмотря на регулярные выборы и изменения в конституционном законодательстве, механизмы политического контроля и репрессий остаются неизменными. Характерными чертами политического режима в Зимбабве являются подавление независимых СМИ, политизация судебной системы и систематическое запугивание оппозиции. По мнению многих исследователей, в условиях, когда формальные институты демократии сосуществуют с глубоко укорененными авторитарными практиками, традиционные модели управления, такие как консенсусная демократия, могут выступить потенциальной альтернативой существующим институциональным структурам [8, 9].

Кения сталкивается с парадоксом, где сильные избирательные институты сосуществуют с политическими процессами, основанными на этнической мобилизации. Этот феномен подрывает процессы демократической консолидации, несмотря на активное гражданское общество и относительно развитую судебную систему. Проблемы насилия на выборах, таких как трагические события 2007 г., политизация судебной системы и сложные сети патронажных отношений создают значительные препятствия для устойчивого демократического

развития. Ряд исследователей фиксируют, что, несмотря на широкую поддержку демократических ценностей среди граждан, этническая лояльность часто доминирует над принципами демократического поведения, что усугубляет проблемы институционального доверия и политической стабильности [10].

Эфиопия представляет собой еще один пример парадоксального политического устройства, где федерализм, задуманный как инструмент децентрализации и автономии, на практике приводит к фрагментации и конфликтам. Центральное правительство часто прибегает к подавлению инакомыслия, что подрывает демократические институты и усиливает авторитарные тенденции. В частности, в регионах Тиграй и Оромия этнический федерализм стал катализатором глубоких социальных и политических напряжений. Низкий уровень институционального доверия и высокая степень отчуждения граждан от политического процесса усугубляют структурные проблемы, делая Эфиопию одной из наиболее уязвимых стран в контексте демократического развития.

Нигерия – уникальный пример демократического парадокса, где формальные демократические институты сосуществуют с глубокими авторитарными тенденциями и сильной этнической фрагментацией. В нигерийском кейсе можно выделить несколько ключевых моментов.

- **Демократический фасад.** С момента установления демократического режима в 1999 г. Нигерия демонстрирует регулярную смену власти через выборы. Однако выборы часто сопровождаются обвинениями в подкупе избирателей, манипуляциях с судебными решениями и элитарном контроле над политическими процессами.

- **Проверка реальности.** Несмотря на формальную демократию, практика управления часто противоречит демократическим нормам. Коррупция, неэффективность государственных институтов и отсутствие подотчетности подрывают доверие граждан к демократическим процедурам [11].

- **Этническая динамика.** Политическая идентичность в Нигерии во многом определяется этнической принадлежностью, что препятствует формированию национальной идентичности и подрывает демократические нормы.

- **Пробелы в управлении.** Высокий уровень поддержки демократии не сопровождается высокой удовлетворенностью ее функционированием. Лишь 37 % нигерийцев считают, что демократия работает

эффективно. Так, преобладание текущих расходов над вложениями в капитальные проекты приводит к отсутствию ощутимых экономических выгод для граждан, что усиливает разочарование в демократических институтах [12].

Таблица № 1

Парадокс демократии: общее и особенное

(составлено по: [3, 10, 13])

<i>Страна</i>	<i>Официальные демократические институты</i>	<i>Поддержка демократии в обществе (Афробарометр)</i>	<i>Авторитарные практики</i>	<i>Этническая/ Политическая фрагментация</i>
Нигерия	Многопартийные выборы, федеральная конституция	Высокий уровень	Манипулирование выборами, элитный захват власти, низкая подотчетность	Очень высокий уровень (хауса-фулани, йоруба, игбо и др.)
Зимбабве	Многопартийные выборы, федеральная конституция	Высокий	Репрессии, контроль над медиа, доминирование правящей партии	Умеренный (шона против, напряженность среди ндебеле)
Кения	Конкуренционные выборы, судебная система	Высокий	Этнический патронаж, электоральное насилие	Высокий уровень (кикуйю, луо, и др.)
Эфиопия	Федеральная конституция, выборы	Умеренный	Централизованный контроль, этнические конфликты	Очень высокий уровень (амхара, оромо, тиграй и др.)

Анализ проявлений парадокса демократии в Зимбабве, Кении, Нигерии и Эфиопии позволяет сделать ряд ключевых выводов. Сводная таблица № 1 дает представление об общих чертах и ее особен-

ностях. Во-первых, этническая фрагментация является центральной проблемой, препятствующей устойчивому демократическому развитию во всех трех странах. Во-вторых, несмотря на высокую общественную поддержку демократических ценностей, уровень институционального доверия остается крайне низким. В-третьих, авторитарные режимы демонстрируют высокую степень устойчивости за счет юридических манипуляций, контроля со стороны элит и международного размежевания [8, 9].

Кения, благодаря активному гражданскому обществу и относительно развитой судебной системе, обладает потенциалом для демократического прогресса, хотя этническая политика продолжает оставаться серьезным препятствием. В Нигерии этот парадокс усугубляется ее экономическим потенциалом и региональным влиянием, что делает недостатки в области демократии особенно заметными. Зимбабве и Эфиопия, напротив, сталкиваются с более глубокими структурными проблемами, включая захват власти элитой и управление, основанное на конфликтах. Несмотря на высокую общественную поддержку демократических принципов, авторитарные практики и этническая фрагментация существенно искажают их функционирование. Выводы подчеркивают необходимость комплексного подхода к демократическим реформам, который должен учитывать как институциональные, так и культурные факторы.

Примечания

1. Welzel C. *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 441 p.

2. Welzel C., Kirsch H. *Democracy Misunderstood: Authoritarian Notions of Democracy around the Globe* // World Values Research. 2017. Vol. 9 № 1. P. 1–29.

3. Мнимая демократия – Новости – Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://lcsr.hse.ru/news/182066604.html> (дата обращения: 15.08.2025)

4. Афробарометр. Официальный портал. URL: <https://www.afrobarometer.org/data/> (дата обращения: 15.08.2025)

5. The Four Big Questions Shaping Democracy in Africa | Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2025/04/the-four-big-questions-shaping-democracy-in-africa?lang=en> (accessed: 20.08 2025)

6. Исаев Л.М., Ильина А.М. «Перестройка» по-нигерски: причины военного переворота 2023 г. // *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 15–22.

7. Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E. & Puranen B. (2022): *World Values Survey Wave 7 (2017–2022) Cross-National Data-Set*. Version: 4.0.0. World Values Survey Association.

8. Zim Nwokora. *The Challenge of Representative Democracy in Africa* // *Governance&Law*, Research Paper. 04/05/2023. URL: <https://oxgs.org/2023/05/04/challenge-of-democracy-in-africa/> (accessed: 11.07. 2025)

9. Cheeseman Nic. *How Could We Design Democracy to Make it Work in the African Context?* // *Democracy, Elections, and Constitutionalism in Africa*. Ed. by: Charles M. Fombad and Nico Steytler. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 36–60.

10. Steenekamp, C., Musuva, C. *Political Culture in Africa: A Comparative Analysis of Democratic Values in South Africa and Kenya* // *Democracy under Pressure. Challenges to Democracy in the 21st Century*. Ed. By van Beek, U. Palgrave Macmillan, Cham. 2022. P. 143–176.

11. Victor Ogheneochuko Jeko, Edogiawerie Morris *The Crisis of Political Leadership and the Nigerian Democratic Paradox*// *Niger Delta Journal of Gender, Peace & Conflict Studies*, 2021. Vol.1 (December). № 4. URL: <https://nigerdeltajournal.org/wp-content/uploads/2022/06/31.-The-Crisis-of-Political-Leadership-and-the-Nigerian-Democratic-Paradox.pdf> (accessed 11.07. 2025)

12. *Nigeria's Budget and the Paradox of Democracy* // *Time Nigeria Magazine*. URL: <https://timenigeria.com/nigerias-budget-and-the-paradox-of-democracy/> (accessed 10.07.2025)

13. *Democratic Backsliding in Africa? Autocratization, Resilience, and Contention*. Ed. By: Arriola, Leonardo R., Lise Rakner, & Nicolas van de Walle Oxford, 2022; online edn, Oxford Academic, 19 Jan. 2023, URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780192867322.001.0001>(accessed 10.07. 2025)

О. Д. Куликова

Восстание на Мадагаскаре 1947–1948 гг. в освещении французских ежедневных газет

Аннотация. В статье рассказывается о реакции ежедневных французских газет на восстание на Мадагаскаре в 1947-1948 гг. В качестве исторических источников были взяты ведущие газеты разной политической направленности: «Юманите», «Комба», «Фран-Тирёр», «Попюлер», «Монд», «Орор», «Франс-Суар», «Фигаро», «Сё суар». В результате были сделаны следующие выводы: ни одна из представленных газет не давала полную картину происходящих на Мадагаскаре событий. В газетах было крайне мало серьезных больших статей с анализом ситуации. В первые два месяца восстания в газетах печатали небольшие заметки с хроникой событий почти каждый день. Но уже с июня 1947 г. количество статей значительно сокращается, интерес к Мадагаскару падает. «Юманите», «Комба» и «Фран-Тирёр» явно сочувствовали восставшим и заняли антиколониальную позицию. «Фигаро» и «Орор», наоборот, отстаивали точку зрения французских колонистов. В статье также обращается внимание на смысловые оттенки этих терминов, которыми издания описывают события.

Ключевые слова: Франция, Мадагаскар, восстание, газеты, колониализм, журналисты.

O. D. Kulikova

The Madagascar Uprising of 1947–1948 in the Coverage of French Daily Newspapers

Abstract. The article describes the reaction of French daily newspapers to the uprising in Madagascar in 1947–1948. The leading newspapers of various political orientations were used as historical sources: L'Humanité, Combat, Franc-Tireur, Populaire, Monde, L'Aurore, Figaro, France Soir, Ce soir. As a result, the following conclusions were drawn: none of the newspapers presented gave a complete picture of the events taking place in Madagascar. There were very few serious big articles in the newspapers analyzing the situation. In the first two months of the uprising, newspapers published small notes chronicling events

almost every day. But since June 1947, the number of articles has decreased significantly, and interest in Madagascar has begun to decline. *L'Humanité*, *Combat* and *Franc-Tireur* clearly sympathized with the rebels and took an anti-colonial position. *Figaro* and *L'Aurore*, on the contrary, defended the point of view of the French colonists. The article also draws attention to the terms and their semantic connotations that publications use to describe events.

Keywords: France, Madagascar, rebellion, newspapers, colonialism, journalists.

После Второй мировой войны французские колонии вошли в состав так называемого Французского Союза. Пресса, особенно правого толка, отстаивала точку зрения, что колонии помогут вернуть разоренной стране былое величие. Имелись издания, ратовавшие за предоставление колониям независимости. Колониальный вопрос использовался как элемент соперничества между политическими силами. В целом, широкого интереса к колониальным делам в обществе еще не было: эти темы в 1945-1948 гг. были второстепенными, по сравнению с проблемой восстановления страны.

Мадагаскар по конституции Четвертой республики получил статус заморской территории, его жителям даровали ограниченные политические права. На острове был создан выборный орган, Представительная ассамблея, куда избирались депутаты как от коренного населения, так и от колонистов. Ассамблея имела лишь совещательные функции. Главой острова был верховный комиссар. Он назначался метрополией [1, с. 140]. В 1947 г. им был Жюль Марсель Коппе. 10 ноября 1946 г. на выборах во французскую Национальную Ассамблею (Национальное собрание) от малагасийского населения Мадагаскара были избраны Жозеф Равуаханги, Жозеф Расета и Жак Рабеманандзар [2, с. 366-367].

На Мадагаскаре шло формирование политических сил. Одной из самых популярных партий стало Демократическое движение за малагасийское возрождение (далее: ДДМВ), созданное группой интеллектуалов во главе с Расетой. Свою задачу оно видело в расширении политических и гражданских прав малагасийцев, проведении экономических и социальных реформ, борьбе за самостоятельность в рамках Французского Союза. В партию вступило около 300 тыс. малагасийцев [3, с. 346]. С ДДМВ были связаны нелегальные группировки, выступавшие за вооруженную борьбу с колонизаторами:

Националистическая малагасийская партия (НМП) и Националистическая молодежь (НП). В них были успешно внедрены полицейские агенты, подбивающие их на радикальные действия [4, с. 229].

В противовес ДДМВ колониальными властями была создана «Партия обездоленных Мадагаскара» (Падесм), она играла на племенных противоречиях между малагасийцами, отстаивая права прибрежных племен [3, с. 352]. Колониальные власти и Падесм обвиняли ДДМВ в расизме и попытке установить на острове гегемонию племени мерина (хува). В 1946 г. начались массовые репрессии против членов партии ДДМВ, аресты и задержания, участились столкновения между малагасийцами и колонизаторами, порой заканчивавшиеся убийством местных жителей. Солдаты-африканцы, привезенные французами из других колоний, враждебно относились к малагасийцам [3, с. 373]. Несмотря на репрессии, парламентские выборы ноября 1946 г. и выборы в провинциальные ассамблеи в январе 1947 г. закончились убедительной победой ДДМВ. На 30 марта были назначены не раз откладываемые выборы в Совет Республики; велика была вероятность, что представители ДДМВ победят. После январских выборов, колонизаторы вместе с партией Падесм провели карательные акции в деревнях, голосовавших за ДДМВ [3, с. 371], что усилило антифранцузские настроения на острове и накалило обстановку. В начале 1947 г. стали распространяться слухи о готовящемся восстании.

В ночь с 29 на 30 марта 1947 г. около 1200 человек, вооруженных копьями, напали на военный лагерь в Мураманге, где были расквартированы сенегальские стрелки. Были убиты начальник гарнизона майор Перри, 11 солдат, 5 унтер-офицеров, 4 офицера и захвачено оружие. Восстание было подхвачено в округах Амбатундразак и Манакара, были убиты несколько десятков колонистов, а в Диего-Суаресе взбунтовались малагасийские стрелки и произошел неудачный налет на склад оружия. Плохо вооруженные, агрессивные отряды «копьемосцев» громили магазины, плантации, полицейские посты, дома сторонников Падесм и чиновников колониальной администрации. Принято считать, что выступления были спровоцированы внедренными в радикальные группировки людьми, по заказу колониальных властей с целью уничтожения ДДМВ [4, с. 229]. 30 марта колониальные власти объявили, что ответственность за восстание полностью лежит на партии ДДМВ, и, хотя лидеры партии отрицали

обвинения и даже осудили восстание, начались массовые аресты ее членов. Колониальные войска и вооруженные колонисты начали расправу с восставшими и сочувствующими.

Ежедневные газеты, выходявшие со вторника по воскресенье (в единичных случаях особый номер выходил в понедельник), освещали мадагаскарское восстание. Одни газеты выходили утром, другие вечером: каждый номер печатался за несколько часов до распространения («Юманите» и «Орор», например, печаталась в 5 часов утра). Новости запаздывали, как минимум, на сутки. Газеты получали сведения о событиях, как правило, из официальных источников или от информационных агентств: Агентства Франс-Пресс (АФП), Пари-Пресс, Европейского информационного агентства, – и пытались их интерпретировать в зависимости от своей позиции. Собственных корреспондентов на Мадагаскаре у них не было. Первые сведения о восстании в большинстве газет были краткими и сухими – то, что сообщило АФП. По мере развития событий находились другие источники информации, которые не всегда разглашали. Это были весьма тенденциозные мадагаскарские колониальные СМИ, малагасийские депутаты, находившиеся в Париже, европейцы, жившие и работавшие на острове. «Орор» ссылался на телеграммы и письма, получаемые с острова от колонистов. Спустя месяцы в некоторых газетах, таких как «Комба» и «Фигаро», стали появляться большие репортажи от специальных корреспондентов, отправленных на Мадагаскар из Парижа.

Во французских газетах первые новости о восстании появились во вторник 1 апреля – в понедельник 31 марта газеты не выходили. Терминология и смысловые оттенки, используемые журналистами, были неоднозначны. Никто в 1947 г. не называл эти события «войной копыеносцев» – так восстание назовут гораздо позднее. Слово «война» тоже встречается крайне редко, особенно в начале восстания.

Коммунистическая «Юманите»¹, ссылаясь на АФП, коротко сообщила, что военный лагерь в Мураманге, недалеко от Тананариве, был атакован бандами (*les bandes*) из нескольких сотен человек. Верховный комиссар ждал подкрепления, заявив, что виновные будут

¹ «Юманите» – центральный орган Французской коммунистической партии, все новости подает с оттенком агитации, часто иронично дискутируя с другими газетами.

наказаны. «Мы думаем, – отмечается в газете, – что угрозами и жесткими репрессиями мы не построим тот Французский Союз, который прописан в Конституции. Наоборот, мы рискуем отдалить от нас малагасийский народ» [5, 1 авг., р. 2]. Сами события в заметке названы *les incidents*² – беспорядки. За разъяснениями «Юманите» обратился к Расете. Он обвинил правительство в репрессиях [5, 3 авг., р. 2]. 4 апреля газета задаётся вопросом – не начинается ли на острове война, как в Индокитае³? Марсель Кашин в заметке «Индокитай и Мадагаскар» отмечал, что силой движения не подавить. Старая колониальная система рухнет, и нужно вести переговоры с демократически избранными лидерами этих народов [5, 4 авг., р. 1].

В «Юманите» упоминали о репрессиях во время выборов, 10 ноября 1946 г. газета обвинила власти в провокациях и попытках лишить коренное население права голоса. «Монд»⁴ поставила под сомнение итоги выборов [5, 5 авг., р. 1–2]. Борьба с «Монд», выражающей точку зрения правительства, на страницах «Юманите» шла постоянно. На публикацию в «Монд» о том, что восставшие, вооруженные копьями, хотели свергнуть французскую власть, «Юманите» саркастически восклицала: «Газета держит своих читателей за идиотов!» [5, 18 авг., р. 2].

«Юманите» получила сведения о пулеметном обстреле деревень с самолетов и вооружении гражданского европейского населения для обороны. Колонизаторы, как предполагала газета, были связаны с иностранными агентами [5, 6-7 авг., р. 2]. Позднее Расета будет обвинять в провокациях «некоторых поселенцев» и бывших вишистов, готовых передать Мадагаскар иностранным державам ради сохранения «белого превосходства» [5, 11 авг., р. 2]. «Юманите» и дальше развивала идею об иностранном вмешательстве: обвиняла финансистов с Уолл-Стрит, синдикаты с участием американского капитала, правительство Южной Африки (конкретно, маршала Смэтса) [5,

² *Les incidents* (мн. ч.) можно понимать, как неожиданные и нежелательные происшествия, связанные с конфликтами и беспорядками.

³ 2 сентября 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам, после чего началась Индокитайская война за сохранение Францией колониальной власти в Индокитае (1946–1954 гг.)

⁴ «Монд», леволлиберальная независимая газета с аналитическим уклоном, отстаивала проправительственную позицию по событиям на Мадагаскаре.

12 avr., p.1; 15 avr., p. 1]. Противостоять попыткам иностранцев поставить под контроль страны Французского Союза могли бы только коммунисты [5, 17 avr., p. 1]. Газете, как рупору коммунистической партии, пришлось отбиваться от обвинений «Монд» и «Об» в том, что коммунисты оправдывают восстание и кровопролитие на острове: «Это неправда. В каждой статье, в каждом документе коммунисты осуждают насилие на Мадагаскаре» [5, 19 avr., p. 1]. Таким образом, восстание стало поводом для внутривластной борьбы.

«Фран-Тирёр»⁵, ссылаясь на «некоторых комментаторов», 1 апреля написала об «инциденте» (*l'incident*⁶), 2 апреля о «мятежниках» (*les rebelles*⁷) и «новых волнениях» (*les troubles*⁸), которые приобретают характер «повстанческого движения» [6, 1 avr., p.1; 2 avr., p. 1]. Пытаясь разобраться в происходящем, газета обратилась к некоему представителю ДДМВ (видимо к Расете), который пояснил, что эти «вспышки» (или взрывы – *l'explosions*) спровоцированы политикой репрессий, проводимых администрацией Коппе. «Уже месяц отряды вооруженных полицейских совершают всевозможные бесчинства: арестовывают членов ДДМВ, их семьи и сочувствующих» [6, 2 avr., p. 1]. 3 апреля во «Фран-Тирер» вышло небольшое интервью Расеты. В заголовок были вынесены его слова: «Я осуждаю беспорядки, омывшие кровью Мадагаскар, но истинная причина – преследования колонизаторов». Расета подчеркивал, что ДДМВ хочет оставить Мадагаскар во Французском Союзе и отрицал обвинения в адрес хува, указывая, что волнения происходили и на побережье, населенном другими племенами [6, 3 avr., p. 3]. В интервью 19 апреля он отмечал, что было бы «странно» для ДДМВ устраивать восстание перед выборами, которые партия наверняка бы выиграла [6, 19 avr., p. 3].

⁵ «Фран-Тирёр» – прокоммунистическая газета.

⁶ *L'incident* (ед.ч.) – инцидент, случай, происшествие.

⁷ *Les rebelles* – повстанцы, восставшие против власти. *La rebellion* – восстание, бунт, мятеж. Масштабное выступление, как спонтанное, так и организованное, за серьезные реформы, против власти или установленного порядка.

⁸ *Les troubles* (мн. ч.) – понимается как физические, эмоциональные или социальные проблемы, а так же социальные конфликты и волнения.

«Комба»⁹ употребила термин *les troubles* – волнения, смута, беспорядки, добавляя прилагательное «серьезные». Банды (*les bandes*), вооруженные сагаями и куп-купами¹⁰, напали на городок Моранга (так «Комба» по ошибке была названа Мурамангу)¹¹. Газета приводит число жертв – 20 убитых, из них 8 офицеров и унтер-офицеров, 9 сенегальских стрелков и 3 сирийца [7, 1 avr., p. 4]. 9 апреля корреспонденты «Комба» отмечали, что кризис на острове перешел в новую фазу – фазу восстания (*la rebellion*). Пытаясь разобраться в причинах, журналистка Мари-Луиз Давид отметила внезапные и глубокие политические и мировоззренческие перемены, которые произошли в ходе нескольких лет. Идеи самоуправления и политических прав дополнялись уверенностью в слабости метрополии, амбивалентности колониальной политики, племенными разногласиями, экономическим кризисом, ростом политической сознательности малагасийской интеллигенции и созданием ДДМВ, которая пока еще была готова сотрудничать с Францией.

«Реформы, которые мы провели, должны были быть проведены раньше, до того, как малагасийцы их потребовали. Теперь, когда они избирают депутатов, все заслуги правительства приписываются давлению депутатов из ДДМВ – писала газета. – Постепенно малагасийцы, от природы мягкие, послушные, уважающие административные правила¹², становились все более жестокими, вплоть до того, что искали любую возможность уклониться от обязательств, наложенных на них администрацией» [7, 9 avr., p. 4]. В восстании автор публикации винит «националистические элементы» ДДМВ. Так же «Комба» в нескольких номерах ретранслировала точки зрения других заинтересованных

⁹ «Комба» – левая некоммунистическая газета во главе с писателем Альбером Камю. Малотиражная, но во второй половине 1940-х гг. достаточно влиятельная среди левых интеллектуалов.

¹⁰ Все газеты употребляют малагасийские термины «сагай» (ассагай, ассегай) – вид длинного копья, и «куп-куп» – большой загнутый нож, похожий на мачете.

¹¹ Такие ошибки показывают, как мало знали о Мадагаскаре во Франции. На пресс-конференции премьер-министра П. Рамадье в апреле 1947 г., посвященной Мадагаскару, оппозиционные журналисты с издёвкой переспрашивали у него, как правильно писать географические названия.

¹² Представление о малагасийцах как о дружелюбных послушных туземцах характерно для того времени и часто мелькает в прессе.

сторон. Малагасийские депутаты Расета и Рабенандзара дали газете следующие комментарии: события на Мадагаскаре – это реакция на экономическую и психологическую ситуацию во Французском Союзе. Любые связи между мятежниками Мадагаскара и Индокитая депутаты отрицали, подчеркивая, что никакого общего заговора против Франции нет. Политика Франции колебалась между ассимиляцией и национальной свободой, что злило колонистов и увеличило число запугиваний и провокаций с их стороны. Малагасийцев освободили от принудительного труда¹³, но дали мизерную зарплату [7, 15 avr., p. 3].

Позицию депутатов-колонистов Мадагаскара, прибывших в Париж, «Комба» приводила в пересказе с комментариями, подвергая сомнению их утверждения. Колонисты обвиняли в беспорядках «горстку французов» (французское правительство и Коппе) – потому что до новой колониальной политики они жили мирно; и ДДМВ, которая состоит из хувов, мечтающих вернуть себе господство над островом. Бездоказательность этого подчеркивается [7, 16 avr., p. 4], но «Комба» приводит официальную версию, обвиняющую во всем ДДМВ [7, 18 avr., p.1,3].

Социалистическая газета «Попюлер»¹⁴ в первых оценках происходящего на Мадагаскаре не использует термины «волнения», «беспорядки», «восстание». 1 апреля она осторожно пишет о многочисленных бандах туземцев (*les indigènes*¹⁵), напавших (*assaillir, attaquer*¹⁶) на военный лагерь [8, 1 avr., p. 4]. Только 4 апреля в заметке газеты появилось слово «беспорядки» (*les incidents*) [8, 4 avr., p. 4]. 13 апреля малагасийцы *les mutins*¹⁷ уже именовались мятежниками [8, 13 avr.,

¹³ Законом от 11 апреля 1946 г. малагасийцев освободили от кабальных принудительных работ, своеобразной барщины, которую они должны были обрабатывать на плантациях, строительстве и ремонте дорог, сборе сока каучуконосов и т.д.

¹⁴ «Попюлер» социалистическая газета, главный орган Французской секции рабочего интернационала (СФИО). Лояльна властям в колониальном вопросе. Менее популярна, чем «Юманите».

¹⁵ *Le indigène* – местный, коренной житель, туземец. Слово происходит от *la indigence* – бедность, нужда.

¹⁶ *Assaillir, Attaquer* – атаковать, нападать.

¹⁷ *Les mutins* – в контексте военных и политических конфликтов – мятежники, восставшие против власти или установленного порядка, стремящиеся изменить существующее положение вещей.

р. 3]. «Попюлер» и «Монд» первоначально подчеркивали, что большинство малагасийцев остается лояльным по отношению к французским властям [9, 8 avr., p. 1].

Левые газеты редко обращали внимание на жертвы среди гражданских европейцев. Еще реже сообщали подробности. «Комба» 12 апреля поместил единственную заметку о смерти миссионера Патриса Гарви, которого восставшие специально искали, чтобы убить, а бросили тело в реку [7, 12 avr., p. 1].

Из ежедневных газет одной из самых популярных был таблоид «Франс-суар»¹⁸. 1–2 апреля он дал лишь краткий пересказ информации АФП, но с привлекающим внимание заголовком в духе желтой прессы: «Атака на военный лагерь с сагаями и куп-купами. 20 жертв». Нападавших газета сразу окрестила «восставшими» (*les rebelles*), которые действовали под влиянием агитации неназванной политической партии [10, 1 avr., p. 1; 2 avr., p. 1]. В качестве источника информации газета привлекла жителя острова Жака Мароя, который подготовил большой репортаж: он облетел остров на самолете и видел, как 200–300 повстанцев разбирают железнодорожные пути между Фианаранцоа и Манакарой. Он лично разговаривал с Коппе и, проведя небольшое расследование, узнал, что в последнее время остров посещали некие иностранцы, как он полагает, прибывшие из Индокитая на лодках и поставляющие повстанцам оружие. Примечательно, что для Мароя события на Мадагаскаре – однозначно восстание (*la revolte*) и партизанская война (*la guérilla*) [10, 10 avr., p. 1]. В целом, популярнейшая газета мало интересовалась событиями на Мадагаскаре; статей и заметок о восстании в ней гораздо меньше, чем в других ежедневных изданиях.

Позицию правых иллюстрирует газета «Фигаро»¹⁹. Первая заметка о событиях на острове вышла 2 апреля – на первой странице крупными буквами они названы волнениями (*les troubles*). Газета выразила сомнение, что у местных властей хватит сил восстановить порядок [11, 2 avr., p. 1]. «Фигаро» сразу встала на защиту европей-

¹⁸ «Франс-Суар» – одна из самых популярных и многотиражных послевоенных газет, таблоид без явных политических предпочтений.

¹⁹ «Фигаро» – старейшая правая консервативная газета, одно из ведущих французских ежедневных изданий.

ских колонистов, и в дальнейшем новости с острова подавались с точки зрения французских поселенцев. В газете не упоминали о фактах пыток, которым подвергали малагасийцев, зато подробно освещались несчастья колонистов. Если левые газеты за комментариями обращались к депутатам-малагасийцам, то правые – к депутатам от колонистов, к Жюлю Кастеллани.

4 апреля «Фигаро» разместила интервью Кастеллани Агентству европейской прессы по поводу недавних беспорядков (*les incidents*). Он считал, что это не восстание, а дело рук нескольких бунтовщиков, на которых повлияли события в Индокитае. Он указал на ошибки администрации, которая с XIX в. отдавала предпочтение племени хува, мечтающему изгнать французов с острова. По его мнению, если французы уйдут из Мадагаскара, последует кровавая бойня. Место французов займут другие державы (ведь недавно обнаружили залежи урана!), и они будут гораздо менее благосклонны к местным жителям. Франция должна сохранить Мадагаскар, обеспечить благосостояние малагасийского народа, вести политику твердости, которая, впрочем, не исключает доброты [11, 4 авг., р. 1].

В статье от 8 апреля события вновь были названы «беспорядками» (*les incidents*), чуть позднее возник похожий термин *les desordres*²⁰. Восставших называли *les mutins* и *les rebelles* – мятежниками, выступающие против Франции. В заметке отмечалось, что не все малагасийцы восстали – есть партия Падесм, которую хувы всегда угнетали, они – сторонники французской администрации, которая их защищает от бывших феодалов [11, 8 авг., р. 1].

В эти дни «Фигаро» подчеркивала, что большая часть малагасийских организаций лояльны французским властям и транслировала официальную точку зрения. Однако уже 16 апреля газета отмечала, что перестала доверять официальным источникам, утверждающим, что ситуация нормализуется, и ищет альтернативные источники информации, в частности, мадагаскарские газеты, такие как «Франс-Мадагаскар». Так «Фигаро» подчёрпнула сведения о зверствах, совершаемых мятежниками – пытках и убийствах евро-

²⁰ *Les desordres* (мн.ч.) – беспорядки, отсутствие или нарушение нормального порядка, хаос. Может относиться к социальным или политическим конфликтам.

пейцев (подробности не приводятся), и о том, что колонисты открыто критикуют правительство и не доверяют метрополии [11, 16 avr., p. 1]. На следующий день газета вышла с крупным заголовком «50 убитых европейцев на Мадагаскаре», обвинив в смертях членов ДДМВ, получающих, по мнению «Фигаро», иностранную помощь [11, 17 avr., p. 3].

Одним из самых ярких защитников колониальной системы выступила газета «Орор»²¹. В первые дни восстания она опубликовала эмоциональные статьи, наполненные лозунгами, обвинениями и предостережениями, восклицательными знаками и фразами, написанными заглавными буквами. Для «Орор» события на Мадагаскаре – это мятеж, бунт (*la sedition*²², *l'émeute*²³), кровавые беспорядки (*les incidents, les troubles*); в мае это восстание (*la rébellion*) – есть результат мягкотелости правительства и экстремистской коммунистической политики. Газета связывала события на Мадагаскаре и в Индокитае, Алжире, Кот д'Ивуаре и призывают сохранить Империю, сочетая «благородные и гуманные» меры с силовыми методами. Большинство малагасийцев – «нежный народ, когда-то так нас любивший», но есть среди них воинственные хувы, тесно связанные с коммунистами и ненавидящие Францию (эту точку зрения озвучил министр по делам колоний М. Муте на заседании Совета министров) [12, 1 avr., p. 1].

«Орор» описывала убийства европейцев «отравленными топорами», считая беспорядки «давно спланированным и организованным маневром», обвиняла верховного комиссара Коппе и министра Муте в бездействии. «Истоком зла» журналисты назвали закон от 11 апреля 1946 г., отменивший принудительный труд малагасийцев и их «полное бездействие». «Орор» получала сведения от самих колонистов-плантаторов и ретранслировала их точку зрения: «была надежда, что, получив свободу, малагасийцы добровольно будут

²¹ «Орор» – правоцентристская антикоммунистическая утренняя газета, выступавшая с проколониальных позиций.

²² *La sedition* – мятеж, бунт с акцентом на подстрекательстве к беспорядкам. Так же может пониматься как сговор некой силы для подрыва власти. Как юридический термин применяется в контексте уголовного права.

²³ *L'émeute* – возмущение, мятеж, бунт с применением оружия.

работать. Но они ничего не поняли. Свобода для них состоит в безделье. А тем, кто еще работал, прибывшие на остров коммунисты разъяснили, что работать не надо. В течение нескольких недель порты, верфи и плантации опустели. Наступила анархия!» [12, 2 avr., p. 1,4].

«Орор» обвинил ДДМВ в том, что подлые агитаторы партии убедили добрых работников-малагасийцев бросить плантации, из-за чего Франция потеряла 20 тыс. тонн кофе, а колонисты вынуждены продавать свои земли за бесценок. Теперь малагасийцы уходят в леса, где «перегоняют спирт и напиваются», а «сильные соседи на чеку, ждут, когда остров упадет им в руки» [12, 8 avr., p. 4]. По версии «Орор», истинные масштабы восстания скрыты от общественности властями, а «настоящая картина очень мрачна» [12, 16 avr., p. 1].

«Орор» пытается дискредитировать депутатов-малагасийцев Ж. Расету, Ж. Равуаханги и Ж. Рабеманандзару, обвиняя их в том, что это старые заговорщики, осужденные в 1915 г. за попытку отравить всех колонистов. Все трое – хувы и ненавидят Францию, как утверждает газета. [12, 5 avr., p.4] На самом деле только Равуаханги, состоящий в тайной организации «Ви, вату, сакелика» (ВВС), был осужден, но затем помилован. Расета хоть и состоял в ВВС, но арестован не был. А Рабеманандзара родился в 1913 г.

После восстания 29 марта на острове сразу же начались жесткие репрессии против членов ДДМВ. В округе Амбатундразака были захвачены все члены партии, их дома сжигали или взрывали динамитом, происходили массовые казни без суда. Так в Мураманге расстреляли железнодорожные вагоны с узниками (об этом упомянет «Фран-Тирер» в июне, а «Се Суар»²⁴ в июле). В Манандзари за один день расстреляли 159 человек, включая двух подростков 13 и 14 лет. Подозреваемых сбрасывали с самолета над их деревнями – такой способ казни назывался «психологической бомбой». Контроля и учета заключенных не было, поэтому неизвестно, сколько же малагасийцев в те месяцы сидело в тюрьмах и концентрационных лагерях. По некоторым данным, к концу 1947 г. их могло быть до 10 тыс. человек, о чем, например, в 1948 г. сообщал журнал

²⁴ «Се Суар» – коммунистическая газета, руководимая поэтом Луи Арагоном.

«Эспри»²⁵ [13, p.183]. О репрессиях левые издания сообщают не часто. «Франс-Суар» пишет о 2800 убитых малагасийцах, согласно данным «Франс-Мадагаскар» [10, 20 avr., p.2], и цитирует депутата от Сенегала Ламин-Гайе о сбрасывании заключенных с самолетов и сожжении бараков с пленными [10, 10 mai, p.3], намекая на выбивания показаний у арестованных с помощью пыток [10, 21 mai, p.3]. «Юманите» упоминает о «грудах невинных трупов в разбомбленных деревнях», о двух тысячах малагасийцев, убитых в Мураманге в первые дни восстания, об авиации, которая бомбит целые районы [5, 20 avr., p.1-2], о бессистемных арестах [5, 22 avr., p.2].

В июле «Юманите» цитировала «Журналь де Мадагаскар», реакционную колониальную ежедневную газеты из Тананариве: «Во время поездки на машинах в Манакару, у нас произошло трагическое происшествие: 400 человек пытались укрыться в наших зданиях. Подошедшие солдаты приказали всем выйти и отвели в сад. Там людей разделили на две группы: с одной стороны, сторонники Падесм, с другой – члены ДДМВ. Лидеров последних расстреливают на месте» [5, 13 juin, p.2]. «Се Суар» сообщает, что Мартина Рокотовао из ДДМВ пытали 6 дней, в том числе и пыткой «ванной», любимой гестаповцами [14, 4 juin, p.3]; в Мураманге старики, женщины и дети были убиты, деревни сожжены и разграблены; в Тананариве гражданские устроили настоящий террор, проводя обыски без ордера и стреляя в прохожих из окон; в Амбратондразаке начальник службы безопасности убил всех членов ДДМВ, которые были арестованы – 150 человек [14, 11 juillet, p. 2]. Наконец, 27 июля «Фран-Тирер» прямо называет главных виновных в пытках: это полицейские Барон, Вержер и Жендрон. Один заключенный, избитый Вержером, потерял память, трое других сошли с ума. Им связывали руки и ноги и зажимали запястья клещами, как во времена инквизиции. Затем двое сенегальцев поднимали их за ноги и окунали голову в ведро с мутной ледяной водой. Потом поднимали голову за волосы и начинали снова. Цель – заставить их сказать, что они принимали участие в подготовке беспорядков. На пороге смерти они подписывали признания [6, 27 juillet, p. 4]. Сравнения с гестапо, фашистами и вишистами часто появляются в газетах, когда речь идет о колонистах

²⁵ «Эспри» – общественно-политический журнал левого толка.

Мадагаскара – таким способом газеты настраивали общественное мнение на сочувствие к восставшим.

По свидетельству П. Буато²⁶, «во Франции развернулось мощное движение протеста против репрессий на Мадагаскаре, которое росло и ширилось с каждым днем. Это движение находило выражение в митингах и многочисленных резолюциях, принимавшихся на заводах и в рабочих кварталах» [3, с. 383–384]. Однако, самые популярные французские газеты, даже коммунистические, об этом «мощном движении» на своих страницах ни слова не упоминают.

Правые издания предпочитали репрессии не замечать, сделав упор на жестокости восставших. «Орор» подбирала самые кровавые истории. 16 апреля газета писала о 75 жертвах среди европейцев: в Амбоасари месьё Ривьер и Бариллон укрылись в подвале, который восставшие подожгли. Когда французы вышли, их убили, разрезали на куски и скормили собакам. В Саасинока француз 27 лет, родившийся в Тананариве, был разрезан на куски своим близким другом, малагасийским врачом [12, 16 авг., р. 4]. Пастора Лашо посадили на кол и сожгли заживо. Месьё Декуссон был похоронен заживо, после того, как на его глазах убили двух его сыновей, женщин осквернили, изуродовали и отдали на растерзание собакам [12, 27 авг., р. 1].

Со второй половины апреля новости о событиях на Мадагаскаре стали скуднее (на это жалуется «Юманите» 20 апреля). Самыми обсуждаемыми темами в большинстве газет оказались выступления официальных лиц, арест малагасийских депутатов и снятия с них неприкосновенности, разногласия в правительстве по поводу арестов, дебаты в Национальной Ассамблее, Совете Республики и кабинете министров, а также нападение на Расету, совершенное 22 апреля в здании парламента депутатами-колонистами П. Рассиньодем, Ж. Каstellани и его женой²⁷. Левые издания: «Юманите», «Комба», «Фран-

²⁶ Пьер Буато – французский ботаник, с 1932 г. жил и работал на Мадагаскаре, лично знал лидеров ДДМВ, вместе с Равуаханги и Расетой создал Союз профсоюзов ВКТ на Мадагаскаре. После восстания 1947 г. вернулся во Францию и вступил в коммунистическую партию. Написал несколько книг о Мадагаскаре.

²⁷ Мадам Каstellани, с криком «Убийца!», набросилась на Расету и расцарапала ему лицо, а затем Рассиньодем его ударил. Этот инцидент смаковали почти все газеты.

Тирёр», «Се Суар» – однозначно осудили арест депутатов, назвав его незаконным и неконституционным. Они требовали разрешить депутатам выступить перед своими палатами во Франции.

«Фигаро», получавшая сведения из мадагаскарских газет, продолжала в течение апреля планомерно отслеживать новые нападения и новые жертвы среди европейцев. 20 апреля на её страницах впервые появляется термин «восстание» (*l'insurrection*²⁸ и *la revolte*²⁹). Газета напечатала письмо, присланное с острова живущим там французом, где ситуация показана глазами колонистов. Автор отмечал, что безмерно благодарен авиации, которая патрулирует опасные зоны, обстреливает с воздуха повстанцев и эвакуирует раненых, женщин и детей. Ситуация, по его мнению, была гораздо хуже, чем представляли себе власти: европейцев убивают каждый день. Еще больше жертв среди лояльных французам малагасийцев. Перед смертью людей пытают и насилуют, в том числе детей. Войск для защиты не хватает. Гражданские европейцы вооружаются и организуют патрулирование городов и окрестностей, сменяясь каждые несколько часов, но их силы на исходе. Среди них много пожилых, сказываются страх и бессонные ночи.

Газета пыталась передать читателям то ощущение ужаса и безысходности, которое испытывали европейцы на Мадагаскаре. Смельчаки, переодевшись американцами, беспрепятственно проникали в лагерь повстанцев, получали нужные сведения, помогая бежать пленным европейцам и даже захватывая в плен сотни восставших [11, 20–21 авг., р.1,3]. «Фигаро» писала, что восставшие охотно идут на контакт с людьми в форме американцев и англичан, и явно рассчитывают на их помощь. Редакция, конечно, не сомневалась в сочувствии Франции со стороны США, но «факты говорят сами за себя» [11, 25 авг., р.1].

«Фигаро» обвиняла администрацию и лично Коппе в смертях колонистов, т.к. он знал о готовящемся восстании, но не предпринял никаких мер. Европейцы могли заранее вооружиться и дать отпор восставшим. Газета описывала случаи, когда один или несколько

²⁸ *L'insurrection* – вооруженное восстание, мятеж, организованное и масштабное выступление против власти. Термин часто встречается в истории и политике.

²⁹ *La revolte* – мятеж, восстание. Слово более разговорное, с эмоциональным зарядом.

человек с огнестрельным оружием успешно обороняли свои дома от сотен нападавших, пока не подошла помощь [11, 23 авр., р.1,3].

Редакция «Фигаро» поддерживала официальную версию о виновности ДДМВ, «террористической организации», которая имеет разветвленную сеть по всему острову. Она долгое время готовила восстание, распределила роли, написала инструкции, «используя все технологии и ресурсы современных революционных движений» [11, 26 авр., р. 3]. В Тананариве, по информации издания, планировалось нейтрализовать армию, убить 8 главных чиновников и учредить Малагасийскую республику. Однако лидеры медлили, что дало возможность властям собрать силы и арестовать ряд зачинщиков. Но там, где восстание произошло, отмечает газета, случилась катастрофа – огромные разрушения и сотни убитых. «Полвека усилий пропали за одну безумную ночь» [11, 27–28 авр., р.1].

К концу апреля 1947 г. восстание переросло в партизанскую войну. Восставшие укрывались в лесах, создавали там базы и вооруженные отряды. Они разрушали пути сообщения и линии связи, устраивали засады на малочисленные военные патрули и небольшие отряды полицейских. Им удалось захватить около 20 % территории острова – округа Таматаве, Манакара и Минандзари. Колонисты вынуждены были эвакуироваться из малых населенных пунктов и сосредоточиться в городах и крупных поселках. Несколько французских постов были окружены и отрезаны от линий снабжения. Воевавших здесь колониальных войск снабжали всем необходимым по воздуху, для чего был создан специальный авиационный отряд из трех самолетов. На них были установлены пулеметы, которые поддерживали огнем свои войска с воздуха.

Если в апреле большинство газет почти каждый день печатали хотя бы небольшие заметки, посвященные Мадагаскару, то с мая количество статей начинает уменьшаться. «Юманите», например, всего в пяти майских номерах дала короткие сведения об атаке на тюрьму в Мураманге 1 мая, о дебатах в Национальной Ассамблее, о роспуске ДДМВ и снятии неприкосновенности с малагасийских депутатов. Больше материала можно найти в «Комба». 2 мая выходит большая статья специального корреспондента М.Л. Давид, которая пытается проанализировать всё, что происходило за эти 6 недель. Она отмечает, что ситуация нестабильна: банды мятежников в несколько тысяч чело-

век нападают и уходят в леса. Они грабят, сжигают плантации, убивают поселенцев и лояльных колонистам малагасийцев. Нельзя говорить о «лагерях» и «штаб-квартирах» повстанцев. Это банды с немногочисленным огнестрельным оружием, которое они отобрали у европейцев. Потребуется несколько месяцев, прежде чем здесь будет безопасно: леса большие, банды мобильны, а ресурсов недостаточно. Восстание отличается примитивностью: нет ни лидеров, ни плана, ни общих действий. Давид впервые раскрывает роль верований, на которые раньше газеты не обращали внимания: восставшие приносили клятву на крови и надевали амулеты, считая, что они защитят их от пуль. Чувства национальной принадлежности у них нет, зато их объединяет ненависть к белым. Давид считал, что ситуацию усугубляет еще и раздор между колонистами и французском администрацией. Колонисты препятствуют проведению реформ, а малагасийцы не верят в искренность французов. Так же журналистка вскользь упоминает про камеры пыток, где местное «гестапо» умиряет восставших [7, 2 mai, p.4].

10 мая в «Комба» вышла скандальная статья А. Камю «Инфекция», где он говорит о признаках распространения расизма среди французов. В качестве одного из доказательств он приводит ситуацию с арестом малагасийских депутатов – если бы они были французами, их не смогли бы арестовать без снятия неприкосновенности. Жестокие репрессии по отношению к повстанцам, по его мнению, продиктованы расизмом. [7, 10 mai, p.1]

«Фигаро» в мае почти каждый день публиковало сведения о военных действиях «из достоверных источников, не отредактированных цензурой». Восстание не утихает, отмечала газета 4 мая. Европейцы покидают свои дома на разграбление и переезжают в большие города ради безопасности. К восставшим присоединяются новые силы – это уже не банды, а армии в несколько тысяч человек. Авиация уже не помогает – мятежники прячутся, как только слышат звук мотора [11, 4-5 mai, p.1]. «Фигаро» высказывало предположение, что официальные данные о 6 тыс. повстанцев неверны – по сведениям газеты, их гораздо больше. Их число растет за счет добровольцев и тех, кого вынудили присоединиться к восстанию угрозами [11, 9 mai, p. 3]. Восставшие, «подогреваемые алкоголем и фанатичными колдунами», атаковали, не заботясь о своих потерях [11, 15 mai, p.1]. Газета регулярно публиковала карты, на которых отмечались районы нападений.

К июню 1947 г. на остров прибыли военные подкрепления (около 15 тыс. человек), состоящие из парашютно-десантных подразделений, иностранного легиона, марокканских и сенегальских стрелков [1, с.146]. Началась планомерная зачистка острова. Но для газет самой «горячей» новостью июня стал арест Расеты 6 июня и его экстрадиция на Мадагаскар для суда. «Нейтральная» «Франс-Суар» сумела взять у него короткое интервью перед арестом, поместив на первую полосу заголовок с его словами: «Я чист» [10, 7 juin, p.1]. Левые издания требовали судить Расету и его коллег в Париже, т.к. власти острова не смогут обеспечить их безопасность и справедливый, беспристрастный судебный процесс.

«Фран-Тирер» в июне поместило интервью с адвокатом П. Стиббом, защищавшим малагасийских депутатов. Вернувшись из Тананариве, где подвергся нападению со стороны колонизаторов, он дал интервью газете, в котором утверждал, что на острове все живут в постоянном страхе, враждуют и не доверяют друг другу. Малагасийцы боятся новых репрессий, т.к. аресту подвергались не только члены ДДМВ, но и те, кто не имел к ДДМВ никакого отношения. Стибб свидетельствовал, что к обвиняемым депутатам долгое время не пускали адвокатов. Он слышал от многих свидетелей (как малагасийцев, так и европейцев) о пытках, грабежах, изнасилованиях и даже массовых убийствах (расстрел вагонов с узниками в Мураманге, взорванная тюрьма в Манананджари). Местные жители особенно опасались сенегальских войск и уходили в леса при их приближении. Большинство малагасийцев, считал Стибб, видят разницу между республиканской Францией и «группой колонистов и сатрапов». Чтобы восстановить доверие между малагасийцами и французами, необходимо налаживать отношения с демократическими силами – заключил адвокат [6, 4 juin, p.1].

«Фигаро» в июне, хоть и реже, но продолжает печатать сведения о военных действиях. Газета так же обращает внимание на экономический ущерб, который принесла партизанская война на острове – мятежники не заботятся об урожае, проедают и уничтожают всё – рис, сахар, свиней, кукурузу, птицу. «Когда вернется спокойствие, останутся лишь руины» – отмечалось в газете [11, 12 juin, p.1].

3 июля 1947 г. большой партизанский отряд попытался захватить Тананариве, но отступил с огромными потерями: в плен попало более 3 тыс. восставших. Это был последний крупный бой с коло-

низаторами. Битву проигнорировали все ведущие газеты. Считается, что она ознаменовала конец первого этапа восстания. Второй этап продолжался с июля по октябрь 1947 г., когда колонизаторы планомерно восстанавливали контроль над островом. 19 июля в газете «Монд» вышла статья, где повторялось всё, что уже было озвучено другими газетами: потери восставших огромны, единого руководства и плана действий у восставших не было, огнестрельного оружия крайне мало, и большинство восставших не умели с ним обращаться, а жрецы убеждали бойцов, что они неуязвимы и пули их не убьют. В результате партизаны шли на врага, не заботясь о защите, с одним лишь холодным оружием и гибли тысячами [9, 19 juillet, p.1].

«Се Суар» в июле публикует большое интервью ботаника П. Буато, прибывшего с острова, о пытках, проводимых сотрудниками Сюрте³⁰, массовых казнях членов ДДМВ и простых малагасийцев. Причинами восстания он считал провокации Сюрте, ошибки администрации, кризис, произвол, аресты, расовые конфликты, подогреваемые через Падесм. Военным путем, по мнению Буато, ситуацию нельзя исправить: нужен контакт с демократически настроенными повстанцами [14, 11 juillet, p.2].

Летом 1947 г. французские войска постепенно вытесняли восставших, создавая укрепленные посты, продвигаясь вглубь территории. «Тактика масляного пятна» успешно применялась колонизаторами еще в конце XIX в. В итоге восставшие вынуждены были разделиться на мелкие отряды и укрыться в труднодоступных районах. Для прессы же июль и август – период затишья, когда новостей с острова практически не было. Даже «Фигаро» перестала печатать военные сводки, а в конце августа заявила, что ее источники говорят о конце восстания [11, 23 août, p.2]. Заслуживает внимания исследование знаменитого журналиста Роже Стефана, напечатанное 2–3 августа в «Комба». Он выяснил, что внутри ДДМВ была группа экстремистов, желавшая независимости Мадагаскара и готовящая путч с целью уничтожения власти французов и их более умеренных соратников по партии. Лидеры ДДМВ никакого восстания не готовили [7, 2 août, p.1,3] Стефан обвинял полицию в пытках свидетелей

³⁰ Sûreté – сокращенное разговорное название французских служб безопасности.

и обвиняемых, указывая, что их допрашивали без адвокатов, а сразу после признательных показаний они оказывались в больнице, где отказывались от своих слов; их опять допрашивали и после признания снова лечили. Сами пытки Стефан не описывал, отмечая только, что они были «в лучших традициях гестапо», и «гестаповские ванны» были самыми невинными из них [7, 3 août, p.1,3].

В сентябре тема Мадагаскара вновь всплывает в прессе. В ночь на 3 сентября в Диего-Суаресе был жестоко избит мэтр А. Дузон, французский адвокат малагасийских депутатов. «Юманите» поместила фотографию избитого и описала нападение: адвокат возвращался домой поздно вечером, на улице на него напали 3 человека, избивали дубинками и запихнули в машину. Когда он очнулся, услышал, как они говорят на французском языке с провинциальным акцентом. Его выкинули из машины, раздели догола и избивали дубинками «в лучших традициях гестапо». Дузон смог доползти до ближайшего дома, где его приютил малагасиец, а утром отвез в больницу. Ту же историю пересказывает «Фран-Тирер». «Юманите» полемизирует с «Эпок»³¹ и «Монд», которые в эти дни заявляли о значительном прогрессе в умиротворении Мадагаскара и о том, что «европейцы более или менее защищены».

«Но они не против подобных нападений, – пишет «Юманите» – Нападений, совершенных европейцами, французами. Колонизаторы зашли слишком далеко. Судебный процесс (над депутатами-малагасийцами) должен проходить во Франции, и мы не должны ждать новых фашистских атак, чтобы вернуть его туда» [5, 11 sept., p.2]. «Этих колонистов возмущает любая попытка совершить правосудие» – добавляет «Фран-Тирер» [6, 7 sept., p.1].

О военных действиях сентября вскользь упоминает «Фигаро»: власти утверждают, что ситуация спокойная, есть сведения «из надежного, но неофициального источника», что это не так. Мятежники прячутся в лесах, совершают внезапные нападения [11, 11 sept., p. 3].

В конце сентября в Париж прибыл верховный комиссар Коппе и дал закрытую пресс-конференцию, куда пригласил только «Монд». Он уверял, что «ситуация становится лучше в политическом, воен-

³¹ «Эпок» – французская правая ежедневная газета, в 1949 г. была поглощена другой правой газетой «Орор» и прекратила свое существование.

ном и экономическом плане». Его слова опровергали журналисты «Эпок». Они писали, что ситуация на острове критическая: «все деревни, которые мы посетили, были разграблены и почти без людей – они были захвачены повстанцами, остающимися невидимыми призраками» [5, 24 sept., p. 2]. Левые издания интересовались гестаповскими методами допросов арестованных и беспристрастностью правосудия и иронизировали, что их не позвали на пресс-конференцию из-за страха перед неудобными вопросами [14, 24 sept., p.3]

После приезда Коппе некоторые СМИ, типа «Эпок», депутаты-голлисты и министр Муте обвинили Французскую коммунистическую партию в том, что она якобы выделила ДДМВ 35 млн франков, утверждая, что этими сведениями с ними поделился Коппе, который позднее официальным письмом опроверг эти слухи, заявив, что ничего подобного не говорил. Попытка дискредитировать ФКП предшествовала муниципальным выборам в октябре 1947 г. – восстание пытались использовать во внутривнутриполитической борьбе.

27 сентября 1947 г. на Мадагаскаре ввели осадное положение и отменили политические свободы³². Во второй половине 1947 г. власти Мадагаскара получили средства на закупку продовольствия и товаров первой необходимости (ткани, посуда и т.д.) для снабжения населения. Таким образом удалось «убедить» часть малагасийцев не участвовать в восстании [1, с.145-146].

В октябре, на фоне военного и информационного затишья, в «Комба» была опубликована серия репортажей специального корреспондента Клода Робина «Мадагаскар, остров миражей». Он побывал в Тананариве и окрестностях, и красочно описал состояние города и тяжелые условия жизни малагасийцев. Итоги восстания для него неутешительны: пропасть между малагасийцами и европейцами углубилась. По его мнению, следует действовать быстро; новая политика должна включать моральное и техническое воспитание коренного населения, а белые чиновники должны постепенно уступать место малагасийцам, потому что, «цель любой колонизации – научить находящийся под опекой народ управлять собой самостоятельно» [7, 19 oct., p.4].

«Фигаро» выпустила большой репортаж под названием «Порядок на Мадагаскаре», написанный пастором Марком Бенером.

³² Ведущие ежедневные газеты эту новость проигнорировали.

Он провел на острове несколько недель и общался с французскими колонистами. Это очень необычный для «Фигаро» материал. Впервые в газете делаются осторожные намеки на зверства военных, на то, что офицеры стремятся избежать кровопролития, но подчиненные не всегда способны отличить мятежников от мирных жителей. Упоминаются пытки («определенные методы допроса, позорящие любую нацию, должны быть строго запрещены, а если запрет не выполняется, необходимо их безжалостно пресекать!») и расизм. При этом автор выражает удивление: по его убеждению, Франция, Европа и всё человечество давно отринули подобные взгляды [11, 22 oct., p.1-2].

На третьем этапе восстания, с ноября 1947 г. по март 1948 г., военных действий почти не велось из-за жаркого времени года. «Копьеносцы» сосредоточились в районах Ватумандри и Фианаранцуа, где находилось порядка 10 тысяч жителей [15, p. 301]. Военные операции возобновились в апреле, и эти районы были быстро завоеваны. Кратковременный всплеск интереса к Мадагаскару у французской прессы произошел в конце ноября 1947 г. 24 ноября в Тананариве и Манджунге задержали 10 тысяч человек и арестовали 500 из них. В «Юманите» упоминалось, что «провокационные полицейские методы демонстрируют желание правительства и его агентов вызвать беспорядки на острове» [5, 25 nov., p.2]. В газете «Фран-Тирер» писали: «От нас скрывают правду о Мадагаскаре» [6, 25 nov., p.4].

В конце декабря приходит известие о новых судебных процессах на Мадагаскаре: за участие в восстании судили 75 человек; 10 из них приговорены к смертной казни. «Юманите», комментируя новость, подчеркивала иностранный след: «Правительство "американской партии" создает во Французском Союзе ужасную атмосферу ненависти и вражды между Францией и жителями Союза, от которой выиграют только их американские хозяева» [5, 26 dec., p. 2].

Зимой-весной 1948 г. новости с острова были редки. Из самых интересных публикаций отметим статью в «Юманите» от 28 февраля об отправке на Мадагаскар необученных французских рекрутов в качестве «волонтеров». «Значит, там всё еще бушует война?» – задается вопросом газета. В статье отмечается, что подобная практика была запрещена еще в 1939 г., поскольку показала, что европейский солдат, попавший в колонии и подвергнутый военным нагрузкам, восприимчив к тропическим болезням (приводится пример из ком-

пани 1895–1896 гг., когда на Мадагаскаре 15 тыс. солдат погибло от малярии и лихорадки). А современная молодежь, после нескольких лет лишений в период Оккупации, гораздо слабее физически, чем в конце XIX в. Зачем вообще отправлять туда новые контингенты? «Да потому что война до сих пор продолжается. Агенты Сюрте и бывшие вишистские ополченцы пролили там потоки крови, практикуя все методы гестапо. Им удалось подчинить несколько деревень, но мятежники предпочли сохранить себе лес, а не рис, чем умереть под пытками. Кстати, – продолжает газета – господин Тежен³³, не могли бы вы сообщить нам, сколько солдат экспедиционного корпуса было отправлено в исправительную колонию за протест против зверств, творимых Сюрте и её руководителем, господином Бароном, которого давно бы следовало судить за его преступления? И сколько марокканских и французских солдат было расстреляно за отказ совершать преступления, позорящие честь Франции?» [16, 28 fev., p. 2]. Никакой конкретной информации о протестах в армии против массовых расправ «Юманите» не публиковала, и эти обвинения фактами не подкрепляет.

О годовщине восстания 29 марта большинство изданий не вспомнили вовсе. Только «Фигаро» 1 и 4 апреля поместила репортаж Д. де Коке под названием «Умиротворение Мадагаскара». Автор проехал по деревням, сопровождая нового верховного комиссара Шевине. В публикации он утверждает, что восстание закончилось, хотя в лесах, по его представлениям, прячутся еще 350 тыс. повстанцев. Часто военные встречали женщин и детей, оставших от партизан, боявшихся, что французы их убьют. Им давали еду и отпускали домой, чтобы они призвали своих мужей и братьев возвращаться в деревни. И малагасийцы постепенно возвращаются. Скоро в лесах останутся лишь те, у кого на руках французская кровь, и кто не может вернуться – заключает автор [17, 4-5 avr., p.1-2].

Считается, что к маю 1948 г. восстание на Мадагаскаре было подавлено, хотя отдельные столкновения происходили в 1949–1950 гг. Некоторые историки датируют конец восстания весной 1949 г. [4, с. 230]. В газетах появлялись статьи, подводящие итоги восстания.

³³ П.-А. Тежен – министр национальной обороны с октября 1947 по июль 1948 гг.

Так, «Юманите» 16 мая 1948 г. цитирует еженедельник «Дефанс», который приводит данные по его жертвам: «трагическая гибель ста европейцев стала сигналом к жестоким репрессиям. По нашим данным, 80 тыс. малагасийцев были расстреляны из пулеметов, убиты авиабомбами или снарядами, умерли от болезней, голода и истощения в ужасных концентрационных лагерях и тюрьмах» [16, 16-17 mai, p. 2]. Цифра 80 тысяч впервые приводится в прессе.

Проанализировав публикации за год, мы видим, что ежедневные газеты сформировали свою точку зрения на восстание практически сразу и на протяжении года ее не меняли. Ни одна из представленных газет не давала полную картину происходящих на Мадагаскаре событий. Чтобы ее получить, заинтересованному читателю надо было бы отслеживать сразу несколько источников информации. Далеко не все сообщения АФП, заявления официальных лиц и информация, регулярно озвучиваемая на заседаниях Национальной Ассамблеи, Совета Республики и кабинета министров (в том числе о фактах пыток и массовых убийств), попадали на страницы газет. Серьезных статей с анализом происходящих событий в ежедневных газетах было мало. Кроме того, французского обывателя в 1947 г. отвлекали и другие, более важные для него новости: галопирующая инфляция, взлет цен, нехватка продуктов и товаров первой необходимости, проблемы с электричеством, разгул преступности, забастовки, наказание коллаборационистов, План Маршалла, разработка СССР атомной бомбы и начало холодной войны. Наконец, кризис прессы в 1947 г. привел к тому, что часть газет закрылась, а остальные в ноябре 1947 г. вынуждены были на какое-то время перейти с 4-х на 2-х страничное издание, что, соответственно, уменьшило возможность печатать большое количество новостей. Аналитические материалы по Мадагаскару печатались, хоть и редко, в еженедельниках и ежемесячниках различной идеологической и политической направленности («Клима», «Эспри», «Тан модерн», «Ревю политик э парламентар» и др.). Но подобные издания, хоть и влиятельные, всё же не были доступны большинству французских читателей.

Примечания

1. Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость / под ред. В. Л. Тягуненко. М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. 1974. 451 с.

2. История Тропической и Южной Африки (1918-1988) / под ред. А. Б. Давидсона. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1989. 412 с.
3. Буато П. Мадагаскар. Очерки по истории мальгашской нации. М., Изд-во восточной литературы, 1961. 435 с.
4. Емельянов А.Л. Колониальная история Африки Южнее Сахары: учебное пособие. М., МГИМО-Университет, 2011. 432 с.
5. L'Humanité. Paris, 1947.
6. Franc-Tireur. Paris, 1947.
7. Combat. Paris, 1947.
8. Le Populaire. Paris, 1947.
9. Le Monde. Paris, 1947.
10. France Soir. Paris, 1947.
11. Le Figaro. Paris, 1947.
12. L'Aurore. Paris, 1947.
13. L'Esprit. Paris, 1948. № 2.
14. Ce soir. Paris, 1947.
15. L'Annee Politique. Revue chronologique des principaux faits politiques, economiques et sociaux de la France du 1-er janvier 1947 au 1-er janvier 1948. Preface d'Andre Siegfried de L'Academie Francaise. Paris, Ed. du Grand Siecle, 1948. 395 p.
16. L'Humanité. Paris, 1948.
17. Le Figaro. Paris, 1948.

УДК 94(669)

С. В. Мазов

Роль великих держав в гражданской войне в Нигерии (1967–1970 гг.)

Аннотация. В статье исследованы мотивы, намерения и действия великих держав (Великобритания, СССР, США и Франция) как внешних акторов гражданской войны в Нигерии (1967–1970). На основании работ зарубежных исследователей и документов из российских архивов автор установил, что нигерийский конфликт оказался единственным международным кризисом времен холодной войны, участники которого руководствовались не блоковой солидарностью, а геополитическими императивами и национальными интересами.

© Мазов С. В., 2026

Ключевые слова: международные отношения, холодная война, гражданская война в Нигерии (1967–1970).

S. V. Mazov

The Role of the Great Powers in the Nigerian Civil War (1967–1970)

Abstract. The article examines the motives, intentions, and actions of the great powers (Great Britain, the USSR, the USA, and France) as external actors in the Nigerian Civil War (1967–1970). Drawing on the studies by foreign researchers and documents from Russian archives, the author has found out that the Nigerian conflict turned out to be the only international crisis of the Cold War era, whose participants were guided not by bloc solidarity, but by geopolitical imperatives and national interests.

Keywords: international relations, Cold War, civil war in Nigeria (1967–1970).

30 мая 1967 г. от Нигерии отделилась ее восточная часть, самопровозглашенная Республика Биафра. Это привело к гражданской войне, которая длилась два с половиной года. Армия Биафры была разгромлена и капитулировала 15 января 1970 г. Война стала следствием исторически сложившихся и инициированных британскими колонизаторами противоречий между тремя основными народами Нигерии – хауса (север), йоруба (запад) и игбо (восток).

Нигерийский кризис с самого начала стал международным. Внешние акторы во многом определили его характер, ход и исход. Сохранение территориальной целостности Нигерии поддержали Великобритания, СССР, социалистические страны Восточной Европы, арабские страны. США объявили о нейтралитете. На стороне Биафры гласно и негласно выступили Франция, Португалия, Южно-Африканская Республика, Китайская Народная Республика, Израиль. Четыре африканские страны: Габон, Замбия, Кот-д’Ивуар, Танзания – официально признали независимость Биафры. Из неафриканских государств то же сделало Гаити.

Для времен холодной войны такой расклад был аномалией. Почему была нарушена логика противостояния двух лагерей? Куда делась блоковая солидарность, которая неукоснительно соблюдалась во время других международных кризисов? Как в одной лодке оказались экзи-

стенциальные враги Великобритании и Советский Союз? Эти вопросы остаются дискуссионными в обширной историографии международного измерения нигерийского конфликта [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

В статье исследованы мотивы, намерения и действия основных внешних акторов гражданской войны в Нигерии – Великобритании, КНР, СССР, США, Франции, проанализированы результаты и последствия их участия в нигерийском кризисе. Основу источниковой базы исследования составили документы из российских архивов.

Советский Союз. Роль СССР в нигерийском кризисе наименее исследована, поскольку соответствующие архивные документы стали доступными лишь в последнее время. Исходя из логики поддержки мирового революционного процесса, Советский Союз должен был приветствовать отделение Биафры. В Восточной Нигерии, среди игбо, были сильны и пользовались влиянием левые организации и профсоюзы. Игбо составляли большинство нигерийских студентов, обучавшихся в СССР, костяк руководства и актива Общества советско-нигерийской дружбы, значительную часть членов Социалистической рабоче-крестьянской партии Нигерии [9, р. 107–108], которую финансировала КПСС. В федеральном правительстве доминировали выходцы с севера, которых советская печать называла «феодалами», «реакционерами», «ставленниками колонизаторов» [10].

Советская позиция изложена в так называемой «Записке по Нигерии», утвержденной Политбюро ЦК КПСС 29 мая 1967 г., накануне провозглашения независимости Биафры. В документе главной угрозой советским интересам называлось неминуемое усиление позиций и в отделившейся Биафре, и в Нигерии двух главных геополитических противников СССР–США и Великобритании [11, с. 108–113]. Чтобы не допустить этого, советское руководство сделало ставку на федералов, сохранение единой Нигерии. Расчет состоял в том, чтобы упрочить свое влияние во всей Нигерии, нежели поддержать Биафру и остаться ни с чем.

Советская стратегия оказалась правильной, ставка была сделана на победителя, хотя война оказалась длиннее и ожесточеннее, чем многие ожидали.

Главным инструментом советского влияния на нигерийский кризис была жесткая сила, поставки оружия федеральному военному правительству Якубу Говона. СССР продал ему реактивные истре-

бители МИГ, учебно-тренировочные самолеты, гаубицы, сторожевые катера, автоматы Калашникова, боеприпасы. Поставки совершались в рамках трех оружейных сделок. Нигерийцы платили твердой валютой и какао-бобами [12]. Советский Союз воздержался от «каких-либо обязательств, которые могли бы вовлечь его во внутренний конфликт в Нигерии» [13, с. 505].

СССР оказался единственным иностранным государством, которое согласилось снабдить федералов оружием, необходимым для успешных наступательных операций: боевыми самолетами и гаубицами. Это позволило ему стать одним из ключевых внешних игроков и сорвать планы Великобритании оказать решающее влияние на ход конфликта путем давления на Говона [8, р. 382–383]. Поставки оружия стали драйвером расширения и углубления советско-нигерийских отношений, за время войны они поднялись с почти нулевого до довольно высокого уровня [12, р. 187–188]. Поддержка Советским Союзом территориальной целостности и федерального правительства Нигерии принесла ему не только дивиденды, но и нежелательные последствия, в том числе международные.

После начала поставок советского оружия федеральному правительству игбо отвернулись от СССР. По наблюдениям Евгения Коршунова, советского журналиста в Лагосе, работники прессы левых взглядов, «активно помогавшие проведению советской пропаганды в течение трех лет, стали избегать встреч с советскими людьми». Они заявляли, что «поставки оружия являются грубым нарушением ленинских принципов “права наций на самоопределение” и “невмешательства в дела других государств”». По всей Восточной Нигерии прошли массовые демонстрации протеста против «англо-русского альянса» [14].

Появились проблемы в отношениях с африканскими странами, признавшими Биафру.

Берег Слоновой Кости (БСК) и Габон следовали французской линии на расчленение Нигерии. БСК 14 мая 1968 г. признал Биафру как «независимое и суверенное государство». Президент БСК Феликс Уфуэ-Буаньи 16 мая 1968 г. через посла СССР в Абиджане «обратился с просьбой к Советскому правительству прекратить военные поставки Нигерии» [15]. Советская сторона ответила 10 июня статьей «Африканский узел» Б. Пиляцкина в «Известиях». Он возложил

«тяжелую ответственность» за «откол нефтеносной Восточной области» и «начало кровопролитной войны» на «империалистов США и других западных стран, греющих руки на чужой беде», выразил уверенность, что империалистам неизбежно придется расплачиваться за это, «как бы буржуазная печать не пыталась сейчас валить с больной головы на здоровую, запутывать и вводить в заблуждение африканцев». Среди них, к сожалению, нашлись те, кто «клянул на удочку империалистической пропаганды» [16].

Танзания и Замбия, признавшие Биафру соответственно 13 апреля и 20 мая 1968 г., разделяли позицию Китайской Народной Республики (КНР). Китай был единственным азиатским государством, поддержавшим отделение Биафры. Пекин стремился укрепить свои позиции в Западной Африке, которые пошатнулись после свержения режима Кваме Нкрумы в Гане в феврале 1966 г., и использовать нигерийский кризис для очередной эскалации пропагандистской кампании против «советского ревизионизма». Нигерийская пресса сообщала, что китайские инструкторы организовали обучение молодежи игбо партизанской войне в лагерях, расположенных в Замбии и Танзании, откуда их перебрасывали в Биафру [17]. Лидер сепаратистов Оджукву в сентябре 1968 г. в послании Мао Цзе-дуну выразил «глубокую благодарность за понимание и симпатию к нашей борьбе против англо-американского империализма и поддерживающего его советского ревизионизма» [5, р. 185].

С разрешения президента Джулиуса Ньерере в Дар-эс-Саламе действовало информационное бюро Биафры. Его глава Остин Окву «поддерживал тесные контакты с правительством Танзании и использовал танзанийскую печать в интересах восточнонигерийских сепаратистов». Ньерере призывал прекратить огонь и начать мирные переговоры между Нигерией и Биафрой как равных партнеров. Советское посольство в Дар-эс-Саламе считало, что «признание Танзанией Биафры следует рассматривать как способ нажима на военное федеральное правительство Нигерии для того, чтобы склонить его к мирному урегулированию конфликта с Биафрой на основе признания права игбо на известное самоопределение» [15].

Замбия не только участвовала в снабжении Биафры оружием, которое должно было поступить национально-освободительным движениям Юга Африки; замбийские официальные лица откры-

то осуждали СССР за поддержку федерального правительства Нигерии. Осенью 1968 г. Заведующий II Африканским отделом МИД Д. П. Пожидаев предложил заместителю министра иностранных дел Л. Ф. Ильичеву поручить советскому послу в Лусаке «обратить внимание МИД Замбии на антисоветские выпады официальных лиц, а также разъяснить позицию Советского Союза в отношении событий в Нигерии». Следовало поручить Отделу печати и Отделу информации МИД организовать публикацию в газете «Известия» «обстоятельной статьи по нигерийскому вопросу». Ее необходимость Ильичев обосновывал, в частности, тем, что «в некоторых африканских странах, признавших Биафру, <...> в последнее время заметно активизировалась пропаганда в поддержку восточнонигерийского режима Оджукву». При этом «допускаются антисоветские выпады, и извращается позиция Советского Союза в отношении событий в Нигерии» [18].

Согласно помете на документе, соответствующие указания советскому послу в Лусаке были направлены, и статья в «Известиях» была опубликована 10 октября 1968 г. [19]. Ее автор политический обозреватель «Известий» В. Кудрявцев попытался выбить у африканских сторонников независимости Биафры их основной аргумент – апелляцию к праву наций на самоопределение. Если, писал он, подходить к ситуации в Нигерии «с сугубо формальной точки зрения, то есть с позиции “абсолютной нерушимости принципа национального самоопределения”, то, как будто бы, надо признать право народности ибо осуществить такое самоопределение на практике». Что и делают те, «кто считает действия руководителя “Биафры” правомочными и даже прогрессивными». По их логике «все, кто придерживается противоположной точки зрения, являются “империалистами и угнетателями”. Некоторые руководящие деятели» БСК, Габона, Замбии и Танзании «доходят до того, что ставят на одну доску позицию Англии и ... Советского Союза».

Совпадение советской и британской позиций лишь «внешнее», доказывал Кудрявцев, оно «не имеет ничего общего с тождеством, не означает», что эти страны выступают за единство Нигерии, «исходя из одних и тех же предпосылок. Нет, эти предпосылки классово противоположны и по существу взаимно исключают друг друга». «Нигерия, как и другие африканские страны, может развиваться как

подлинно независимое государство только следуя по некапиталистическому пути развития». А в Биафре «волю нации к отделению» определяют люди, которые «пытаются тянуть Нигерию на капиталистический путь», люди, которым «аплодируют в Бонне и Лиссабоне». Оджукву и его «коллеги», возможно, и не являются «непосредственными агентами империализма или нефтяных компаний», но «логика классовой, социальной борьбы такова, что, взяв неверный политический курс, можно стать невольным агентом империализма».

Позиция СССР в нигерийском кризисе, считал Кудрявцев, безусловно с классовой точки зрения. Он «исходит из задач антиимпериалистической борьбы африканских народов как за укрепление независимости уже освободившихся стран, так и за полное освобождение континента от остатков колониализма». Эта линия, «естественно, диаметрально противоположна позиции капиталистических держав, таких как Англия».

Африканские страны, которые признали Биафру и «отождествляют политику Советского союза и Англии в вопросе о Нигерии» по мнению автора, глубоко неправы. Они, во-первых, «вольно или невольно способствуют империалистам, ослабляют позиции африканских стран, у которых нет более верного друга и союзника, чем Советское государство». И, во-вторых, они действуют под влиянием китайских раскольников – «привнесенных в Африку извне догматических воззрений, отрывающих принципы от реальной действительности и наносящих тем самым неисчислимый вред антиимпериалистической борьбе». В целом статья представляла собой попытку прикрыть геополитические интересы СССР императивами классового подхода.

Власти бывшей метрополии **Великобритании** обоснованно полагали, что отделением Восточной Нигерии дело не ограничится, возникнет несколько слабых государств, которые вполне могут стать добычей геополитических конкурентов – Франции и России. Британия стремилась сохранить территориальную целостность Нигерии, используя тактику «объединяй и властвуй». Это предполагало лавирование между центральным правительством и Биафрой.

Британия поставляла Нигерии большую часть необходимого оружия (стрелковое оружие, бронетехника, зенитки, боеприпасы) – в стоимостном выражении в среднем 70 % за годы войны [20].

Чтобы не потерять влияние в Восточной Нигерии британцы использовали мягкую силу – посредничество в миротворческом процессе. Британская дипломатия постоянно вела переговоры с враждовавшими сторонами. Она добивалась прекращения огня без предварительных условий, заморозки конфликта, снятия экономической блокады с Биафры и переговоров с ней об условиях широкой автономии в рамках аморфной конфедерации. Через правительственные каналы и Секретариат Британского Содружества Британии удалось организовать прямые переговоры между представителями федерального правительства и Биафры в Кампале в мае 1968 г., которые закончились безрезультатно [6, р. 142–180, 263–267, 297–307].

Британские власти прибегли к мягкой силе и для нейтрализации лобби Биафры внутри страны. Ее сторонники создали шесть общественных организаций, которые издавали статьи и памфлеты о гуманитарной катастрофе в Биафре [21], собирали средства для помощи игбо, организовывали публичные акции протеста против поставок оружия правительству Говона. Доходило до забастовок. В январе 1969 г. докеры британского города Мидлсбро отказались грузить оружие на судно, отправлявшееся в Лагос, и администрации порта пришлось нанимать штрейкбрехеров [22, р. 151–152].

В парламенте звучали призывы не вооружать режим Говона, не участвовать в «массовой бойне» и «уничтожении людей по национальному признаку», хотя термин «геноцид» не употреблялся. Прекратить поставки оружия Нигерии требовали ведущие газеты, религиозные лидеры, в частности, архиепископ Вестминстерский и Кентерберийский, многие популярные в обществе фигуры [23, р. 143]. Так, Джон Леннон вернул королеве свой орден Британской империи, в том числе и в знак солидарности с Биафрой [24].

Британские власти убедили Говона принять наблюдателей из ООН, Организации африканского единства (ОАЕ), Великобритании, Канады, Польши и Швеции. Группа начала работу в Нигерии в конце сентября 1968 г. и до конца войны периодически выпускала отчеты о посещениях линии фронта, лагерей перемещенных лиц и военнопленных, населенных пунктов, отвоеванных федеральными войсками. В каждом отчете повторялась одна и та же фраза: «Нет свидетельств о намерении федеральных войск уничтожить игбо, либо их имущество, использование термина геноцид ни в коей мере не оправдано» [23, р. 147].

Выводы наблюдателей стали действенным аргументом для британского правительства в полемике с теми, кто требовал отказаться от поддержки режима Говона. Доклады группы изменили ситуацию и на международном информационном поле, аудитория стала критически воспринимать утверждения пропаганды Оджукву о преднамеренном геноциде игбо, эта тема стала исчезать из СМИ. Так мягкая сила была нейтрализована противодействием другой мягкой силы.

В числе выгодоприобретателей оказался и СССР. Он тоже поставил правительству Говона оружие, и обвинения в соучастии в геноциде, которого, как выяснилось, не было, теперь выглядели необоснованными. Получилось, что Британия, решая собственные пропагандистские задачи, невольно помогла своему заклтому геополитическому противнику России. Такое, видимо, произошло единственный раз за всю историю холодной войны.

Франция. Отделение Биафры отвечало французским геополитическим интересам. Президент де Голль рассматривал Нигерию как важный фронт противостояния с англосаксами, считал гражданскую войну хорошим шансом подорвать позиции Великобритании в Африке. Мощная и единая Нигерия была способна стать гегемоном Западной Африки, отодвинув на обочину франкоязычные государства региона, с которыми Франция сохранила тесные связи [25, р. 160].

Франция много сделала для поддержки Биафры. В октябре 1967 г. начались поставки туда оружия и боеприпасов морским и воздушным путем через территорию БСК и Габона. По данным ЦРУ, в 1966–1969 гг. Франция поставила в Биафру оружия и военного снаряжения на 30 млн долларов [26]. Она стала крупнейшим получателем французской военной помощи в этот период.

Французская Служба внешней документации и контрразведки (СВДК) вербовала наемников для армии Биафры из европейских и африканских стран. Французские спецслужбы курировали подготовку авиационных ударов, которые Биафра нанесла по объектам инфраструктуры и аэродромам ВВС Нигерии в мае 1969 г., использовав легкие одномоторные самолеты под командованием шведского графа фон Розена, знаменитого воздушного аса и искателя приключений [27, р. 136].

Франция преуспела в использовании мягкой силы против федерального правительства Нигерии. Ее СМИ разгоняли тему геноцида против игбо, изображения истощенных детей заполнили страницы

газет и телеэкраны. В этой пропагандистской кампании напрямую участвовала СВДК. Ее сотрудники проинструктировали СМИ использовать термин «геноцид» для характеристики действий федералов в отношении игбо, ведомство проплатило вброс этого термина в международное информационное пространство через подконтрольных журналистов [24, p. 165-166].

После отставки де Голля в апреле 1969 г. военная помощь Биафре значительно сократилась; его преемник Жорж Помпиду считал, что нигерийский конфликт должен быть урегулирован путем переговоров.

Нейтралитет США не означал их отстраненность от конфликта. Открыто поддерживать одну из сторон означало вторгнуться в сферу интересов Великобритании своего главного геополитического союзника. «Нашей базовой позицией, – говорилось в телеграмме госсекретаря Дина Раска, направленной в американские посольства в Африке и Европе в день провозглашения Биафры, – остается посыл, что проблема Нигерии – это прежде всего дело нигерийцев, Африки и Британского Содружества» [28, p. 657]. США действовали вместе с британцами, но как бы вторым номером.

Поначалу американский нейтралитет был с явным креном в сторону Биафры. В июне 1967 г. США отказали правительству Говона в просьбе о поставках оружия. Биафре американцы явно благоволили. Посольство США в Нигерии помогло эвакуировать игбо из Лагоса в Восточную область и «перебросило часть из них через Гану в США». Американское консульство в Энугу переправляло по назначению корреспонденцию Биафры, его дипломатический багаж «нередко использовался для снабжения Оджукву деньгами и даже некоторыми видами легкого оружия» [29].

После первой советско-нигерийской оружейной сделки появилась вероятность «открытого выступления США на стороне “Биафры”». Однако, в частности, боязнь “второго Вьетнама”, домашние трудности, особенно в год президентских выборов, удержали американцев от этого шага» [30]. 21 августа Госдепартамент официально выразил «сожаление» в связи с покупкой Нигерией оружия у СССР [28].

США не остались в стороне от вооружения Биафры. При посредничестве американского посольства в Нигерии эмиссары Оджукву заключили с Португалией соглашение «об использовании самолетов сепаратистов аэропорта на острове Сан-Томе для веде-

ния войны с федеральным правительством и подготовки наемников для вооруженных сил «Биафры»» [31]. Воздушный мост Лиссабон – остров Сан-Томе – Восточная Нигерия обслуживали четыре транспортных самолета, три из которых принадлежали проживавшему в Португалии американскому гражданину польского происхождения Хэнку Уортону, связанному с ЦРУ [32, р. 53–58].

Под влиянием нараставших антиамериканских настроений среди нигерийцев американские официальные лица США признали, что необходимым условием достижения мира в Нигерии является сохранение ее территориальной целостности. При этом администрация никак не препятствовала информационной войне, которую вела против федерального правительства часть американской прессы, общественная организация «Американский комитет за сохранение жизни биафранцев» (American Committee to Keep Biafra Alive) и свободно действовавшее в Нью-Йорке Информационное бюро Биафры [33]. США предоставили Нигерии крупную безвозмездную помощь и пообещали существенные инвестиции, действуя в свойственном им стиле: воевать чужими руками, проблемы заливать деньгами.

Гражданская война в Нигерии оказалась единственным международным кризисом времен холодной войны, участники которого руководствовались не блоковой солидарностью, а собственными геополитическими императивами и национальными интересами. Много указывает на то, что грядущие кризисы вполне возможно будут разворачиваться в сходном формате.

Примечания

1. Этингер Я. Я. Нигерийский кризис 1967–1970 годов // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 133–147.
2. Červenka Z. The Nigerian War. History of the War. Selected Bibliography and Documents. Frankfurt am Main: Bernard & Graefe Verlag für Wehrwesen, 1971. 459 p.
3. Jorre J. de St. The Brothers' War. Biafra and Nigeria. Boston: Houghton Mifflin Company, 1972. 437 p.
4. Červenka Z. The Unfinished Quest for Unity. Africa and the OAU. London: Julian Friedmann Publishers Ltd, 1977. 271 p.
5. Cronje S. The World and Nigeria: A Diplomatic History of the Biafran Civil War. London: Oxford University Press, 1977. 409 p.
6. Stremmler J. The International Politics of the Nigerian Civil War, 1967–1970. Princeton, 1977. 448 p.

7. Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria-Biafra War, 1967–1970 / ed. by A. D. Moses, L. Heerten. N.-Y., L.: Routledge, 2017. 477 p.

8. Мазов С. В. Миротворческая роль Организации африканского единства во время гражданской войны в Нигерии в 1967–1970 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. No 2. С. 372–392. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-372-392> (дата обращения: 20.09.25)

9. Aye B., Mayer A. The Labour Movement, Marxism, Northern Leftists, Feminist Socialism and Student Rebels in Nigeria, 1963–1968 // Bianchini P., Sylla N. S., Zelig L. (Eds.). Revolutionary Movements in Africa. An Untold Story. Pluto Press in association with CODESRIA: Dakar, 2024. URL: <https://www.plutobooks.com/wp-content/uploads/2024/01/9780745347899.pdf> (accessed: 21.09.2025)

10. АВП РФ. Ф. 047. Д. 49. П. 193. Л. 112. И. о. директора Института Африки АН СССР Г.Б. Старушенко – Заместителю министра иностранных дел СССР Я.А. Малику. Аналитическая справка «Африка после переворотов». 8 сентября 1966 г.

11. Мазов С. В. Архивные документы о советско-нигерийских отношениях в начале гражданской войны в Нигерии, 1967 г. // Мы и Африка. К 50-летию Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН / отв. ред. А. Б. Давидсон. М., 2021. С. 102–121.

12. Мазов С. В. Военная помощь СССР федеральному правительству во время гражданской войны в Нигерии (1967–1970) // Новая и новейшая история. 2023. № 4. С. 167-188.

13. Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 – начало 1970-х / под редакцией А. С. Балезина, А. В. Воеводского, А. Б. Давидсона, С. В. Мазова. М., 2021. 1006 с.

14. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Л. 141. Зам. зав. Отделом информации ЦК КПСС П. Решетов – ЦК КПСС. 31 августа 1967 г. Зав. Бюро АПН в Нигерии Е. Коршунов «О положении в Нигерии».

15. АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 126–127, 132. Г. Гребцов «Позиция африканских стран в отношении нигерийского кризиса. (Справка)». 25 июля 1968 г.

16. Пиляцкий Б. Африканский узел // Известия. 10.06.1968.

17. АВП РФ. Ф. 0579. П. 14. Д. 7. Л. 174. Атташе посольства СССР в Нигерии В. Кушпель «О позиции азиатских стран в нигерийском кризисе. (Справка)». 17 июля 1969 г.

18. АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 7. Л. 39–40. Л. Пожидаев – Л. Ф. Ильичеву. 3 октября 1968 г.

19. Кудрявцев В. Экзамен на зрелость Африки // Известия 10.10.1968.
20. Ojo O.J.B. Nigerian-Soviet Relations: Retrospect and Prospect // African Studies Review. 1976. Vol. 19 (3). URL: <https://doi.org/10.2307/523874> (accessed: 19.01.2022).
21. Waugh A., Cronjé S. Biafra: Britain's Shame. L.: Michael Joseph, 1969. 118 p.
22. Luepke A-K. "The Other Side" of the Nigeria-Biafra War: A Transnational History. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Bangor University, November 2017. 214 p.
23. Smith K. The UK and "Genocide" in Biafra // Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria-Biafra War, 1967–1970 / ed. by A. D. Moses, L. Heerten. N.-Y., L.: Routledge, 2017. P. 95–112.
24. John Lennon returns his MBE in protest at British foreign affairs – archive, 1969. 26.11.2019 // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/music/2019/nov/26/john-lennon-protests-and-returns-mbe-biafra-1969> (assessed: 17.03.2025).
25. Griffin Ch. France and the Nigerian Civil War, 1967–1970 // Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria-Biafra War, 1967–1970 / ed. by A. D. Moses, L. Heerten. N.-Y., L.: Routledge, 2017. P. 156–176.
26. Intelligence Memorandum "French Arms Exports To Less Developed Countries, 1966-69" // CIADirectorate of Intelligence. June 1970. P. 2. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875001600030068-4.pdf> (accessed: 19.03.2021).
27. Venter Al. Biafra's War 1967–1970. A Tribal Conflict in Nigeria That Left a Million Dead. Solihull (UK): Helion and Comhany, 2016. 629 p.
28. Circular Telegram From the Department of State to Certain Posts, May 30, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XXIV, Africa, N. Howland (ed.), Washington, D.C., Government Printing Office, 1999, document 386.
29. АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 168–170. А. Степанюк «США и нигерийский кризис. Справка». 26 марта 1968 г.
30. АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. Д. 10. Л. 151–152. Второй секретарь посольства СССР в США В. Быков. «О политике США в Нигерии на современном этапе. (Справка)». 9 августа 1968 г.
31. АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. Д. 10. Л. 191. Г. Цыганкова «Политика США в отношении Нигерии. (Справка)». 16 января 1968 г.
32. Draper M. Shadows: Airlift and Airwar in Biafra and Nigeria 1967–1970. Aldershot: Hikoki Publications, 1999. 288 p.
33. McNeil B. "And Starvation Is the Grim Reaper". The American Committee to Keep Biafra Alive and the Genocide Question During the Nigerian Civil War, 1968-1970 // Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria-Biafra War, 1967–1970. Op.cit. P. 278–300.

А. В. Мильто

Проблема реституции культурных ценностей и феномен деколонизации музеев

Аннотация. Реституция, определяемая как акт возвращения произведений искусства или других артефактов, привлекает большое внимание в последние годы в качестве способа конструирования отношений между Африкой и Европой. В статье рассмотрены проблемы, связанные с феноменом реституции культурных ценностей, собранных европейскими музеями в колониальный период. Проанализированы преимущества и недостатки данного процесса, уделено внимание оценке альтернативных способов восстановления исторической справедливости для угнетенного населения бывших колоний.

Ключевые слова: реституция, возвращение, культурные ценности, музеев, искусство, деколонизация, артефакт.

A. V. Milto

The Problem of Restitution of Cultural Values and the Phenomenon of Decolonization of Museums

Abstract. Restitution, defined as the act of returning works of art or other artifacts, has attracted much attention in recent years as a way of constructing relations between Africa and Europe. This article examines the problems associated with the phenomenon of restitution of cultural property collected by European museums during the colonial period. The advantages and disadvantages of this process are analyzed, and attention is paid to assessing alternative ways of restoring historical justice for the oppressed populations of former colonies.

Keywords: restitution, return, cultural property, museum, art, decolonization, artifact.

Реституция культурных ценностей, вывезенных из стран Африки южнее Сахары в Европу в колониальную эпоху, является предметом многочисленных дебатов в академической среде и на между-

народной арены. Произведения, составляющие культурное наследие различных народов, находятся в европейских музеях, архивах, галереях. Среди них предметы культа: статуи богов, ритуальные маски, двери, троны и скипетры; находки, обнаруженные европейцами в ходе археологических раскопок, предметы быта, украшения и т. д. Эксперты озвучивают разные цифры, проанализировав которые можно сделать вывод, что 80–90 % произведений искусства Африки находятся вне пределов континента [1, р. 3].

С момента обретения независимости бывшие колонии пытались предъявлять метрополиям требования о возвращении артефактов. Основная причина их претензий заключается в том, что вывоз многих ценностей происходил в условиях неравенства сил между колонизаторами и колонизированными и часто сопровождался насилием, нарушением прав коренных народов. Некоторые экспонаты имеют духовное и символическое значение, их присутствие в музеях воспринимается как оскорбление и нарушение традиционных культурных норм.

Требования африканцев наглядно продемонстрировал нигерийский художник Джелили Атику, который в мае 2018 г. представил необычный перформанс в вестибюле Музея Аквитании в Бордо. Одетый как бронзовый воин, со связанными конечностями, он изображал отчаяние экспоната, запертого в музее. «Я хочу домой», – кричал он. «Бенин. Эдо <...> Заберите меня домой!» [2]. Выступление инсценировало давние попытки Нигерии вернуть бенинские бронзы – собрание из нескольких тысяч ценных предметов, вывезенных британцами из Бенина в 1897 г. Сегодня они разбросаны более чем по ста коллекциям, большая их часть хранится в Британском музее.

Долгое время запросы о реституции не находили положительного отклика. Европейские государства ссылались на правовые препятствия, мешающие осуществить подобного рода операции. Требования о возврате ценностей отклонялись на том основании, что нет возможности определить их первоначальных владельцев. Музеи, хранящие коллекции, опасались создания тревожного для них прецедента. Подчеркивалось, что предметы искусства помогают многочисленным посетителям музеев лучше понимать быт и культуру тех цивилизаций, что их создали. Принимая во внимание данный аргумент, возврат произведений искусства означал бы потерю мощного инструмента, способствующего восприятию разнообразия мировой культуры. Другие

оправдания включали опасения, что с возвращенными артефактами не будут обращаться должным образом после реституции.

Ситуация изменилась в последнее десятилетие. Актуализация постколониальных исследований, рост борьбы с расизмом, цифровой активизм молодого поколения способствовали пересмотру оценки колониального периода в общественном сознании [3, с. 7]. Изменение политической парадигмы обусловило пристальное внимание к вопросу о реституции культурных ценностей. На первый план выдвинулась идея возмещения эпистемологической несправедливости, с которой столкнулись угнетенные представители бывших колоний в результате изъятия у них произведений искусства.

Способом искупления прошлых и настоящих несправедливостей выступает возмещение ущерба, включающее процессы реституции ценностей, компенсации и принесения извинений со стороны европейских держав. В стремлении восстановить справедливость африканские страны призывают музеи мира, где хранятся произведения искусства из Африки, вернуть их на историческую родину. Такой подход позволяет рассматривать реституцию как средство исправления исторических ошибок и содействия примирению между нациями и культурами.

В ноябре 2017 г. президент Франции Эммануэль Макрон во время выступления в столице Буркина-Фасо высказался о необходимости возвращения африканского искусства на историческую родину. В своей речи он подчеркнул, что «наследие Африки не должно быть узником европейских музеев», пообещав создать условия для его «освобождения» [4, р. 54].

Речь Э. Макрона была произнесена неслучайно. За год до его выступления Патрис Талон, президент Республики Бенин, подал крупный иск о военных трофеях к французским музеям, и Э. Макрон опирался на его работу [4, р. 55]. Еще раньше в 2010 г. дискуссионная группа Бенина, включившая представителей Нигерии, монархии Бенина и некоторых крупных музеев Европы, начала обсуждать будущее обширных коллекций бенинских предметов в Европе. Таким образом, активная фаза действий по вопросу о реституции началась раньше.

За речью Макрона последовал резонансный «Доклад о реституции культурного наследия Африки. К новой этике отношений», опубликованный в 2018 г. профессором, специалистом по истории ис-

куства Бенедикт Савуа (Коллеж де Франс, Франция) и экономистом Фелвином Сарром (Университет Гастона Берже, Сенегал) [1]. Доклад посвящен вопросу возвращения Францией предметов искусства ее бывшим колониям. Авторы предположили, что реституция должна стать частью реконфигурации отношений между Африкой и Европой. Такой подход требует не только признания несправедливости, связанной с политикой колониализма, но и понимания того, как может происходить реституция.

Указывая на необходимость продолжать работу в архивах и фондах музеев, авторы предложили три варианта в зависимости от обстоятельств, при которых предметы вошли в состав музейных коллекций. Первый вариант предполагает быструю реституцию для предметов, приобретенных насильственным путем и на несправедливых условиях. Второй вариант предусматривает внимательное изучение происхождения экспонатов, ставших частью музейных коллекций после 1960 г. или полученных в дар, если есть подозрение, что они покинули континент до 1960 г. И, наконец, третий вариант, допускает хранение объектов культурного наследия в европейских музеях, если они были приобретены:

- в результате свободного, справедливого и документально оформленного соглашения;
- без рисков, связанных с действием Парижской конвенции ЮНЕСКО 1970 г. [1, р. 61–62].

Доклад породил бурную дискуссию в профессиональном сообществе, выявившую немало слабых сторон в его содержании. Было сделано заключение о практически полном невнимании авторов доклада к тому, как работает музей и что изменится в его работе и судьбе самих музейных предметов в результате принятия предложенных сценариев. Выяснилось, что во многих музеях нет надежных документальных сведений о том, как предметы искусства достались тому или иному владельцу. Физическая сохранность предметов, их доступность для изучения, возможности и условия показа также вызывают озабоченность музеев. Они опасаются, что после реституции уникальные предметы окажутся в худших условиях по сравнению с теми, в которых находятся в настоящее время. Причиной тому – общая нестабильная обстановка на континенте, разный уровень подготовки кадров, бедность и, как следствие, угроза сохранности предметов.

Доклад способствовал появлению программ, в рамках которых осуществляется анализ происхождения предметов искусства, вывезенных с африканского континента. В таких исследованиях инициатива принадлежит европейским экспертам и институтам, что также зачастую вызывает недовольство ученых из Африки, которые акцентируют внимание на неизбежном преимуществе Глобального Севера перед Глобальным Югом. Подчеркивая второстепенное положение специалистов из Африки, Джимсон Санга, антрополог из Музея Иринга Бома в Танзании, на семинаре в Марбурге (Германия) отметил: «Сейчас наши изыскания являются продолжением или придатком северных программ, в то время как мы хотим развивать собственное исследовательское сообщество, которое расскажет нашу собственную историю о коллективной памяти, родстве и идентичности. Мы должны сделать это самостоятельно, отдельно от Севера. И да, иногда нам нужны останки предков и старинное оружие, которые сейчас находятся в Европе. Танзания в этом не уникальна. Другие бывшие колонии также хотят самостоятельно решать, какие коллекции исследовать <...> и кто будет проводить исследования. Они хотят создать собственное исследовательское сообщество <...> Другой аргумент в пользу смены парадигмы заключается в том, что если европейские страны признают, что многие предметы из бывших колоний имеют сомнительное происхождение, или что бывшие колонии, безусловно, с моральной точки зрения, имеют на них больше прав <...> [мы] должны взять на себя инициативу по их изучению. Речь идет о предметах, которые монархи, семьи или народы все еще используют в своих церемониях или ритуалах, предметах, которые можно возродить в их прежней функции. Есть и третий аргумент в пользу смены парадигмы. В современных программах исследования происхождения слишком часто центральным вопросом становится вопрос о том, был ли предмет украден или утерян непреднамеренно. Из-за сужения проблемы до “хорошо” и “плохо”, многие исследования рискуют превратиться <...> в расследование действий европейских преступников» [4, p. 57].

Стремление взять исследовательскую инициативу в свои руки способствует активизации деятельности представителей научного и культурного сообщества в африканских странах. В декабре 2018 г. в Дакаре (Сенегал) был открыт Музей африканских цивилизаций,

который стал важным звеном политики африканских стран, направленной на возвращение своего культурного наследия. Идея создания такого музея возникла в 1960-х гг., в разгар антиколониальной борьбы в Африке. Первый президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор еще в 1966 г. говорил о пространстве, в рамках которого Африка будет демонстрировать свою историю и искусство. Проект воплотился в жизнь спустя полвека [5]. Сегодня музей играет ключевую роль в международном диалоге о возвращении в Африку артефактов, вывезенных во времена колониального правления и ныне хранящихся и экспонируемых в иностранных учреждениях за пределами стран их происхождения. Своим существованием он демонстрирует, что Африка обладает развитой инфраструктурой для размещения и защиты вновь открытых сокровищ. Однако результаты не столь впечатляющи, как хотелось бы. Только один крупный экспонат официально поступил в коллекцию в результате реституции – меч Эль-Хадж Омара (Омара Саида Талля), лидера антиколониального сопротивления XIX в. Экспонат был возвращен в 2019 г. на пятилетний срок с возможностью его продления.

В 2020 г. нигерийцы сформировали независимый орган – Фонд восстановления наследия, предназначив ему роль посредника в переговорах с иностранными музеями. С тех пор Нигерия активно заключает соглашения о возвращении экспонатов из США, Германии, Ирландии, Великобритании и других стран, в том числе с Абердинским университетом (Шотландия), музеем Фаулера (Лос-Анджелес), национальным музеем Ирландии и Берлинским этнологическим музеем.

Переговоры с Британским музеем часто заходили в тупик. Британские власти, опираясь на законы 1963 г. о британских музеях и 1983 г. – о национальном наследии, придерживаются консервативных позиций и не готовы менять законодательство для облегчения реституции [6, с. 330].

Проблемы, лежащие в основе феномена реституции, многогранны: это не только вопрос возвращения объектов, но и признания, извинения и возмещения ущерба, нанесенного в период колониального прошлого. Основной этической дилеммой является вопрос оправданности возвращения культурных объектов. Африканцы, призывающие к деколонизации музейного пространства, напоминают, что систематическое разграбление не только лишило их материального насле-

дия, но и нанесло неизгладимые шрамы коллективной идентичности. Они апеллируют к смысловой наполненности объектов культурного наследия, теряющейся в бездушном пространстве выставок и экспозиций. Для них предметы искусства обладают сакральной силой и рассматриваются как живые существа, которые можно потрогать, понюхать и попробовать на вкус.

Утраты культурных ценностей невосполнимы и необратимы, а потери наследия неизбежно отражаются на жизни будущих поколений, приводят к духовному оскудению, разрывам исторической памяти, обеднению общества в целом. Накапливание и сохранение культурных ценностей – основа развития цивилизации.

Правовая сторона – еще одна сложность процесса реституции. Правовые инструменты не способны удовлетворить все заинтересованные стороны и обеспечить необходимый консенсус. Возникшие конфликты юридически неразрешимы, поскольку каждая из сторон придерживается тех правовых норм, которые соответствуют ее этическим принципам и национальным идеалам.

Существующие международные конвенции, регулирующие споры о реституции культурных ценностей, не могут служить правовой основой ввиду отсутствия у них обратной силы. Международные «мягкие» правовые нормы, такие как Вашингтонские принципы, Вильнюсская декларация и Рекомендации *Международного совета музеев (ИКОМ)* о возвращении произведений искусства, сыграли важную роль в разрешении споров о реституции произведений искусства, похищенных во время Второй мировой войны, и способствовали накоплению опыта в решении аналогичных проблем. Однако единых норм, обеспечивающих правовую основу для надлежащего урегулирования сложностей реституции колониальных культурных ценностей между заинтересованными странами, не существует. Вопросы реституции разных предметов уникальны, их решение часто субъективно, во многом зависит от воли и позиции причастных лиц. Важно отметить, что в актах реституции всегда фигурируют государственные деятели, министры или президенты, что подчеркивает политический характер процесса.

Описанные проблемы объясняют, почему процесс реституции идет так медленно. За последние 5 лет отдельные артефакты были изъяты из музейных витрин и отправлены на родину предков: Фран-

ция вернула 26 объектов Бенину, Германия отдала 20 объектов Нигерии и передала право собственности на более чем 1100 объектов, Бельгия передала каталог из 84 000 объектов Демократической Республике Конго и начала двусторонние переговоры об их будущем. Абердинский университет пообещал вернуть Нигерии старинную бронзовую скульптуру с изображением короля Бенина.

В феврале 2021 г. правительство Нидерландов заявило, что разработает регламент для возвращения на родину музейных объектов, вывезенных из бывших голландских колоний [7, р. 1396]. Еще ранее в марте 2019 г. Национальный музей мировых культур в Нидерландах опубликовал документ под названием «Возвращение культурных объектов: принципы и процесс», чтобы выразить общую миссию музея по решению продолжительных, сложных и запутанных событий, способствовавших формированию коллекций, хранящихся в музее [8]. Документ включает принципы, применяемые к объектам в музее, возвращаемым по запросу другой страны. Согласно его содержанию, безоговорочному возврату подлежат объекты, украденные из бывших голландских колоний. В 2023 г. музей вернул 478 объектов культурного значения Индонезии и 6 объектов Шри-Ланке по их просьбе. Ранее объекты были доставлены в Нидерланды в результате грабительских действий колониальных властей. Прописано, что предметы, вывезенные представителями другой страны, не будут автоматически возвращены, а компенсация будет рассматриваться индивидуально специальным комитетом, нацеленным на учет интересов всех заинтересованных сторон. Такое условие может привести к затягиванию решения о реституции.

Примеры возвращения культурных ценностей пока немногочисленны. 26 бенинских артефактов, переданных Францией, представляют собой лишь ничтожную долю от порядка 90 % предметов африканского искусства, вывезенных с континента с начала колонизации. Фактически, в музее на набережной Бранли во Франции хранится более 70000 экспонатов только из стран Африки южнее Сахары [9].

Решение правительства Нигерии в мае 2023 г. передать возвращенные бронзовые изделия в собственность оба Бенина (правителья) Эвуаре II, вызвало неоднозначную реакцию заинтересованного сообщества. Одни, опасаясь за дальнейшую судьбу произведений искусства, посчитали такое намерение фиаско. Другие, наоборот,

полагают, что данный шаг облегчит транспортицию бронз в штат Эдо. Ожидается, что репатриированные объекты будут выставлены в Музее западноафриканского искусства Эдо в Бенин-Сити, который откроется в 2026 г.

Новый подход к реституции колониальных культурных ценностей внес значительный вклад в международный дискурс о необходимости и возможностях осуществления данной процедуры. Однако недостаточно полагаться только на взаимные действия стран – участников процесса реституции. Пока отлаженные механизмы не выработаны, некоторые учреждения культуры ищут альтернативные способы восстановления исторической справедливости.

Компромиссным решением кажется выдача экспонатов на долговременное хранение бывшей колонии. Музеи организуют визиты для представителей бывших колоний, чтобы те могли хотя бы временно воссоединиться со священными для их предков объектами. Такие полумеры часто вызывают недовольство с обеих сторон: музеи больше не распоряжаются своими богатствами, а запрос на возвращение экспонатов фактически остается неудовлетворенным.

Еще один альтернативный вариант – компенсаторная реституция – реституция по схожему типу, субституция – как восполнение ущерба, нанесенного национальному достоянию стран в результате действий колонизаторов. На компенсацию часто не согласны обе стороны, тем более что определение стоимости предмета искусства – вопрос сложный и противоречивый.

Реституция культурных ценностей – процесс неоднозначный и многогранный. Она сопровождается как положительными эффектами, так и негативными. Среди первых необходимо отметить:

- Поддержание культурной идентичности. Возвращение предметов искусства в их историческое окружение способствует сохранению национальной культуры и идентичности культурных групп.

- Преодоление исторической неправды. Реституция помогает исправить исторические несправедливости, связанные с незаконной конфискацией и переносом артефактов в другие страны или учреждения.

- Социальное сближение. Возвращение культурных ценностей позволяет укрепить связи между различными культурными группами, способствуя диалогу и взаимопониманию.

– Развитие туризма и экономического потенциала. Реституция ведет к совершенствованию туристической инфраструктуры и привлечению большего числа туристов, что, в свою очередь, будет содействовать развитию экономики.

Среди негативных эффектов реституции выделяются:

– Сложность определения владения. В процессе возвращения многовековых культурных ценностей могут возникать проблемы с определением национальной принадлежности и исторического права владения.

– Финансовая нагрузка на государство. Реституция может быть связана с высокими расходами на подготовку и перевозку экспонатов, что может создать финансовую нагрузку на государство, особенно в случаях массовой реституции.

– Возможность злоупотреблений. Процесс реституции может открыть путь для злоупотреблений, подделок и случаев мошенничества, особенно при недостаточно строгих международных правилах для возвращения и охраны артефактов.

Реституция культурных ценностей, незаконно вывезенных в период колониального господства, – важная проблема, оставленная историей. Она все чаще рассматривается как часть гораздо более широкого процесса деколонизации, представляющего собой перестройку отношений между странами и народами Глобального Севера и Глобального Юга с целью сокращения неравенства. Задача реституции – не только решить моральную дилемму о принадлежности культурных ценностей, но и признать болезненное прошлое и исправить его (хотя бы частично) в стремлении сохранить влияние Европы в Африке.

Реституция требует рационального осмысления исторической несправедливости и влияет на политические отношения и долгосрочное развитие связей между заинтересованными странами. На сегодняшний день универсального решения вопросов о принадлежности вывезенных коллекций нет, что способствует появлению оригинальных проектов (среди них, например, идея о со-кураторстве), старающихся учитывать тонкости процессов культурной реституции и их последствия. Важнейшим международным организациям, таким как ЮНЕСКО или ИКОМ, еще предстоит принять декларации, рекомендации или принципы, а правительствам заинтересованных стран или

международным организациям создать специальные международные конференции для выработки единого механизма реституции колониальных культурных ценностей с тем, чтобы обеспечить правовую основу для надлежащего урегулирования вопроса.

Примечания

1. Sarr F., Savoy B. The Restitution of African Cultural Heritage. Toward a New Relational Ethics. Translated by Drew S. Burk Paris: Ministère de la Culture, 2018. 197 p.

2. Lucas J. The Forgotten Movement to Reclaim Africa's Stolen Art. A new book explores the first campaign to decolonize Europe's museums-and exposes the conspiracy that smothered it // The New Yorker. 2022. 14 April. URL: <https://www.newyorker.com/books/under-review/the-forgotten-movement-to-reclaim-africas-stolen-art> (accessed: 15.08.2025).

3. Гавристова Т. М., Мильто А. В., Хохолькова Н. Е. Современная история Африки (опыт классификации источников) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, № 8 (94). С. 7.

4. Beurden J. van. Colonial collections, restitution and issues of inequality // ICOFOM Study Series, 2024. 03 July. P. 53–62.

5. Kuwonu F. Africa's landmark museum at the heart of global discussion about restitution Senegal's Museum of Black Civilizations is asserting Africa's right to secure its cultural heritage and tell its own story // United Nations. 2025. 21 August. URL: <https://africarenewal.un.org/en/magazine/reclaiming-stolen-artefacts-africas-landmark-museum-heart-global-discussion-about> (accessed: 16.08.2025).

6. Чебаненко С. Б. Проблема возвращения и реституции предметов африканского искусства, вывезенных из Бенина в результате британской военной экспедиции 1897 г.: практика и правовые аспекты // Вопросы музеологии. 2020. №2. С. 319–335.

7. Murphy S. A. Restitution and repatriation as an opportunity, not a loss: some reflections on recent Southeast Asian cases // Antiquity. 2024. № 98(401). P.1395-1405.

8. Return of Cultural Objects: Principles and Process // Nationaal Museum van Wereldculturen. 2019. URL: <https://www.volkenkunde.nl/sites/default/files/2019-05/Claims%20for%20Return%20of%20Cultural%20Objects%20NMVW%20Principles%20and%20Process.pdf> (accessed: 21.08.2025).

9. Nayeri F. Museums in France Should Return African Treasures, Report Says // The New York Times. 2018. 21 November. URL: <https://www.nytimes.com/2018/11/21/arts/design/france-museums-africa-savoy-sarr-report.html> (accessed: 11.08.2025).

А. М. Мойсинович

**Колониализм в Африке на страницах
французских сатирических журналов
начала XX века**

Аннотация. Статья посвящена отражению колониальной политики Франции в Африке во французских сатирических журналах начала XX века, в частности на страницах «L'Assiette au Beurre». В статье рассматривается, как карикатуры и сатирические тексты высмеивали алчность колониальных администраций, лицемерие «цивилизаторской миссии» и жестокость военных кампаний, формируя общественное мнение и показывая разрыв между официальной риторикой и реальностью колониализма. Анализируются конкретные примеры иллюстраций и тематических выпусков, посвящённых колониальным скандалам, борьбе за передел Африки и судьбе порабощенного населения.

Ключевые слова: колониализм, Франция, журналы, художники, сатира, карикатура.

A. M. Moysinovich

**Colonialism in Africa in the Pages
of French Satirical Magazines
of the Early 20th Century**

Abstract. The article is devoted to the reflection of the colonial policy of France in Africa on the pages of French satirical magazines of the early 20th century, in particular «L'Assiette au Beurre». It examines how caricatures and satirical texts criticized the greed of the colonial administration, the hypocrisy of the «civilizing mission» and the cruelty of military campaigns, shaping public opinion and showing the gap between the official rhetoric and the reality of colonialism. Specific examples of illustrations and thematic issues devoted to colonial scandals, the struggle for the redivision of Africa and the fate of the enslaved population are analyzed.

Keywords: colonialism, France, magazines, artists, satire, caricature.

Франция рубежа XIX–XX вв., периода «Прекрасной эпохи», отмечена экономическим подъемом, техническими достижениями и расцветом культуры, когда активно развивалось издательское дело, а вместе с ним и сатирико-юмористические журналы, например, такие как «*Le Rire*» и «*L'Assiette au Beurre*». Последнее издание использовало карикатуры для отражения актуальных событий, включая взаимоотношения Французской республики с колониями.

В рассматриваемый период Франция активно расширяла и укрепляла свои колониальные владения в Западной и Экваториальной Африке и Азии. Их общая площадь составляла 10,6 млн кв. км, на их территории проживало более 59 млн человек. Франция уступала только Великобритании, которая владела 27,6 млн кв. км угодий с населением 340 млн человек. Колонии были не только источником экономических выгод, но и символом величия Третьей республики. Однако за красивым фасадом скрывалась жестокая эксплуатация местного населения, вызывавшая сопротивление колонизированных народов.

Колониальная политика страны, направленная на освоение ресурсов и распространение «цивилизаторской миссии», стала одной из частых тем не только общественного дискурса, демонстрировавшего неравное отношение между колониями и метрополией, но и сатирических журналов, где их взаимоотношения часто представляли в гротескном виде, а европеец гордо нес «цивилизацию» в дикий и неразвитый мир.

Сатирические журналы, в частности «*L'Assiette au Beurre*», играли значительную роль в формировании общественного мнения во Франции и Европе. Особый интерес представляют тематические выпуски, посвящённые колониальной политике: «Колонизируем!» [1], «Марокко» [2], «Палачи чернокожих» [3], «Альхесирас» [4], «Давайте цивилизуем Марокко» [5] и др.

Художники Ж.-Ф. Гранжуан, А.-Л. Виллетт, А. Деланнуа, Б. Ноден, Ж. д'Остойя, Л. да Камара, так или иначе, обращались к теме колониальной экспансии. В своих работах они раскрывали её через призму международных отношений и социально-экономических и национальных противоречий. В их остросоциальных иллюстрациях нашли отражение массовое истребление коренного населения, громкие колониальные скандалы, борьба мировых держав за передел Африки, что не осталось незамеченным французским обществом,

один из представителей которого напишет в 1903 г., что «история наших колоний <...> – это сплошная боль, безграничная жестокость и невыразимая мерзость» [1, р. 10].

Карикатуры и сатирические тексты становились инструментом критики колониальной политики, высмеивая алчность колониальной администрации, лицемерие «цивилизаторской миссии» и жестокость военных кампаний. Франция, позиционировавшая себя как носительница прогресса, культуры и просвещения, призванная «поднять» отсталые народы до уровня европейской цивилизации, оказывалась в роли агрессора, чья миссия в конечном итоге часто оборачивалась насилием, культурным подавлением и экономической эксплуатацией. Например, в карикатурах часто изображались французские чиновники, которые, декларируя благие намерения, на деле эксплуатировали местное население, издевались над ним, уничтожали его. Такие образы подчёркивали разрыв между риторикой и реальностью колониализма. На обложке одного из номеров журнала была представлена «родина-мать» Франция в виде упитанного военного со свирепым выражением лица. В одной руке мужчина держал саблю наготове, а в другой – гроздь цепей, сковавших шеи стоящих на коленях представителей колоний Сенегала, Мартиники, Дагомеи, буквально бьющихся в предсмертной агонии под гнетом метрополии [1, р. 1].

Чтобы завершить картину приведем слова французского публициста Леона Блуа, написавшего в «Предисловии» к журналу, что «положение нецивилизованных туземцев во всех завоеванных странах представляет собой самую низкую степень человеческого страдания, какую только можно увидеть на земле. Это строгий образ Ада, насколько вообще возможно представить себе эту империю Отчаяния» [1, р. 2].

Художники «*L'Assiette au Beurre*» достаточно часто обращали внимание на судьбы поработанного населения, визуализируя культурные и социальные изменения, вызванные колонизацией. Ж.-Ф. Гранжуан, основной художник тематического номера «Колонизируем!», показал практически весь спектр пагубных последствий колонизации.

В журнале можно увидеть разрушительное действие распространения алкоголя в колониях. На одном из рисунков изображен мертвецки пьяный чернокожий, лежащий навзничь и крепко сжимающий в руке бутылку [1, р. 13]. На другом, представлена сцена сексуального насилия, где матрос сжимает в своих объятиях сопро-

тивляющуюся негритянку, неся с собой не «цивилизацию», а «сифилизацию» [1, р. 10]. Венерические заболевания стали еще одним «подарком» метрополии, который европейцы преподнесли коренному населению Африки. Помимо того, показаны принудительный труд, обогащение колониальных властей, вербовка солдат из местного населения и ложное обещание французского гражданства, бесплодный труд нищих переселенцев и др.

Представляя колониальную эмиграцию, Ж.-Ф. Гранжуан, разбив рассказ на два рисунка, в первом показал политика, который активно агитирует за отъезд в колонии бедной семьи, проговаривая, что «там нет ни приставов, ни сержантов, а абсент по су за один стакан!». А во втором, по прибытии худого переселенца в конечный пункт назначения, местный чиновник, за спиной которого стоят солдат, полицейский и буржуа, приветствуя его, с гордостью демонстрируя на груди человеческих костей, как бы предсказывая будущие «счастливые» перспективы несчастного колониста [1, р. 4–5].

Венцом номера становится иллюстрация символической иерархии главных действующих лиц колонизации [1, р. 3]. Наверху, на носилках, толстый генерал-губернатор размахивает французским флагом; чуть ниже находятся чиновник и военный. Их с трудом несут согбенные под тяжестью ноши истощенные нищий и чернокожий в набедренной повязке. Каскадное расположение персонажей указывает на подчинение политической и военной власти метрополии. Более того, для Ж.-Ф. Гранжуана коренные народы и беднейшие слои колоний предстают настоящими жертвами системы.

В 1905 г. во Франции разразился скандал, после того как стало известно, что два колониальных чиновника были обвинены в произвольных казнях нескольких коренных жителей. Одна из казней была осуществлена с помощью динамитного патрона в Форт-Крампене (территория современной Центральной Африканской Республики). Одним из чиновников звали Жорж Токе; другого – Фернан Год, они были известны своей жестокостью по отношению к коренному населению Французского Конго.

Суть дела заключалась в том, что в июле 1903 г. несколько местных жителей были заперты в зернохранилище, временно использовавшимся как тюремная камера. Одним из арестованных был проводник Папка, которого обвинили в измене. В день празднования Дня

взятия Бастилии двух заключенных отпустили, а Пакпу решили казнить, выбрав нетривиальный и садистский способ, привязав к нему динамитную шашку и взорвав его [6].

Дело стало достоянием общечеловечности в начале 1905 г. Было инициировано административное расследование во главе с Пьером Савоньяром де Бразза. В ходе следствия были вскрыты ужасающие подробности издевательств над местными жителями. Общественное негодование нашло отражение и на страницах тематического номера «Палачи чернокожих» [3], где на обложке был изображен «счастливый кэк-уок», так называемый негритянский танец: испуганные чернокожие бегут от стреляющих в них людей и подпрыгивают на углях своих сожженных хижин. На страницах журнала был представлен весь спектр «развлечений» колониальных чиновников: охота на безоружных людей, взрыв чернокожего человека с помощью динамитного заряда, изощренные физические наказания и глумление над коренным населением.

Столкновение интересов мировых держав в ходе решения марокканского вопроса стало в ряд важнейших событий начала XX в. В 1903 г. дипломатические игры европейских государств вокруг Марокко были в полном разгаре. Страна, формально независимая, но слабая и погружённая во внутренние конфликты, стала ареной борьбы между Францией, Германией, Великобританией и Испанией. В одном из номеров «*L'Assiette au Beurre*» это было довольно наглядно продемонстрировано. В иллюстрации «*Status quo*» Марокко представлено в виде зайца, которого державы буквально раздирают на части [2, р. 12]. Кроме того, в 1902 г. на северо-востоке страны началось восстание под предводительством Бу Хмары; его поддержали берберские племена, недовольные высокими налогами и слабой властью султана. В начале 1903 г. повстанцы взяли под контроль Уджду на границе с Алжиром, а в мае того же года султанская армия отбила город и устроила массовую расправу над пленными. 140 человек были обезглавлены; их головы выставлены на пиках в назидание другим мятежникам. Эти события нашли отражение в рисунках Ж. Редона «Отдел кожаных изделий» [2, р. 1] и Ж. Брюйе «Канун всеобщего мира» [2, р. 2].

В том же номере издания освещалось постоянное соперничество Франции, поддерживавшей султана Абд аль-Азиза и расширявшей свое влияние в Марокко, и Великобритании, стремившейся сохра-

нить в стране свои торговые интересы. Так, в одной из иллюстраций представители Англии пытаются не упустить шанс воспользоваться победой французов, помогающих султанским войскам и водрузить на освобожденной территории свой флаг [2, р. 5]. В другом – толстый Джон Буль (образ Англии) и худая Марианна (символ Франции) взвешиваются на весах. Толстяк, радостно ухмыляясь, говорит: «Ого! Я увеличился!»; женщина, грустно вздыхая, отмечает: «О боже! Я уменьшилась!» [2, р. 6]. Отметим, что пока шла борьба за первенство в Марокко европейских держав, коренные народы и восставшие племена, по мнению художника Ж.-Ф. Гранжуана, не рассматривали ее как благо. «Лучший способ выслать иностранцев» для них было перебить их – так можно было обрести уверенность в том, «что они не вернуться» [2, р. 5].

Из-за восстаний и слабости центральной власти европейские державы, особенно Франция, начали готовиться к более активному вмешательству, что в итоге привело в 1906 г. к Альхесирасской конференции. Конференция стала дипломатической битвой между великими державами за контроль над Марокко. Художники тематического номера «Альхесирас» [4] П. Ириб и Л. де Камара сделали довольно удачный акцент на перипетии переговоров, изложив их в виде небольших историй, с участием стран, их лидеров и ведущих дипломатов. В рисунках нашли отражение противоречия, сложившиеся вокруг степени влияния Франции, прав Германии и Испании, а также международного управления Марокко. На обложке журнала можно увидеть обнаженную деву, образ страны, с обступившими ее европейскими странами и хватающими ее за руки и талию. Вокруг страны явно шло бурное обсуждение, где главные действующие лица – Германия и Франция. Последней нужно было установить де-факто протекторат над Марокко, используя экономическое и военное доминирование, а первой – не допустить монополии Франции и сохранить «открытые двери» для немецкой торговли. Итогом конференции стал фактический контроль Франции над Марокко.

В тематическом номере «Давайте цивилизуем Марокко» [5] жертвой колонизаторской системы выступает и французский солдат. Художник Б. Ноден создает образ моряка, только что сраженного пулей. Тело мужчины занимает почти все пространство композиции. Художник сумел показать момент воздействия пули на тело солдата,

когда оно фактически застыло на мгновение перед своим падением вниз. Немногословность рисунка и драматизм наступления смерти усиливаются обвинением против финансовой жадности колонизаторов, которая приводит к гибели французских солдат. Рядом с надписью «Банк Марокко» приведена цитата из «Походной песни», смысл которой сводится к тому, что во имя республики «любой француз должен жить ради нее, / И за нее он должен умереть» [5, p.1].

В номере есть еще один рисунок, где показано как «Марокко становится цивилизованным» в ходе кровопролитных сражений и многочисленных жертв местного населения и переселенцев [5, p. 8].

Таким образом, французские сатирические журналы начала XX в., в частности «*L'Assiette au Beurre*», стали своеобразным зеркалом колониальной политики Франции в Африке. Они не только отражали ее внешние проявления, но и вскрывали внутренние противоречия и пороки. Иллюстрации и подписи к ним, отличались крайней остротой и бескомпромиссностью, разоблачали алчность колониальных чиновников, лицемерие «цивилизаторской миссии» и жестокость военных кампаний. Отражая колониальную действительность, художники журнала способствовали формированию критического взгляда на колониализм во французском обществе. Они показывали, что за громкими словами о прогрессе и просвещении скрывается эксплуатация, насилие и культурное подавление. Сатира становилась инструментом общественного осуждения колониальных преступлений, таких как массовые казни, принудительный труд и распространение болезней. Работы художников заставляли задуматься о цене, которую приходится платить коренным народам за «цивилизацию», и о моральной ответственности Франции за свои действия в колониях. Безусловно, сатирические журналы внесли значительный вклад в формирование антиколониального дискурса во Франции начала XX века.

Примечания

1. Colonisons // *L'Assiette au Beurre*. 1903. 9 mai. № 110.
2. Le Maroc // *L'Assiette au Beurre*. 1903. 5 décembre. № 140.
3. Les Bourreaux des noirs // *L'Assiette au Beurre*. 1905. 11 mars. № 206.
4. Algesiras // *L'Assiette au Beurre*. 1906. 27 janvier. № 252.
5. Civilisons le Maroc // *L'Assiette au Beurre*. 1907. 31 août. № 335.
6. L'Affaire Gaud - Toque // *Le Temps*. 1905. 23 September; 26 September.

О. А. Моргунова (Петрунько)

Интерпретируя Африку: африканская коллекция Британского музея и деколониальный дискурс

Аннотация. На основе анализа экспозиции африканских галерей Британского музея автор рассматривает кризис «великого нарратива» истории, основанного на убеждении буржуазных элит эпохи империй в культурном превосходстве «цивилизации» над тем, что воспринималось ими как «примитив». Несмотря на развитие постколониальных исследований в стране, изменения позиции одного из главных музеев страны в отношении «африканского вопроса» медленны и половинчаты. Автор считает, что заявленная музеем позиция «оставить и объяснить» в отношении колониальных артефактов в результате такого кризиса идентичности музея не может быть полностью выполнена.

Ключевые слова: кризис идентичности, пост-колониальность, экспонирование истории, национальная коллекция, цивилизации.

O. A. Morgunova (Petrunko)

Interpreting Africa: African Collection of the British Museum and Decolonial Discourse

Abstract. Drawing on an analysis of the British Museum's African galleries, this article interrogates the collapse of the «grand narrative» of history grounded in the imperial bourgeois elites' assumption of the cultural superiority of «civilization» over what it labelled as the «primitive». Despite the institutionalization of postcolonial studies in the United Kingdom, one of the nation's most prominent museums has been unable to reconfigure its identity in relation to the «African question». The article contends that this unresolved ideological crisis undermines the museum's professed commitment to «retaining and explaining» colonial artifacts, revealing the continued influence of imperial epistemologies within its curatorial practices.

Keywords: identity crisis, postcoloniality, display of history, national collection, civilizations.

Африканская коллекция Британского музея – одно из крупнейших и наиболее значимых в мире собраний предметов искусства, археологических находок и этнографических объектов, связанных с историей и культурами Африки. Предметы коллекции охватывают огромный временной диапазон: от артефактов эпохи неолита до современных произведений. Многие экспонаты были вывезены в ходе колониальных экспедиций и военных походов, и сегодня их нахождение в Британском музее вызывает острые дискуссии о репатриации культурных ценностей. Ряд африканских стран добиваются их возвращения.

Однако Британский музей ежегодно бесплатно посещают более 6 миллионов человек людей, и его руководство заняло позицию «оставить и объяснить». Задача данной статьи рассмотреть, как и до какой степени выполняется поставленная задача.

Музеи: коллекционирование и обладание. Как известно, в европейском контексте музеи были продуктом эпохи Просвещения. Именно тогда культурные артефакты стали приобретать значение в процессе великой модернизации. Традиция «большого путешествия», с одной стороны, и активная колонизация новых земель, с другой, способствовали созданию дилерских сетей, торгующих предметами искусства, культуры и «дикивинками». Возникли первые аукционные дома, занимающиеся торговлей предметами искусства. В их числе британские Сотбис (1744 г.) и Кристи (1766 г.).

Купленные произведения и обнаруженные в ходе раскопок, военные трофеи, случайные находки переходили из одной частной коллекции в другую, пока не оказывались, под воздействием общественного интереса, идей прогресса и распространения образования, в относительно открытом доступе. Такие собрания превращались сначала в публичные, а затем и в национальные институты. Способствовала созданию и пополнению коллекций и эпоха «великих распродаж», пришедшая на середину XIX века и связанная с последствиями наполеоновских войн, революций и изменения статуса отдельных держав в мире. В Британии этот период отмечен созданием Национальной галереи (1824 г.), экспонировавшей живопись, музея Виктории и Альберта (1852 г.), открытого для публики в 1857 г. и экспонировавшего декоративное и прикладное искусство, а также Музея естественной истории (1881 г.), выделившегося из кол-

лекций Британского музея. Возникло несколько новых форм пополнения коллекций: получение их в аренду у владельцев и пополнение коллекций за счет экспонатов имперских выставок, однако большая часть этнографических экспонатов все же была получена в результате колониальных завоеваний. Именно Британскому музею, созданному в 1753 г., суждено было стать «домом» наиболее оспариваемых сегодня с точки зрения владения и недооцененных по их значимости произведений.

Коллекции будущего музея были собраны ирландским врачом Хансом Слоаном (Hans Sloane), работавшим на Ямайке и составившем после возвращения в Лондон состояние, в том числе с помощью семейных средств от сахарных плантаций в Новом Свете. Как пишет Джеймс Делбурго, «большая часть коллекции Слоана была приобретена благодаря новым торговым путям и культурным тропам, которые соединяли маленький северный европейский остров с такими местами как Флорида и Пекин. То, что 71 000 предметов была выставлена на обозрение в сердце Лондона, причем именно в год, когда армия короля Георга Второго выиграла решающую битву с французами, было важным заявлением о первенстве Британии в этом значительно расширившемся мире» [1]. По завещанию Х. Слоана его огромная коллекция была оставлена Британской нации в 1753 г., но не бесплатно: наследникам было за нее уплачено 20 000 фунтов стерлингов. Власти предоставили отдельное здание для размещения коллекции, а парламент принял специальное решение о создании национального музея, доступного «для всех любопытствующих». Для публики музей в здании Монтегю-хаус на месте нынешнего Британского музея открылся в 1759 г. Музей, таким образом, не без основания с гордостью говорит о себе на своем сайте, что является первым бесплатным публичным национальным музеем в мире.

К юбилею Британского музея была издана книга Дэвида Уилсона, директора Британского музея в 1977–1992 гг., работавшего с его архивами [2], в которой приведены сведения о том, как была устроена работа музея 250 лет назад. Уилсон рассказывает, что, когда Британский музей заработал как открытое учреждение, его посещение было бесплатным, хотя и требовалось написать в музей, чтобы получить возможность в нем побывать. Принять участие в осмотре музея позволялось всем сословиям, туда допускались женщины и дети.

Пройти через коллекции можно было только в сопровождении куратора в группе, и осмотр всего музея занимал два часа. Впечатление, которое получали посетители, было ошеломляющим: не выезжая из страны, они могли посетить весь мир и увидеть его историю в предметах и артефактах. Таким образом, Британский музей давал возможность пришедшим увидеть ранее невиданное и создавал ощущение, что именно Британия сохраняет у себя богатства человеческой мысли и культуры. В этом был элемент патриотического воспитания для жителей империи.

Пройдя через библиотеку, посетители попадали в раздел, где демонстрировались экспонаты, имеющие отношение к неживой природе, а затем знакомились с разделами «цивилизаций»: греческой, римской, ассирийской и других. После этого они могли осмотреть нумизматическую коллекцию и перейти в раздел изобразительного искусства.

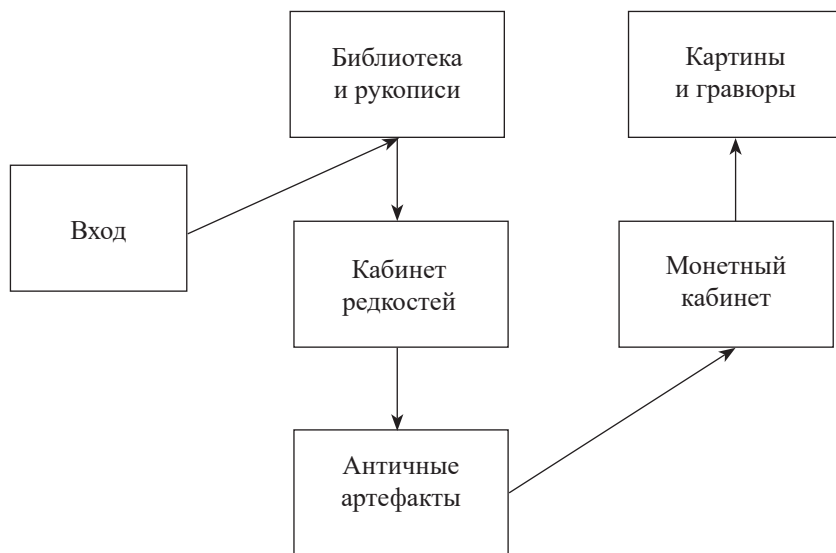

Рис. 1. Маршрут экскурсии по Монтегю-хаусу (Британский музей, XVIII в.)

Несмотря на все сложности систематизации такой разнообразной коллекции, экспозиция Британского музея и экскурсионный маршрут по ней демонстрировали заложенную создателями музея

иерархию человеческих достижений как движение от «простейших форм» к «цивилизованным» в духе викторианской буржуазной морали. Экспозиция формировала у посетителей образы отдельных культур, а затем связывала их в «великий нарратив» [3] мировой истории, отводя каждой «цивилизации» свою роль и место.

Судьба африканской коллекции Британского музея. Коллекция африканских артефактов с самого начала оказалась «на обочине» экспозиции: с точки зрения викторианских представлений в координатах цивилизованности – «примитивности», создатели музея просто не понимали, как экспонировать африканское искусство. Так, египетские артефакты при создании музея были отделены от остальных экспонатов с континента как представляющие определенную «цивилизацию»; остальные африканские предметы были отнесены сначала в раздел *miscellanies* («разное»), а в 1808 г – к «*modern artificial curiosities*» (любопытным предметам, созданным человеком). Африканские экспонаты демонстрировались в отделе «Этнография». По большому счету им было отказано в художественной и исторической ценности [2].

Неопределенность беспокоила музей, и когда в Лондоне был создан «Музей человечества» (1974–1997 гг.), туда африканская коллекция перекочевала и провела вне стен Британского музея три десятилетия, до ее возвращения в отдел этнографии в 2004 г.

В настоящее время коллекция артефактов из стран Африки (исключая страны Магриба) в Британском музее огромна. Каталог музея содержит 112,852 объекта, в том числе из Африки южнее Сахары – 94,997 предмета, с территории Нигерии – 17,488, из Ганы – 9,136, из Конго – 8,914 наименований. Коллекция содержит такие экспонаты как знаменитые бронзы Бенинского королевства, изделия из слоновой кости и дерева народа йоруба, маски и скульптуры конго, луба и других народов, используемые в ритуалах и общественной жизни, изделия из золота, ткани и керамику Восточной Африки, современное африканское искусство.

Многие предметы были куплены их владельцами и затем переданы в национальную коллекцию, или же приобретены музеем для индустриальных выставок по результатам специальных закупочных экспедиций или же представляют собой произведения современного искусства, заказанные авторам и купленные у них.

Однако немалая часть коллекции были вывезены в результате грабительской политики. В том числе: сокровища Магдала, похищенные в Эфиопии в 1868 г., золото Ашанти с Золотого Берега (из Ганы), присвоенное колонизаторами в 1874 г., и так называемая Бенинская бронза, вывезенная в результате карательной британской экспедиции 1897 г. Благодаря постепенному наращиванию международного инструментария по восстановлению справедливости репатриация названных ценностей стала потенциально возможной, в том числе была принята Конвенция ЮНЕСКО против незаконной торговли культурными ценностями (1970 г.), создан межправительственный комитет по возвращению культурных ценностей (1978 г.), Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях (1995 г.).

Процесс возврата похищенных артефактов активизировался в XXI веке под воздействием растущего общественного давления и, возможно, благодаря росту интереса к африканскому искусству и признания его ценности, в том числе материальной [4]. Но, если Германия, Франция, Бельгия, Италия активно участвуют в этом процессе, в Великобритании лишь отдельные музеи передают в страны Африки принадлежащие им артефакты. Британский музей не входит в их число. В 1963 г. Вестминстером был принят Закон о Британских музеях, запрещающий Британскому музею и Музею естественной истории отдавать и продавать предметы из своих коллекций за исключением случаев, когда предмет «является дубликатом, поврежден и не подходит для коллекции» [5]. В соответствии с законом запрещены такие действия как «продажа, обмен и передача» предметов коллекции¹. На основе закона Британский музей объявил, что в вопросе реституции артефактов он занимает особую позицию, которую музей сформулировал в виде слогана «retain and explain» (оставить и объяснить).

¹ В 2010 г. была принята поправка к закону 1963 г., в соответствии с которой по решению правительства можно передавать объекты в другие музеи на особых условиях. Музей также ищет новые формы кооперации со странами, требующими возвращения артефактов. Так, в Эфиопию на условиях аренды были переданы некоторые экспонаты в 2020 г.

Кризис идентичности музея и генерализация «африканского». Действительно, при бесплатном входе и огромном количестве посетителей в год, казалось бы, экспонирование артефактов в музее будет служить популяризации африканского искусства и позволит увидеть произведения большему числу людей. Однако детальное рассмотрение экспозиции в Африканских галереях музея оставляет ряд вопросов.

Африканская коллекция занимает пять комнат в подвальной части музея. По сути, это один зал, разделенный на сегменты. Предметы, представленные в экспозиции, расположены свободно, что позволяет их детальный осмотр. Однако на такой площади невозможно открыть для публики и сотой части собрания музея, что характерно для большинства крупных музеев мира, где запасники представляют скрытое от публики и во многом от специалистов собрание сокровищ.

Не менее важно, насколько исполняет музей свою программу «оставить и объяснить», и насколько интерпретация выставленных предметов соответствует задачам популяризации африканских культур, раскрывает ли экспозиция сложную судьбу артефактов. Предметы в залах демонстрируются не в связи с историей народа, который, возможно, разделен современными границами. Кураторы отказались и от идеи взять за основу современные границы государств и показать их внутреннее культурное разнообразие. Демонстрацию регионального подхода (как, например, в музее Бранли в Париже) создатели экспозиции также отвергли. Пять разделов африканского зала, представляют разные аспекты жизни «Африки» совершенно в духе колониальных выставок. Так раздел «Истоки, ритуалы, верования» экспонирует маски, скульптуры, церемониальные предметы. В разделе, названном «Власть, идентичность, материальность» представлены королевские предметы, работа по металлу, символы власти, такие как бенинские бронзы, резьба по дереву йоруба. В разделе «Торговля и преобразование» посетитель видит ткани и керамику, которые дополняются инструментами в разделе «Искусство и повседневная жизнь», и, наконец, раздел «Современные отражения и непрерывность» представляет стекло, керамика, резьбу, вышивку, в том числе работы современных африканских художников. Рисунок 2 иллюстрирует расположение секций африканской галереи.

Рис. 2. Схема расположения разделов африканской экспозиции. Схема составлена автором на основе путеводителя по Британскому музею. Расположение отделов схематично и не отражает геометрию секторов и соотношение их площади

Таким образом, галереи вместо того, чтобы подчеркивать разнообразие и самобытность отдельных африканских культур, разделы создают образ некоего единого пространства «черного континента». Метод деконструкции и интерсекциональность, позволившие бы увидеть сложную структуру культур разных этносов, подменяются генерализацией, так любимой викторианцами. Отдельные артефакты, размещенные в других разделах коллекции, но считающиеся частью африканских галерей как, например, барабан, сделанный в Африке, но купленный Хансом Слоаном в Вирджинии, только усиливают впечатление. В основе такого объединения объектов лежит не культура, а раса, и африканские галереи вплоть до настоящего времени отражают кризис идентичности Британского музея, который вместо историко-культурного подхода применяет в экспозиции африканских галерей исключительно антропологический фрейм, что возвращает нас к «великим рассказам» по Лиотару, «в силу своей тотальности, универсальности и абсолютности приобретающие качество внеисторичности и рождения вне социальной практики» [6].

Усиливают тенденцию на создание некоего агрегированного ощущения Африки и описания выставленных предметов. Пояснительные тексты кратки. Как стандарт на табличке приводится назва-

ние предмета, материал из которого сделан предмет и его провенанс (даритель, аренда, покупка музеем). В некоторых случаях есть уточнения обстоятельств находки, чаще всего случайных. Иногда указывается география находки, и лишь в нескольких случаях приводится название народа, отмечаются эстетические аспекты предмета или его роль в ритуалах. Хотя нельзя не отметить такой позитивный факт как появление при последней смене экспозиции сопроводительных материалов, посвященных участию Британии в завоевательных походах в Африке.

Наряду с историческими предметами в галереях демонстрируются произведения современного искусства, созданные в конце XX и купленные музеем в XXI веке, что соответствует нынешней концепции экспозиции, которая обозначена на сайте Британского музея как «подчеркнуть живое развитие культурного наследия, динамичную культуру Африки». В отличие от исторических предметов эти объекты сопровождаются подробным описанием эстетических особенностей произведений и подчеркивается творческий и жизненный путь создателя. Интересно отметить, что авторы большей части произведений проживают за пределами Африки.

Динамика современного искусства Африки, таким образом, читается как движение «out of Africa» через получение формального художественного образования вне континента и использование традиционных форм лишь как источника вдохновения. При этом все авторы современных работ в музее имеют, как подчеркивают описания работ, африканское происхождение, как и африканский барабан из Вирджинии, привезенный Слоаном. Таким образом, вновь очевидным становится викторианский нарратив: от простого к «цивилизованному». Его кульминацией становятся произведения художников, связанных с Африкой только по крови.

За свою долгую историю Британский музей внес неоспоримый вклад в просвещение. Он остается важнейшим хранилищем артефактов, произведенных человечеством. Постколониальный дискурс, возникший благодаря работам британских ученых, ставших его классиками, изменил отношение в обществе к периоду колониальных захватов эпохи империи. Однако демонстративное признание вины еще не означает пересмотра на интеллектуальном уровне того «великого нарратива» истории, который викторианское общество

на пике развития империи сформировало и закрепило в том числе в музейных экспозициях.

Сегодняшняя экспозиция в африканских галереях музея говорит скорее о кризисе идентичности, основанной на памяти об Империи, и сам Британский музей переживает такой же кризис идентичности.

Примечания

1. James Delbourgo. *Collecting the World. The Life and Curiosity of Hans Sloane*. L.: Allen Lane. 2017. 504 p.

2. David M. Wilson. *The British Museum: A History*. L.: British Museum Press. 2002. 415 p.

3. Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

4. Morgunova-Petrunko O. *Trading African Art at Sotheby's: a Story Told by Lions or Hunters? // Africa and the Formation of the New System of International Relations*. Ed.: A. Vasiliev, D. Degterev & T. Shaw. Cham: Springer, 2023. P. 121–127.

2 *British Museum Act 1963*. L.: Her Majesty's Stationery Office (HMSO). P. 24.

3 Самохина Е. Г. Легитимирующая сила великих рассказов в XXI веке // *Российский журнал правовых исследований*. 2018. № 2 (15). С. 79–85.

УДК 930

К. И. Попова

Португальский колониализм

в восточногерманских исторических исследованиях

Аннотация. В статье рассматривается, какое место занимали исследования истории португальских колоний в восточногерманской африканистике. Показано, что восточногерманские исследования, посвященные португальскому колониализму, редко упоминаются в историографических обзорах, не получив широкого распространения в научной среде. Автор статьи выявляет, какие темы и проблемы из истории взаимодействия Португалии и Африки в колониальный период затрагивались в исследованиях африканистов из ГДР и делает вывод о том, что недостаточное развитие тематики было обусловлено рядом факторов.

Ключевые слова: португальский колониализм, Африка, ГДР, колонии, историография.

© Попова К. И., 2026

K. I. Popova

Portuguese Colonialism in East German Historical Research

Abstract. This article examines the place of research on the history of Portuguese colonies in East German African studies. It demonstrates that East German research on Portuguese colonialism is rarely mentioned in historiographic reviews and has not been widely disseminated in the academic community. The author identifies the themes and issues from the history of Portuguese-African interactions during the colonial period that were addressed in the research of Africanists from the GDR and concludes that the underdevelopment of this topic was due to several factors.

Keywords: Portuguese colonialism, Africa, GDR, colonies, historiography.

Португальская колониальная империя удерживала свои территории в Африке дольше других колониальных держав, и лишь падение диктаторского режима в Португалии принесло независимость Анголе, Португальской Гвинее (Гвинее-Бисау), Кабо-Верде, Мозамбику и Сан-Томе и Принсипи, так что их изучение проблемы было менее доступно для африканистов – современников освобождения Африки.

Тем не менее, ещё в период колониального правления Португалии, в конце XIX – начале XX вв. появились первые исторические работы африканцев, населяющих португальские колонии, по истории своих стран, в том числе содержащие критику колониального гнёта [1, с. 116–117]. Проблемное поле особенностей португальского колониального правления и находящихся под ним территорий постепенно расширялось и рассматривалось как изнутри участниками процесса, так и извне.

С развитием антиколониального движения в странах Африки во второй половине XX века интерес исследователей разных стран к португальским колониям возрос. А. М. Хазанов в своей обзорной историографической статье 1988 г. выделяет в целом традиционные для советского подхода категории трудов по проблематике португальских колоний в Африке. В западной историографии он выделил три направления: апологетическое ультраколониалистское (к нему относятся преимущественно португальские авторы, сторонники теории лузотропикализма, и некоторые историки из других стран,

поддерживающие португальский колониализм до его падения), неоколониалистское (оно предлагало дальнейшее развитие бывших португальских колоний «по капиталистической модели Запада» и оправдывало португальскую колониальную политику) и мелко-буржуазно радикальное (осуждающее португальский колониализм и поддерживающее национально-освободительные движения, но не анализирующее, по мнению автора обзора, сущность португальского колониализма и его особенностей) [2, с. 57].

А. М. Хазанов рассматривал национальную историографию Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау, формировавшуюся еще до обретения независимости, благодаря лидерам национально-освободительных движений и историкам, находящимся в эмиграции [2, с. 64]. Она имела во многом марксистско-ленинскую методологическую направленность, была антиколониальной, но встречались работы, которые А. М. Хазанов характеризует как «теоретический эклектизм, свойственный левацким течениям Западной Европы» [2, с. 67]. После обретения независимости национальные историографии институализировались и смогли расширить круг исследуемых проблем за счёт большей доступности работы с источниками.

Последнее историографическое направление, рассматриваемое в обзоре, посвящено марксизму-ленинизму как методологии в работах стран социалистического лагеря. А. М. Хазанов кратко приводит сведения о работах советских авторов. Подробнее их вклад рассмотрен в работе А. А. Токарева [3, с. 64-80]. Еще более кратко А. М. Хазанов освещает ситуацию с развитием африканских исследований в других социалистических государствах: в ГДР, Венгрии, на Кубе [2, с. 69–70]. Именно это краткое упоминание и отсутствие представлений в российской науке о том, как было представлено изучение португальского колониализма в Восточной Германии, актуализирует данную статью.

Сотрудничество ГДР с освободительными движениями социалистической направленности, такими как МПЛА в Анголе, ФРЕЛИМО в Мозамбике, ПАИГК в Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде, заложило основу для установления партнёрских отношений с независимыми государствами [4], так как труды восточногерманских африканистов были частью политического имиджа ГДР как союзника африканских народов в их антиколониальной борьбе.

В исторических исследованиях об Африке естественно преобладало изучение немецкого колониализма и его влияния на историю африканских народов, что объясняется возможностями изучения архивных документов, идеологическим противостоянием с ФРГ, которую относили к числу государств, проводящих неоколониалистскую политику, попытками наладить отношения с теми независимыми африканскими государствами, которые когда-то находились под влиянием Германии, хотя историческая африканистика ГДР обращалась к проблемам и других колониальных империй и находившихся под их властью территорий Африки.

Историография португальского колониализма в восточногерманских исследованиях. Первые упоминания португальских колоний встречаются в статьях Х. Дрекслера, вышедших в начале 1960-х гг. В них он на примере Анголы показывал, что германские колониалисты ещё в 1989-1903 гг. стремились к переделу португальских колоний в свою пользу [5, с. 222]. На одну из них ссылаются в Кембриджской истории Африки [6]. К 1964 г. стали выходить работы, посвящённые критике колониализма, расизма и режима апартеида. В их число входит и работа Г. Крамера «Португалия у позорного столба. Португальский колониализм – враг народов Африки» [7]. Её упоминает советский исследователь В. Л. Шейнис в работе о португальском империализме [8, с. 366]. Ссылаясь на нее в своём сообщении на научной конференции в ГДР советский африканист А. А. Карцев в контексте упоминания интересов ФРГ (Западной Германии) в португальских колониях [9, с. 1]. Однако сама работа является скорее агитационной и публицистической по жанру, чем глубоко исторической.

Позднее наступил перерыв в публикации работ по данной проблематике. Не удалось найти ни защищённых диссертаций, ни опубликованных работ. Их отсутствие подтверждается цитатой из историографического обзора об изучении стран Юга Африки в ГДР: «События в португальских колониях Ангола и Мозамбик почти не играли роли в академических кругах Восточной Германии до момента их колониального освобождения» [10, S. 413–414].

Основной блок работ, посвящённый португальским колониям в Африке, выходит в 1980-х гг., что связано, во многом, с появлением в научной среде ГДР исследовательницы Анн-Софи Арнольд, специализировавшейся на изучении португальских колоний. Она

защитила две диссертации: «Развитие, стратегия и тактика национально-освободительного движения в Анголе, Мозамбике и Гвине-е-Бисау в условиях португальского колониализма» (1972 г.) и «Антиколониальная и антирасистская освободительная борьба на юге Африки: исследования стратегии и тактики национально-освободительных организаций Анголы, Мозамбика, Зимбабве и Намибии» (1982 г.). На защите второй ее диссертации одним из оппонентов был А.М. Хазанов [11, S. 107–108].

Именно работы А.-С. Арнольд (её диссертацию и ещё одну публикацию 1980 г. «Зарождение и деятельность сил, возглавлявших национально-освободительную борьбу в португальских колониях: ранний период»), а также упомянутое исследование Г. Крамера приводит в пример А. М. Хазанов в своём историографическом обзоре [2, с. 70].

В отличие поколения историков, родившихся в 1920–30-е гг. и к моменту открытия университетов после Второй мировой войны достигшими совершеннолетия (именно это поколение как раз «разобрало» себе темы по немецким колониям в Африке), Анн-Софи родилась в 1942 г., и а её обучение в аспирантуре Института всеобщей истории Лейпцигского университета имени Карла Маркса завершилось в 1969 г. Она обратилась к изучению португальских колоний и национально-освободительному движению. Примечательны в биографии исследовательницы два факта. Во-первых, она продолжила свою академическую карьеру и после объединения Германии несмотря на то, что многие восточногерманские учёные не были оставлены на должностях или ушли на пенсию. Во-вторых, она ещё в период работы в ГДР побывала в нескольких странах Африки. В 1972–1974 гг. она проходила обучение и преподавательскую стажировку в Танзании; в 1977–1981 гг. посещала архив в Мозамбике; в 1983/1984 гг. и 1988/1989 гг. по одному семестру работала в качестве приглашенного профессора современной истории Африки в Университете Аддис-Абебы [12, S. 28]. Следовательно, у неё была возможность поработать с источниками, не доступными в ГДР.

Выбор А.-С. Арнольд был частью общей тенденции: «В центре внимания исследования было прежде всего развитие политических партий, антиколониальных и антиимпериалистических молодежных движений, некоторые аспекты африканского рабочего движения, политическая роль военных, антиимпериалистического движения соли-

дарности и др. Концентрация на «революционных процессах» видна в работах о юге Африки. Особый интерес представляли стратегия и тактика национально-освободительных движений в бывших португальских колониях Ангола и Мозамбик, а также в Зимбабве и Намибии» [10, S. 412]. Исследователи действительно рассматривали в своих публикациях развитие национальных государств [10, S. 412].

Специализация сказалась и на том, что А.-С. Арнольд написала в последнем из четырёх томов «Истории Африки», издаваемых коллективом авторов в ГДР, разделы, посвященные антиколониальной борьбе португальских колоний. В четырёх томах авторы стремились всесторонне показать тенденции политического, социально-экономического и культурного развития на территории континента, обращаясь к изучению влияния колониальной экспансии.

Однако история португальской колонизации не получила широкого освещения. В первом томе, который рассматривает историю Африки вплоть до колониального раздела, большое внимание уделено португальскому проникновению на континент, их мотивации, интересов королевства и т.д. [13, с. 100–109]. Описывались и губительные последствия португальского проникновения на восточное и западное побережье Африки, а также экспедиций вглубь континента: разорительная для африканских народов торговля, работорговля, первые попытки колониального угнетения – сбора дани и принуждения к труду [13, с. 109–120]. Нашли отражение в книге и причины неуспешной колониальной политики Португалии на фоне других колониальных держав в период меркантилизма [13, с. 120–122].

Второй том «Истории Африки» посвящен периоду нахождения Африки «под империалистическим колониальным господством», в нем гораздо меньше информации о развитии португальских колоний. Упоминания о португальской колониальной политике встречаются эпизодически. В основном они касаются того, как Португалии удалось сохранить свои территории и сферы влияния в период раздела Африки благодаря противоречиям в среде других европейских держав [14, с. S. 15–32]; как Португалия в конце XIX века перешла к установлению власти вглубь Анголы и Мозамбика [14, S. 67–68]; как приход к власти Салазара в 1933 г. привёл к фашистским методам управления колониями [14, S. 219–222] и т. д. Третий том недоступен для изучения на момент написания статьи.

Наконец, четвёртый том включил в себя главу, написанную А.-С. Арнольд: «Борьба за независимость в бывших португальских колониях и развитие независимых государств Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, Кабо-Верде и Сан-Томе и Принсипи» [15]. В ней основное внимание уделено политической жизни внутри колоний и влиянию на неё португальской политики. Характеризуя перспективы решения проблем молодых независимых государств – бывших португальских колоний в Африке, автор пишет следующее: «...две основные предпосылки дополняли и продолжают дополнять друг друга: растущее значение мирового социализма как объективного фактора и зрелость и последовательность политических лидеров как субъективного фактора в Анголе, Мозамбике, Гвинеи-Бисау, Кабо-Верде и Сан-Томе и Принсипи, тех сил, которые опираются на передовое мировоззрение и используют его в качестве инструмента в практике социального строительства» [15, S. 244–245].

Автор объясняет, как и почему происходил переход от мирного этапа антиколониальной борьбы к вооружённому, какие особенности развития антиколониальных движений были в разных колониях, даёт краткое описание экономики колоний, классового состава общества.

Очевидным является посыл, что социалистически настроенные партии (МПЛА, ФРЕЛИМО) были успешнее организованы и ближе к интересам «народа», чем их конкуренты, имели более чёткую политическую программу и мотивацию, и их приход к власти в независимых государствах является логичным историческим исходом. Таким образом, в «Истории Африки» история португальского колониализма в Африке изложена фрагментарно, хотя основные тенденции и особенности ясны.

В отдельных статьях А.-С. Арнольд обращалась к частным эпизодам и проблематике истории португальских колоний в Африке. Например, по прошествии симпозиума, посвящённого 100-летию Берлинской конференции по разделу Африки, ею была опубликована статья «Колониальное подчинение империи Газа Португалией (1895–1896)» [16]. В ней автор стремилась показать, что антиколониальная борьба в Мозамбике имела давнюю традицию. Кроме того, в статье выводятся те политические и экономические факторы, которые влияли на действия Португалии в Африке и, в частности, на территориях Мозамбика, после Берлинской конференции. Автор

анализирует политические решения Гунгунханы, находившегося у власти в Газе вплоть до её колонизации, показывает роль вождей в историческом процессе и их понимании опасности колонизации. А.-С. Арнольд отмечает: «25 июля 1895 года, в резиденции Гунгунханы состоялась «банджа» – встреча руководства Газы, на которой вожди и военные лидеры высказались против принятия документа о подчинении» [16, S. 33].

Фрагментарность африканских исследований и анализа истории португальского колониализма и португальских колоний в Африке очевидна. Однако нельзя не упомянуть, что к ее изучению обращался ещё один восточногерманский историк: Генрих Лот. Он, исходя из библиографии его трудов, может считаться, возможно, самым разносторонним исследователем. Ему принадлежит две книги: «Португальская колониальная империя. Взлет и падение» (Берлин, 1982 г.) и «Генрих Мореплаватель. Португальские путешествия открытий» (Магдебург, 1991 г.) [11, S. 400–401].

Остановимся подробнее на его работе, посвящённой Португальской колониальной империи. В ней автор рассматривает историю португальских колоний в Африке, Азии и Латинской Америке. В предисловии он отмечает отсутствие в ГДР комплексных исследований по истории отдельных колониальных империй [17, S.7] и проводит историю португальского колониализма через призму изменений в португальской экономике и социальной сфере. Такой методологический подход прослеживается в названии глав. Две первые названы по направления движения португальских мореплавателей: «Глава 1. Генрих Мореплаватель и Атлантический путь» и «Глава 2. В Индийском океане». Третья глава посвящена пиратству. Начиная с четвёртой главы, автор акцентирует внимание на характеристике периодов и эпох: «Глава 4. Золото – бриллианты – рабы», «Глава 5. От рыночного капитализма к империализму», «Глава 6. Кризис империалистической колониальной системы», «Глава 7. Победа освободительных сил» [17, S. 5–6].

Работа Г. Лота интересна и для массового читателя. Она достаточно многогранна. В ней уделяется внимание отдельным личностям: португальским первооткрывателям и правителям, заинтересованным в освоении и захвате новых территорий (например, Генрих Мореплаватель, Афонсу Африканский, Жоау II, Перу да Ковильян,

Васко да Гама), африканцам, боровшимся против колониализма (Нзинга Мбанде, Гунгунхана). Автор подробно рассматривает социально-экономические и политические ситуации на территориях, с которыми взаимодействовали португальцы, фиксирует изменения в Португалии, влиявшие на успехи и неудачи в колониальной политике. Рассматривается в книге пиратство, запрет работорговли, колониальный раздел Африки, влияние иностранных монополий на экономику Португалии и т. д.

Монография базируется на внушительном списке источников и литературы. Источники представлены документами немецкого колониального архива, хранившимися на тот момент в Центральном государственном архиве Германской Демократической Республики в Потсдаме, а также документами из сборников португальского колониального архива и ссылки на микрофильмы XX века. Используемая литература делится на следующие категории: труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина; работы африканистов ГДР; статьи и монографии советских авторов (в их числе: А. М. Хазанов, Ю. С. Оганисьян, А. С. Орлова, Б. И. Шаревская, А. С. Покровский, В. Л. Шейнис, О. Игнатъев; произведения западных авторов; труды, написанные до образования ГДР в Германии).

Монография получила распространение в библиотеках стран соцлагеря. Она имеется, например, в Исторической библиотеке РФ, в библиотеке Университета им. Масарика (Брно, Чехия) [18].

Тем не менее, несмотря на богатство содержания монографии, практически не удалось найти каких-либо ссылок или рецензий на неё. Например, есть упоминание работы Г. Лота в публикации 2024 г., посвящённой 50-летию Революции Гвоздик: «Португалия могла содержать свои колонии, лишь напрягая свои ограниченные экономические и военные ресурсы. В конце 1960-х годов 40–50 процентов государственных расходов тратились на военные нужды и вооружения. Но речь шла уже не только о сохранении португальской колониальной системы, но и о “коллективном колониализме”, как писал историк Генрих Лот в своей истории португальской колониальной империи 1982 г. Обширными материальными поставками и щедрыми прямыми инвестициями США, Федеративная Республика Германия и другие страны НАТО и ЕЭС не только поддерживали португальский колониализм и фашизм, но и защищали собственные

интересы. В так называемом «Белом блоке», объединявшем фашистов и расистов ЮАР, Португалии и Южной Родезии, Гвинея-Бисау, Ангола и Мозамбик должны были служить оплотом против независимых государств Африки. Это было связано с реальными экономическими интересами (такими как эксплуатация алмазных и нефтяных месторождений Анголы), которые усилились после снятия Португалией ограничений на иностранный капитал в колониях после 1961 г.» [19].

Таким образом, осмысление португальского колониализма в Африке велось учеными ГДР на фоне роста общественного и политического интереса к освобождению колоний. Однако научные исследования проводились узким кругом историков-африканистов и не получили широкой известности, хотя фокус изучения был обращён на актуальную тематику, связанную с репрезентацией национально-освободительных движений. Параллельно шел перевод художественной литературы Анголы, Мозамбика и других стран в ГДР, у восточных немцев формировалось представление о культуре этих народов [20]. Можно предположить, что если бы ГДР продолжала существовать как государство и осуществлять сложившуюся внешнюю политику, то исследования истории бывших португальских колоний и их связей с метрополией могли бы продолжаться, в частности, в Лейпцигском университете под руководством Анн-Софи Арнольд, что подтверждается следующей цитатой из исследования, написанного вскоре после объединения Германии: «В конце 1991 г. в информационном бюллетене Ассоциации африканистов Германии (VAD) наряду с докладом заведующей кафедрой Анне-Софи Арнольд под названием ‘О состоянии африканских исследований в Лейпцигском университете’ было опубликовано открытое письмо пяти западногерманских представителей общественных наук (Франца Аншпренгера, Хельмута Блэя, Герхарда Гроса, Рольфа Хофмайера и Райнера Тецлаффа) премьер-министру Саксонии Биденкопфу. В письме содержался призыв «сохранить в Лейпциге институт, который будет заниматься странами, с которыми бывшая ГДР поддерживала тесные отношения (Эфиопия, Ангола, Мозамбик), и охватывать дисциплины, специализирующиеся в этой области (африканская филология, история, право, социология)» [12, S. 35]. Инициатива показывает, что тот задел, который был положен в годы существования ГДР по изучению португалоязычных стран Африки в совокуп-

ности с фактором активных международных отношений оценивался как перспективный для развития африканских исследований. Развитие событий лежит уже в хронологической плоскости, находящейся за пределами данной статьи, однако, подводя итоги, важно подчеркнуть, что преемственность научного знания и научного развития нередко сталкивается с идеологическим и человеческим фактором.

Примечания

1. Урсу Д. П. Историография истории Африки. М.: «Высшая школа», 1990. 299 с.
2. Хазанов А. М. Историография португальского колониализма в Африке // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 56–71.
3. Токарев А. А. Португалистика в СССР и России: о португалистике и португалистах. М.: Весь Мир, 2014. 180 с.
4. Schleicher H. G. Vom Höhepunkt zum Ende der Afrikapolitik der DDR // Deutsche Afrikapolitik–Akteure und Konzepte. Schriftenreihe, Heft 82. Berlin: Deutsche Afrika Stiftung e.V., 2012. S. 17–34.
5. Рюгер А. Развитие историографии Африки южнее Сахары в ГДР (от возникновения до 1970 г.) // Изучение истории Африки: Проблемы и достижения / отв. ред. Б. Б. Пиотровский, Б. М. Туполев. М.: Наука, 1985. С. 201–238.
6. Oliver R. A. Cambridge History of Africa: Vol. 6. From 1870 to 1905. Cambridge, Cambridge University Press, 1985. 918 p.
7. Kramer G. Portugal am Pranger: Der portugiesische Kolonialismus – Feind der Völker Afrikas. Anhang: Dokumente, Biographien, Zeittafel. Berlin: Dietz Verlag, 1964. 49 s.
8. Шейнис В. Л. Португальский империализм в Африке после второй мировой войны: экономические проблемы последней колониальной империи. – М.: Наука, 1969. 439 с.
9. Карцев А. А. Западнгерманский неоколониализм в Южной Африке / Сообщение на Международной научной конференции «Против расизма, против неоколониализма, за освобождение Юга Африки», состоявшейся в Берлине (ГДР) в мае 1968 г.). М.: Академия наук СССР Институт Африки, 1968. 34 с.
10. Heyden U. Die Afrikawissenschaften in der DDR–Das Beispiel südliches Afrika. URL: https://edoc.bbaw.de/files/273/2548X3Me35dI_232.pdf (accessed: 15.09.2025).
11. Mertens L. Lexikon der DDR–Historiker: Biographien und Bibliographien zu den Geschichtswissenschaftlern aus der Deutschen Demokratischen Republik. – Munchen: Saur, 2006. 675 s.

12. Geschichte der Afrikanistik in Leipzig. Beiträge eines Projektseminars / Felix Brahm (Hg). University of Leipzig Papers on Africa. History and Culture Series No. 14. Leipzig: Inst. für Afrikanistik, 2011. 115 s.
13. История Африки с древнейших времен. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. 253 с.
14. Afrika. Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Teil II. Afrika unter imperialistischer Kolonialherrschaft / Autorenkollektiv unter Leitung von Thea Büttner. Berlin: Akademie-Verlag, 1977. 296 s.
15. Afrika. Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Teil IV. Afrika vom Zusammenbruch des imperialistischen Kolonialsystem bis zur Gegenwart / Autorenkollektiv unter Leitung von Thea Büttner. Berlin: Akademie-Verlag, 1976. 402 s.
16. Arnold A.-S. Die Koloniale Unterwerfung des Gaza-Reiches durch Portugal (1895–1896) // Die Koloniale Aufteilung Afrikas und ihre Folgen (Ausgewählte Beiträge des Symposiums der Sektion Geschichte und der Sektion Asienwissenschaften der Humboldt-Universität zu Berlin am 15. November 1984 anlässlich des 100. Jahrestages der Berliner Konferenz über die koloniale Aufteilung Afrikas 1884/1885). Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin Redaktion Wissenschaftliche Publikationen, 1985. S. 27–36.
17. Loth H. Das portugiesische Kolonialreich: Aufstieg und Fall / Deutscher Verlag der Wissenschaften, Berlin 1982. T. 51. 241 s.
18. Knütter S. Die abgebrochene Revolution / Die Tageszeitung „Junge Welt“ – 17.04.2024. URL: <https://www.jungewelt.de/beilage/art/472938> (accessed: 01.10.2025).
19. Masarykova univerzita Library Catalogue. URL: <https://katalog.muni.cz/Record/MUB01000835921/Holdings#items-FF> (accessed: 01.10.2025).
20. Arnold A.-S. Publications and Research Dealing with the Literatures of Lusophone Africa in the German Democratic Republic (GDR): 1964–1988. // Luso-Brazilian Review. Vol. 33. № 2. 1996. P. 97–102.

Д. А. Савин

Культурная политика Наполеона Бонапарта в Египте

Аннотация. Статья посвящена военной экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет. В ней рассматривается культурное влияние французов на Египет и египтян. Уделяется внимание деятельности учрежденного в Каире Египетского института и его сотрудников в рамках всестороннего изучения прошлого и настоящего Египта.

Ключевые слова: Колониализм, Египет, Франция, культурная политика, египтология.

D. A. Savin

The Cultural Policy of Napoleon Bonaparte in Egypt

Abstract. The article is devoted to the military expedition of Napoleon Bonaparte to Egypt. It examines the cultural influence of the French on Egypt and the Egyptians. Attention is paid to the activities of the Egyptian Institute established in Cairo and its staff in the context of a comprehensive study of the past and present of Egypt.

Keywords: Colonialism, Egypt, France, cultural police, Egyptology.

Египет ко времени похода Наполеона Бонапарта (1798 г.) был одной из провинций Османской империи, управляемый мамлюками – потомками рабов, купленных на невольничьих рынках Византии. Интерес со стороны европейских стран к Египту возник в XVIII в. Определенные представления о Египте имелись и во Франции благодаря сочинениям соотечественников и других европейцев. В их числе К. Э. Савари и его «Письма о Сирии и Египте» и К. Ф. Вольней и его «Путешествие по Египту и Сирии в 1783, 1784 и 1785 гг.», а также другие обстоятельные исследования политической, экономической и социальной жизни Египта и Сирии, их климата, географии, нравов местных жителей.

Геополитическое положение Египта, расположенного на морских торговых путях из Европы в Азию, предопределило острое

соперничество за него между Францией и Англией на рубеже XVIII–XIX вв. Контроль над Египтом означал бы контроль над торговыми маршрутами в Азию. Как указывает Е. А. Прусская, «именно со вступлением французских войск на землю османского султана началась эпоха активной колониальной политики европейских стран в регионе Ближнего Востока и Магриба, ознаменовавшая собой новую стадию в отношениях Востока и Запада» [1, с. 5].

Египетская экспедиция Наполеона Бонапарта (1798–1801 гг.), став частью колониальной политики Франции, ознаменовалась попыткой противодействовать Британии в отношениях с азиатскими странами, в частности, с Индией. Однако французское вторжение имело неоднозначные результаты. Исследователи указывают, что Наполеон завидовал славе и подвигам Александра Македонского и хотел повторить его поход в Египет. Жажда славы буквально ослепляла его. Он надеялся, что египтяне и другие народы с легкостью покорятся и присоединятся к нему. Между тем он не учел менталитета местных жителей, и то, что Египет не был независимым государством, а являлся провинцией Османской империи. Нападение на Египет означало объявление войны турецкому султану, получавшему помощь от англичан, заинтересованных в изгнании французов из Египта и упрочении своих позиций на землях, лежащих на пути в Индию. Ограниченные людские возможности французской армии (38000 человек) не позволили долго оказывать сопротивление, ее остатки капитулировали и сдались англичанам в 1801 г.

С военной точки зрения, несмотря на локальные успехи (взятие Александрии, битва у пирамид и овладение Каиром, битва при Абукире с турецкой армией), экспедиция провалилась. Разгром французского флота в Абукире британским адмиралом Нельсоном и поражение под Аккрой фактически поставили крест на амбициях Наполеона. По мнению египетского хрониста, современника событий Абд ар-Рахмана аль-Джабарти «нашествие чужестранцев для жителей Египта стало годом великих кровопролитных сражений, выдающихся событий, горестных происшествий и ужасающих бедствий» [2, с. 49]. Несколько иначе высказался по поводу французской военной экспедиции британский писатель Дж. Олдридж: «Наполеон действительно принес Каиру много несчастий, но в тоже время он принес с собой дух Европы. Он пробыл в Каире только три

года, но город больше уже не вернулся к прежнему восточному облику...» [3, с. 138–139].

Неудивительно, что местное население воспринимало французов как очередных завоевателей и не желало им подчиняться, подняв дважды восстание в Каире. Не способствовала сближению и политика французских колониальных властей – высокие налоги, шедшие на обеспечение нужд армии, разрушение домов и мечетей, захват собственности бежавших высокопоставленных шейхов и беев, многочисленные казни религиозных деятелей и руководителей восстаний, распятие солдатами спиртного и их тесное общение с женщинами легкого поведения в общественных местах, несмотря на заявления Наполеона об уважении к традициям ислама.

Чтобы показать, как относились к французам египтяне, достаточно привести цитату из книги Д.В. Денона: «При приближении армии деревни пустели, и жители уносили с собой все съестное» [4, с. 57]. Так обычно реагируют на завоевателей, а не на тех, кто пришел избавить их от мамлюков, как в прокламациях обещал Наполеон.

Кроме солдат, в экспедиции принимали участие ученые, им было поручено всестороннее изучение Египта. Набор их в экспедицию был поручен генералу Л. Каффарелли и химику К. Л. Бертолле. В итоге в Египет отправились 132 ученых и 35 студентов. Собранные ими материалы были позднее опубликованы в двадцатитомном «Описании Египта», содержащем ценные сведения о природе и культуре страны, ее истории, политическом устройстве и экономическом состоянии, о быте и нравах различных групп населения. Таким образом, французские ученые способствовали повышению интереса в Европе к Египту, его культуре и древней истории, положив начало формированию нового научного направления – египтологии. В Каире был создан Египетский институт – научное учреждение, его сотрудники внесли весомый вклад в изучение региона.

Наполеон Бонапарт вступил в Каир 25 июля 1798 г. В тот же день он отдал приказ о формировании каирского дивана как совещательного органа, в него вошли представители духовенства, купцов и ремесленников. 22 августа 1798 г. был учрежден Египетский институт, который разместился в доме бежавшего с мамлюками бея Хасана Кашифа. Гостиная стала местом собраний членов института. Видные французские ученые: математики Г. Монж и Л. Костаз, химик К.Л. Бертолле, зоолог

Ж. Сент-Илер и начальник инженеров армии Л. Каффарелли – разработали цель, правила и состав научного учреждения: 1) продвигать и распространять просвещение в Египте; 2) исследовать, изучать и публиковать информацию о промышленном, историческом и природном явлениях в Египте; 3) Высказывать свое мнение по различным вопросам, с которыми к нему обратится правительство.

Институт был поделен на четыре секции: математическую, физическую, политической экономии, а также литературы и искусства. В каждую из них входили двенадцать членов. В частности, в математической секции работали Г. Монж и Жан-Батист Фурье, Наполеон Бонапарт, генерал А. Ф. Андреосси. Физическую секцию представляли К. Л. Бертолле, геолог Д. де Доломье, зоолог Ж. Сент-Илер, инженер Н. Ж. Конте и начальник медицинской части армии генерал Р. Н. Деженетт; секцию политической экономии – Е. Пуссельг, генерал Л. Каффарелли и гражданин Жан-Ламбер Тальен; секцию литературы и искусства – художник Д. В. Денон, портретист Б. Дютертр и поэт Франсуа-Огюст Парсеваль-Гранмезон [5].

Первое собрание членов Египетского института прошло 23 августа 1798 г. На нем Г. Монж был избран президентом, Наполеон стал вице-президентом, Ж.-Ф. Фурье – секретарем. Наполеон поднял несколько важных вопросов перед учеными: 1) Можно ли улучшить работу печей, которые выпекают хлеб для армии? Возможно ли изготовление пива без хмеля в Египте? Как можно осветлить и очистить нильскую воду? Будет ли более практично основать ветряную или водяную мельницу в Каире? Есть ли ресурсы в Египте для изготовления пороха? Какова ситуация с юриспруденцией, гражданским законодательством, уголовным кодексом и образованием в Египте? Каких улучшений хотят горожане? Позднее был поднят вопрос о создании канала, соединяющего Средиземное море с Красным [6, р. 182]. Данные вопросы, в первую очередь, касались нужд французской армии.

Г. Монжу было поручено изучить римский канал, который соединял Красное море с Нилом. Кроме того, ученый дал объяснение эффекту миражей в пустыне, опираясь на законы преломления и отражения света. Н.-Ж. Конте создал фабрику, которая снабжала армию униформой. Зоолог Ж. С. Савиньи обосновал новый вариант систематического описания ракообразных и насекомых. Химики исследовали состав песков пустыни, разрабатывали натриевые озе-

ра и нильский ил. К. Л. Бертолле исследовал свойства каустической соды, которую древние египтяне использовали при мумификации. Ж.-Б. Фурье с несколькими молодыми инженерами изучал астрономические таблицы на некоторых памятниках. Живописец Пьер-Жозеф Редуте рисовал египетскую флору, а Мишель Риго писал портреты шейхов, членов большого дивана в Каире. Д. В. Денон зарисовывал древние архитектурные памятники (не все из них сохранились до настоящего времени) и надписи на стенах храмов Карнака и Луксора в Верхнем Египте. Позднее в Париже Д. В. Денон издал труд под названием «Путешествие в Верхний и Нижний Египет во время кампании генерала Бонапарта», способствовавший в Европе распространению моды на все египетское. Л. Костаз, возглавлявший научные комиссии в Верхнем Египте, исследовал сцены в частных гробницах, которые демонстрировали древние сельскохозяйственные орудия и методы их применения. Главный хирург экспедиции Д. Ларрей и начальник медицинской части Р. Н. Деженетт вместе с другими медиками организовали госпитали в Александрии, Каире и других городах, где исследовали причины чумы и трахомы, от которой слепла половина населения Египта. Летом 1799 г. при производстве земляных работ вблизи г. Розетта капитан Бушер обнаружил черный камень, на котором были начертаны древнеегипетские надписи, которые через двадцать лет были расшифрованы Ф. Шампольоном.

Когда остатки французской армии эвакуировались из Египта в 1801 г., ученые забрали с собой коллекцию найденных артефактов, папирусы, минералы, сохранившиеся образцы флоры и фауны, рисунки и записи.

В рамках французской экспедиции интересна не только научная сторона, но и реалии повседневной жизни, а также взаимное восприятие французов и египтян, нашедших отражение в исследовательской литературе.

Каир на многих французов произвел отвратительное впечатление – узкие улочки, немощеные и грязные, много полуразвалившихся домов. Ветхие балконы. Воздух пропитан пылью, всюду вонь, мусор, который никто не убирал. Повсюду французы встречали слепых и нищих в лохмотьях. Малопривлекательные женщины прятали изможденные лица под паранджой. Их дети были желтыми, худыми, в болячках, облепленных мухами.

Французы пытались улучшить быт горожан. В целях общественной безопасности были разрушены ворота в кварталах, на улицах организовано фонарное освещение. Новые власти потребовали собрать и сортировать хозяйственные отходы, проветривать постельное белье, подметать и поливать улицы. Дж. Олдридж писал: «Наполеон намеревался проложить новые широкие бульвары от цитадели к другим районам города, в частности, выпрямить улицу, которая вела к его штаб-квартире в Эзбекие <...> он провел широкую дорогу от Баб аль-Лука до Баб аль-Адауи, врезааясь в дома и древние улицы, что находились на пути. Строили дорогу французские рабочие и наемные египтяне, причем вместо примитивных корзин и тачек применялись простые, но совершенные орудия труда...» [7, с. 100–101]. Многие замыслы остались неосуществленными.

Аль-Джабарти пишет, что французские солдаты, обосновавшись в Каире, «прогуливались по улицам без оружия, не нарушая порядка. Они даже шутили с жителями и покупали то, в чем нуждались. По самой высокой цене. Один из них купил курицу, заплатив за нее французский реал, а за яйцо отдал полпара согласно ценам на эти продукты в их стране. Когда простой народ увидел это, он все забыл и успокоился. Жители вынесли французам различные лепешки, пирожки, хлеб, яйца, кур и другу провизию, а также такие товары как сахар, мыло, табак, кофе в зернах, и начали брать за это ту цену, какую хотели. Большинство торговцев открыли свои лавки и кофейни» [2, с. 68]. Как отмечает Е. А. Пруская, «прибыв в Египет, французы не обнаружили не только привычных развлечений, но и привычной еды, напитков и трактиров, где бы ее подавали. Восточная кухня была непонятна французам, а отсутствие вина их особенно расстраивало <...> По этой причине французы и европейцы, жившие в Каире, сами открыли дома, в которых готовили различные кушанья и напитки на европейский лад <...> На страницах «Курьера Египта» несколько раз сообщалось об открытии пивных, мастерской по изготовлению макаронных изделий и европейских алкогольных напитков» [8, с. 97].

Столкнувшись в Египте с иной культурой, иным языком и менталитетом, «испытывая сильную тоску по Европе, французы стремились воссоздать близкую им культурную среду и привычный досуг в этой чужой им стране» [8, с. 94]. Одной из самых доступных форм досуга для образованной части армии стало чтение. Наполеон

Бонапарт при подготовке экспедиции распорядился взять специально отобранную им литературу, которая составила основу публичной библиотеки при Египетском институте. Египетский хронист аль-Джабарты отметил, что французы «назначили хранителей и смотрителей, в обязанности которых входило стеречь книги и выдавать их читателям. Посетители библиотеки могут смотреть любые книги, какие пожелают. Читатели собираются в библиотеке каждый день за два часа до полудня и рассаживаются на стульях, расставленных вокруг широких прямоугольных столов в большом зале, расположенном напротив помещения, где хранятся книги, и просят принести им те книги, которые они хотят посмотреть. Хранитель приносит их. Все читатели (даже простые солдаты) внимательно перелистывают их, просматривают и делают выписки. Если в библиотеку приходит кто-либо из мусульман, желающих на нее взглянуть, ему разрешают занять самое лучшее место, встречают его приветливо, с улыбкой, выражают радость по поводу его прихода, особенно если обнаружат в нем способности к наукам, знания и любознательность <...> Я был в этой библиотеке много раз. Там мне показали, среди многого другого, большую книгу, посвященную жизнеописанию пророка <...> Художники нарисовали его благородный облик, как то позволяли их знания и усердие. Пророк был изображен там стоящим во весь рост и с благоговением взирающим на небо. В правой руке он держал меч, а в левой – книгу <...> В библиотеке имелся также вид Стамбула с его великими мечетями, такими как мечеть Айя-София и мечеть султана Мухаммада. Здесь же была изображена церемония празднования дня рождения пророка и толпы жителей, присутствовавших на этой церемонии <...> Я видел там книги по медицине, анатомии, инженерному делу, механике и много книг по исламу, переведенных на французский язык...» [2, с. 121–123].

Кроме того, французы привезли печатный пресс, благодаря чему сотрудники института выпускали специальные издания – газету «Курьер Египта» и журнал «Египетская декада», которые стали средствами развлечения и пропаганды. Газета была информационным листком армии, курировалась лично Наполеоном. Содержание газеты отличалось разнообразием и не было четко структурировано. В ней публиковались ежедневные приказы командующего, сводки о французских кампаниях в Сирии и Египте, международные

новости, обращения к членам Дивана Каира, письма членов Дивана, описания торжеств, объявления о заседаниях Института и его материалы по результатам исследований, заметки об обычаях местных жителей. [9, с. 225]. Необходимо отметить, что через все выпуски газеты прослеживался мотив преданности местных жителей французам. В подтверждении лояльности египтян на страницах газеты встречаются заметки о том, что жители Египта помогали французам в преследовании мамлюков и восхищались достижениями французской армии. В отчетах о праздновании дня Республики подчеркивалось присутствие местного населения на этих мероприятиях и его участие в них вместе с французами [1, с. 92–93].

Журнал «Египетская декада» был посвящен научным изысканиям Института Египта и публиковался раз в десять дней. Его издатели заявляли, что в нем не будет новостей или политической дискуссии. Первый номер появился 1 октября 1798 г. В нем была опубликована статья генерала А. Ф. Андреосси о том, как изготавливать порох из местного сырья, а также фрагмент произведения поэта Ф. О. Парсеваль-Гранмезона. В дальнейших выпусках журнала были опубликованы переводы Корана, заметки европейских путешественников, астрономические обзоры, анализы проб нильской воды и образцов египетской почвы [6, р. 186–187].

Театральные представления и музыкальные вечера стали еще одной формой досуга французов в Египте. В квартале аль-Азбаккийя было построено здание Каирского театра, которое именовалось на языке французов «Лакомеди». Как пишет аль-Джабарти, «в этом здании раз в десять дней собирались люди, чтобы провести вечер и развлечься театральным представлением, которое для удовольствия зрителей разыгрывала в течении четырех часов группа французов. Представление велось на французском языке. Для того, чтобы попасть на представление, необходимо было иметь специальный билет и быть соответствующим образом одетым» [9, с. 365]. Короткое сообщение аль-Джабарти дополняет информация в статье Е. А. Прусской. Она отмечает, что «играли в спектаклях преимущественно мужчины, что вызывало сожаление у Ж. Сент-Илера и главы швейного ателье армии Востока Берное. А в выпуске газеты «Курьер Египта» от 13 февраля 1801 г. подчеркивалось, что в двух постановках приняли участие женщины, которые были встречены бурными аплодисмен-

тами <...> это было неординарное событие. На спектакли французы также приглашали местных жителей, в основном христиан и своих женщин, а также черных невольников, которые были домашней прислугой» [8, с. 96].

Во время пребывания в Египте французы устраивали праздники, в которых принимало участие и местное население. Отмечались дни Республики, праздник Нила, день рождения пророка и другие. Аль-Джабарти отмечал, что 29 ноября 1798 г. «французы отпечатали несколько листовок <...> в которых содержалось сообщение о том, что в пятницу 30 ноября они намереваются отправить с площади аль-Азбакийя в полет воздушный корабль французского изобретения <...> В назначенный день множество горожан и европейцев собралось, чтобы увидеть это чудо. Я там был также и видел сделанный из ткани купол, прикрепленный к установленной мачте. Купол был трех цветов <...> В середине его находилась лампа с фитилем, погруженным в какое-то масло. Эта лампа была прикреплена железной проволокой к обручу, к которому были привязаны блоки и веревки. Концы веревок тянули люди, стоявшие на крышах соседних домов <...> Спустя час после полудня фитиль подожгли. Ткань вздулась и приняла форму шара <...> Удерживающие его люди не выпускали веревок из рук пока он не оторвался от земли <...> Некоторое время шар плавно летел, потом обруч с фитилем упал, а затем упал и шар, причем из него выпало множество отпечатанных листовок». После этого французы почувствовали себя неловко. Все, что они говорили о мудро изготовленном воздушном шаре, оказалось выдумкой...» [10, с. 117–118].

К сожалению, со стороны французов не обошлось без негативных моментов в отношениях с египтянами и их культурными и религиозными ценностями. Д. Р. Жантиев и С. А. Кириллина отмечают, что «на шестой месяц пребывания в стране (декабрь 1798 г.) Бонапарт принял решение, деструктивные последствия которого он вряд ли мог предугадать. С зимми (немусульмане, проживавшие в землях ислама и находившиеся под покровительством мусульманской общины) были сняты дискриминационные ограничения, касавшиеся их личного статуса: они получили право ездить на лошадях, одеваться по собственному вкусу и носить оружие. Эта скоропалительная акция, предполагавшая уступки христианам в обмен на их лояльность, спровоцировала острую межобщинную напряженность, сохраняв-

шуюся до конца присутствия французов на египетской земле» [10, с. 130]. Далее авторы отмечают, что не меньшую роль в осложнении христианско-мусульманских отношений сыграли злоупотребления и насилия, которыми сопровождался сбор налогов коптами-саррафами» [10, с. 130]. В глазах местных жителей коптские служащие быстро стали одним из воплощений неприглядных сторон оккупационного режима. Как писал аль-Джабарти, «высокопоставленный чиновник, назначенный в провинцию, со своей стороны рассылал по районам провинции сборщиков-коптов в ранге кашифов, которых также сопровождали французские солдаты и отряды чаушей <...> Они разъезжались по городам и деревням и требовали уплаты налогов и несения изнурительных повинностей. При этом они прибегали к насилию. Они назначали жителям для уплаты налогов срок в несколько часов. Если к назначенному времени налог не был уплачен, они грабили и сжигали дома, а людей угоняли с собой...» [2, с. 300].

Аль-Джабарти отмечает в своей хронике неуважительное отношение к религиозным постройкам – мечетям. Так, описывая взятие Каира, он указывает: «Послав вперед группы пеших и конных, французы проникли в мечеть аль-Азхар, причем въехали туда верхом, а пехотинцы ворвались как дикие козы. Они рассыпались по всему зданию мечети и по двору, и привязали лошадей своих к кибле. Они буйствовали в галереях и проходах, били лампы и светильники, ломали шкафы студентов и писцов, грабили все, что находили из вещей, посуды и ценностей, спрятанных в шкафах и хранилищах. Разорвав книги и свитки Корана, они разбрасывали обрывки по полу и топтали их ногами. Они всячески оскверняли мечеть: испражнялись, мочились, сморкались, пили вино, били посуду и бросали все во двор и в сторону, а если встречали кого-нибудь, то раздевали, и отнимали одежду» [2, с. 105]. На более поздних страницах хроники автор указывал: «Была также разрушена и превращена в питейную лавку мечеть ар-Рувайи <...> Мечеть Азбак была превращена в рынок, где продавали с торгов права на сбор налогов <...> Французы разрушили мастабы¹ выходящих на улицу лавок и увезли их камень

¹ Мастабы – каменная или кирпичная скамья, пристроенная к фасаду здания торговой лавки. Продавец сидит все время на мастабе и отходит вглубь лавки, если нужно освободить место покупателям.

под предлогом, что они хотят расширить дорогу для проезда больших телег <...> но истинная причина этого состояла в том, что они боялись, что жители будут из этих камней строить баррикады, как это было во время восстания» [2, с. 408].

Таким образом, египетская экспедиция Наполеона Бонапарта несла с собой не только идеи просвещения, не только знакомила египтян с европейскими научными и техническими достижениями, но и оказала ощутимо разрушительное воздействие на египетское общество, обострив религиозные противоречия между мусульманами и не мусульманами, разрушение мечетей, казни религиозных лиц, открытое распитие спиртных напитков. Непродуманная налоговая политика принесла разорение массе населения в связи с введением непомерно высоких налогов. Идеология освобождения египтян, от власти мамлюков, объявленная Наполеоном, с треском провалилась уже при взятии Александрии, которую обороняли не мамлюки и не профессиональные воины, а городская милиция и простые горожане. Два мощных каирских восстания продемонстрировали то, что французские колониальные власти не смогли наладить диалог с местным населением. Непрестанная народная борьба против французов стала одной из главных причин краха египетской экспедиции.

Примечания

1. Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 183 с.

2. Аль-Джабарти Абд ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798-1801). Москва, 1962. 534 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/qfERo dXtJysOLFWn75KqtBUK6n8jYosyJor5Q2MxqyOkysVh_uXX20pdQ0LqDeJE9 h7BDDhlyxaXaxl8Nskr4VpmeO0Q7CqrmA0qkXQeOw8jyyI3/Al-Dzhabarti_A_Egipet_v_period_expeditii_Bonaparta_1798-1801.pdf (accessed: 21.09.25).

3. Олдридж Дж. Каир. Биография города. М.: АСТ, 2006. 402 с.

4. Денон Д. В. Путешествие в Верхний и Нижний Египет во время кампании генерала Бонапарта. М.: Кучково поле, 2014. 288 с.

5. Byrd M. The Napoleonic Institute of Egypt. URL: https://www.napoleon-series.org/ins/scholarship98/c_institute.html (accessed: 21.09.25).

6. Strathern P. Napoleon in Egypt. N.-Y.: Bantam Dell, 2007. 438 p. URL: <https://www.pdfdrive.to/dl/napoleon-in-egypt> (accessed: 21.09.25).

7. Олдридж Дж. Каир. Биография города. М.: Молодая гвардия, 1970. 304 с.

8. Прусская Е. А. Досуг французов в оккупированном Каире 1798–1801 гг. // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. С. 93–102. URL: https://annuaire-fr.ru/?page_id=1526 (дата обращения: 02.09.25)

9. Прусская Е. А. Французская пресса в Египте о мусульманском Востоке (1798–1801) // Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 г. С. 223–251. URL: https://annuaire-fr.ru/?page_id=1969 (дата обращения: 20.09.25)

10. Жантиев Д. Р., Кириллина С. А. Французская политика в отношении христиан Египта и Сирии во время Восточной экспедиции Бонапарта 1798–1801 гг. // Французский ежегодник. 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. С. 128–147. URL: <https://annuaire-fr.igh.ru/issues/2019/articles/1651?locale=ru> (дата обращения: 21.09.25)

УДК 94(676.2)

Е. В. Спиридонова

Луис Лики и Джомо Кениата: история взаимоотношений

Аннотация. Статья посвящена истории взаимоотношений таких разных людей, как Луис Лики – британский археолог и антрополог и Джомо Кениата – африканский политик, первый президент Кении. За несколько десятилетий знакомства они прошли длинный путь от научных дискуссий до военного противоборства, от политического конфликта до дружбы и взаимопочтения. Главным связующим элементом в их судьбах стала история и культура Кении, и в первую очередь народа кикуйю.

Ключевые слова: Лики, Кениата, Кения, кикуйю, Мау-Мау.

E. V. Spiridonova

Louis Leakey and Jomo Kenyatta: The History of Their Relationship

Abstract. The article is dedicated to the history of the relationship between such different people as Louis Leakey, a British archaeologist and anthropologist,

Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018

© Спиридонова Е. В., 2026

and Jomo Kenyatta, an African politician and the first president of Kenya. Over several decades of acquaintance, they have come a long way from scientific discussions to military confrontation, from political conflict to friendship and mutual respect. The main connecting element in their destinies was the history and culture of Kenya, and first and foremost the Kikuyu people.

Keywords: Leakey, Kenyatta, Kenya, Kikuyu, Mau Mau.

Луис Лики (1903–1972) – известный британский археолог и антрополог, родоначальник знаменитой династии исследователей, на счету которой десятки открытий в области палеонтологии, включая первых человекообразных обезьян и древнейших людей современного вида. Джомо Кениата (1897–1978) – общественный и государственный деятель, первый премьер-министр и президент Кении, один из лидеров panafricanского движения, «отец кенийской нации». История их общения насчитывает несколько десятилетий и включает научные дискуссии, противоборство и дружеские отношения. Начались взаимоотношения в 1920-е годы, и их рассмотрение представляет особый интерес в контексте изучения истории и культуры Кении и народа кикуйю.

Л. Лики родился в Кении. Его родители – Гарри и Мэри Лики – были британскими миссионерами, проповедовали христианство в районе Найроби среди кикуйю. Благодаря их усилиям здесь появились больница и школа для женщин. Фактически Луис Лики оказался первым белым ребенком, которого увидели кикуйю. Их язык он выучил раньше, чем английский, и подростком тайно прошел инициацию как член племени, получив имя Вакуруиги: «Сын перепелятника» [1, p. 10–11]. Луис три года проучился в закрытой школе в Англии, поступил в Кембриджский университет на факультет теологии, чтобы продолжать дело отца, став миссионером, но в 1925 г. перевелся на кафедру антропологии и в 1926 г. получил диплом с отличием в области антропологии и археологии. Примечательно, что в качестве второго современного языка он выбрал кикуйю и получил зачет, хотя никто не мог проверить его знания: специалистов в этой области в Кембридже не оказалось. Сразу после окончания Кембриджа, Луис отправился в Восточную Африку для проведения археологических раскопок [2, p. 140].

Камау ва Нгенги, известный как Джомо Кениата, принадлежал к народности кикуйю. Его родители жили на ферме около реки Тирика близ Найроби, где разводили коз и овец. Отец будущего президен-

та был достаточно обеспечен, имел несколько жен, каждая из которых жила в своей хижине [3, р. 33–34]. Камау окончил начальную школу при пресвитерианской миссии, 1913 г. прошел инициацию в племени, а в 1914 г. принял христианство, получив при крещении новое имя: Джонстон Камау [3, р. 52]. Отношение Кении к христианству было противоречивым. По словам Ричарда Лики (сына Луиса), он однажды сказал, что миссионерам приходилось нарушать большую часть своих десяти заповедей, чтобы утвердиться в Африке [4, р. 38].

Во время Первой мировой войны будущий президент жил у своей тети, жены одного из вождей масаи. Здесь он получил новое прозвище: Кеньятта (на языке масаев: «Бисерный пояс») [3, р. 75]. В 1920-х гг. он работал служащим в муниципалитете Найроби. В 1928 г. стал издателем ежемесячного первого общественно-политического журнала на языке кикуйю «*Mũigwithania*» (в буквальном переводе: «Примиритель» или «Объединитель») и генеральным секретарём Центральной ассоциации кикуйю (ЦАК), одной из первых политических организаций кенийцев, активно выступающей против господства европейцев [3, р. 107–109].

С Луисом Лики Кенията был знаком с конца 1920-х гг. Отец Луиса Гарри Лики пытался отговорить его от поездки в Великобританию. Как и его отец, Луис не слишком одобрял политические устремления Кении, считая его «возмутителем спокойствия». Тем не менее, будущий президент покинул Кению и с 1931 г. учился и работал в Великобритании. Он окончил квакерский колледж в Вудбруке, в течение полутора лет (1932–1933 гг.) учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока, вернувшись в Лондон в середине 1930-х гг. работал на факультете фонетики Университетского колледжа. Его записи языка кикуйю помогли Лилиас Армстронг¹ в создании «Фонетической и тональной структуры языка кикуйю» и англо-кикуйского словаря. В тот же период он прошел курс социальной антропологии под индивидуальным руководством Бронислава Малиновского в Лондонской школе экономики [3, р. 180–181].

¹ Лилиас Эвелин Армстронг (1882–1937) – английский лингвист, работала в Университетском колледже Лондона, наиболее известна своими работами по фонетике и интонации английского языка, а также языкам сомали и кикуйя.

Бронислав Малиновский (1884–1942) – британский антрополог польского происхождения, основоположник Функциональной школы в антропологии и социологии, – отрицал возможность изучения прошлого, основываясь на пережитках, сохранившихся в современных культурах. Он считал, что обычаи и ритуалы не менее важны в настоящем. На первый план исследователь выдвигал чувства и мотивы людей, которые имеют решающее значение для понимания динамики развития общества. Исследователь придавал большое значение полевой работе и считал, что понять мировоззрение аборигенов можно, находясь рядом с ними в течении продолжительного времени.

Именно на занятиях у Малиновского произошло первое открытое столкновение Дж. Кениаты и Л. Лики: они оказались по разные стороны баррикад в дебатах по поводу женского обрезания (они начались еще в 1929 г.). Колониальные власти, поддерживаемые медиками и протестантскими церквями, требовали запрета ритуала и процедуры, а Центральная ассоциация кикуйю считала, что это нанесет ущерб обычаям Кении. На семинаре Малиновского в ноябре 1935 г., посвящённом традиции клитородэктомии у кикуйю, выступление Кениаты, на котором присутствовал Лики, вызвало бурную перепалку, начавшуюся на английском и, набирая обороты, закончившуюся на языке кикуйю [5].

Конфликт обострился еще и из-за отказа Малиновского, поддерживать заявку Лики на создание Восточноафриканского научно-исследовательского института, охватывающего все области исследований, от антропологии до геологии, включая археологию, палеонтологию, зоологию и т. д., который он предложил основать в Кении. Позднее профессор довольно резко высмеял претензии Луиса на звание антрополога под предлогом того, что тот свободно говорил на языке кикуйю: «С таким же успехом он мог бы поручить изучение конституционной истории или экономической организации своей собственной страны лондонскому таксисту». А заявка Кениаты на стипендию Международного института африканских языков и культур (ИАЛС), созданного в Лондоне в 1926 г., была им одобрена. В итоге Л. Лики удалось получить грант Фонда С. Родса (Rhodes Trust) на проведение антропологических исследований кикуйю, что обеспечило ему финансовую поддержку и позволило вернуться в Кению [5].

Знакомство Л. Лики и Дж. Кениаты не ограничивалось научными дискуссиями. В 1936 г. Л. Лики, несмотря на наличие двоих

детей, развелся со своей первой женой и женился на Мэри Никол. Позднее та вспоминала, что Кениата оказался невольным свидетелем их бурно развивающегося романа, случайно столкнувшись с будущими супругами во время их тайного свидания в Блумсбери [6, р. 112]. Примечательно, что свидетелем на свадьбе Луиса и Мэри был близкий друг Луиса Питер Койнедж, сын вождя племени кикуйю, студент Кембриджа. Позднее супруги Лики окончательно переселились в Африку и продолжили раскопки в Олдувайском ущелье [2, р. 141].

В 1937 г. Кениата защитил магистерскую диссертацию, а в 1938 г. опубликовал ее в виде монографии «Лицом к горе Кения» («*Facing Mount Kenya*»), в которой описывал историю и культуру кикуйю. На обложке книги был изображен автор в традиционной одежде, кожаном плаще через плечо и с копьем в руках. Книга впервые была опубликована под именем Джомо Кениата (в буквальном переводе с кикуйю: Джомо – «пылающее копье»; Кениата – «свет Кении»). В ней автор продвигал идею о том, что традиционное общество имело гораздо большую сплоченность и целостность, нежели та, что насаждалась европейцами в условиях колониализма, а права личности должны были быть принесены в жертву интересам группы.

Кениата продолжал поддерживать практику женского обрезания, преуменьшая ее опасность для здоровья женщин [7, р. 143–147]. Он писал: «Настоящий аргумент заключается не в защите хирургической операции или ее деталей, а в понимании очень важного факта племенной психологии кикуйю, а именно того, что эта операция до сих пор рассматривается как сама суть учреждения, которое имеет огромные образовательные, социальные, моральные и религиозные последствия. В настоящее время член племени не может себе представить инициацию без клиторидэктомии. Поэтому упразднение хирургического элемента означает для кикуйю упразднение всего института. Клиторидектомия, подобно еврейскому обрезанию, – всего лишь телесное увечье, которое, однако, считается неотъемлемой частью племенного права, религии и морали. Инициация обоих полов – важнейший обычай среди племени кикуйю. Она рассматривается как решающий фактор в обретении мальчиком или девочкой статуса мужчины или женщины [7, р. 133].

Кениата считал юридическую отмену контрпродуктивной и утверждал, что церкви должны сосредоточиться на искоренении

подобных практик путем просвещения людей, информирования их о вредном воздействии на здоровье женщин. Примечательно, что в итоге Кениата за свои взгляды был отлучен от церкви Шотландии, в которой принял крещение [3, р. 114].

Б. Малиновский, утверждавший, что «антропология начинается дома», высоко оценил исследование Дж. Кениаты. В предисловии монографии он писал: «Это один из первых действительно компетентных и поучительных вкладов в африканскую этнографию учёного чисто африканского происхождения» [8, р. XIII–XIV]. Однако он не удержался от критики своего студента за «немного слишком большую <...> европейскую предвзятость», а также не совсем корректное употребление терминов «церковь», «государство» и «суверенитет» применительно к народу кикуйя. Он особенно возражал против сравнения человека, проводившего обрезание, с «хирургом с Харли-стрит» [8, р. XI–XII].

Л. Лики к изданию отнесся критически, посчитав, что многие важные аспекты жизни кикуйю были затронуты поверхностно или вообще отсутствовали [1, р. 77]. Сам Луис подошел к делу со всей серьезностью, обратился за помощью к вождю Койнеджу, который организовал его встречу со старейшинами кикуйя. Луис объяснил им цели и причины исследования. В частности, сказал, что это будет полезно для их молодежи, которая учит английский, уезжает в Европу, теряет связь с предками, но впоследствии обязательно захочет узнать о своих корнях. Любопытно, что он сравнивал образ жизни кикуйя с обычаями британцев времен Цезаря, причем говорил, что источников о жизни бриттов почти не сохранилось, а он хочет написать правдивую книгу о жизни кикуйю, которая будет интересна последующим поколениям [1, р. 77]. Луис потратил много лет на написание работы. Она была издана только в 1977 г., после его смерти [9, 10, 11]. В ней он рассматривал антропологию в её культурном аспекте как расширение археологии и физической антропологии.

Дж. Кениата, ученик Малиновского и «детрайбализированный» кикуйю, и Л. Лики, «белый кикуйю», противостояли друг другу в своих работах, создавая интертекстуальность, раскрывающую напряжение между антропологией и политикой, редко наблюдаемое в колониальных условиях. По мнению французской исследовательницы А.-М. Петрик, косвенно высказанный антиколониализм работы

Дж. Кениаты весьма реален. Сам факт существования такого научного труда, написанного африканцем, уже является проявлением антиколониальных идей и настроений. Доказательством служит методичное описание общества кикуйю, противоречащее представлениям, разделяемым колонизаторами, об анархии и варварстве примитивных «дикарей». Позиция же Лики как палеонтолога и археолога, привела к продолжающейся практически до наших дней ассимиляции культурной антропологии или этнологии с археологией и палеоантропологией, вплоть до путаницы между древними Номо и современными *Homo sapiens sapiens* регионов Африки [5], что противоречило концепции социальной антропологии Б. Малиновского и было одной из причин его негативного отношения к исследованиям Лики.

В конце 1930-х гг. британское правительство предложило Луису работу в разведке, и он согласился. В ходе путешествий по стране он собирал информацию, фиксировал разговоры на политические темы. В сентябре 1939 г., когда Британия вступила в войну, Л. Лики был призван в африканскую разведывательную службу, где его главной задачей стало снабжать и вооружать эфиопских партизан, сражающихся против итальянцев. Луис создал тайную сеть, используя своих друзей детства среди кикуйю, проводил допросы, анализировал почерк, писал сценарии для радиопередач и регулярно вел полицейские расследования [1, р. 124–127]. Археологические исследования тоже продолжались. Их с Мэри жизнь представляла собой смесь работы в полиции и археологии. Забавно, что в проведении раскопок им помогала группа итальянских экспертов, набранных из числа военнопленных, условно-досрочно освобожденных для этой цели [1, р. 159–160].

В 1945 г. доход семьи от работы в полиции практически сошёл на нет. К этому времени Луису поступало множество предложений о работе, но он решил остаться в Кении в качестве куратора Кориндонского музея – будущего Национального музея Кении – и продолжить палеоантропологические исследования. В 1947 г. он организовал в Найроби первую крупную конференцию – «Первый панафриканский конгресс по доисторическим и четвертичным исследованиям». Его больше не воспринимали как чужака в колониальном обществе, но он оставался «профессиональным другом африканцев», твёрдо верившим в необходимость отстаивать свою точку зрения [5].

Дж. Кениата в военных действиях участия не принимал, годы войны провел в Британии, работая на ферме. Он продолжал литературную деятельность, написал роман «Магия белого человека», вымышленную автобиографию африканца по имени Кэндзиму (уменьшительное от Кениата), который так и не был издан [5], и две брошюры. Первая – «Мой народ кикуйю и жизнь вождя Вангомбе» (1942 г.) – была посвящена политическим институтам кикуйю, переходу от исчезающей системы поколений к вождеству, не свойственному племени, но необходимому в современных условиях [12]. Вторая работа: «Кения: земля конфликта» (1944 г.) – политический памфлет антиколониальной направленности, призывающий к реформам и автономии [13]. В 1946 г. Кениата вернулся в Кению, а в 1947 г. возглавил Союз африканцев Кении.

После войны напряженность между кикуйю и белым населением возросла. По словам Ричарда Лики, одной из причин была несправедливость в распределении наград: африканцы, воевавшие в рядах британской армии, получили ничтожную плату, а белые – значительные финансовые льготы [4, р. 11]. Луис в этой ситуации выступал за золотую середину в отношениях. Позднее он напишет: «Я искал личной беседы с губернатором, надеясь заставить его осознать, что продолжать следовать принципам старого колониального режима больше невозможно. С колониальными властями и высокопоставленными государственными служащими нелегко спорить; и, конечно, я не был популярен из-за моей критики колониальной службы. Если бы удалось заставить правительство открыть глаза на реалии ситуации, я считаю, что событий, о которых говорят как о «восстании Мау-Мау», никогда бы не произошло» [1, р. 237]. По словам М. Лики, движение Мау-Мау было насильственной стороной справедливой борьбы кикуйю за независимость [6, р. 111].

В октябре 1952 г. в стране было объявлено чрезвычайное положение, Мау-Мау стали организовывать нападения на фермы, принадлежащие белым и африканцам, поддерживавшим колониальный режим. Жизнь Л. Лики оказалась под угрозой, за его голову была назначена награда. Супруги вынуждены были постоянно носить при себе оружие, в их доме круглосуточно находилась охрана. Была сломана машина Лики, только чудом им удалось избежать гибели. Повстанцы жестоко убили пожилого кузена Луиса Грея Лики и его

жену, которые доверяли своим соседям-кикуйю и не считали нужным носить оружие и запирались в доме [6, р.112]. По иронии судьбы многие участники движения Мау-Мау были «кровными братьями» Луиса, членами возрастной группы Муканда, вместе с которыми он проходил инициацию.

В том же году Дж. Кениата был арестован как один из лидеров восстания. Луис был приглашен в качестве судебного переводчика, но отказался от него после конфликта с адвокатом по поводу правильного перевода ряда используемых слов. Луиса обвинили в неправильном переводе из-за предвзятого отношения к обвиняемому. По словам М. Лики, он принес больше пользы обвинению, чем защите. Позднее он участвовал в переводе документов, писем и политических памфлетов, изъятых в доме Кениаты. Правительство надеялось, что там будут материалы о связях Джомо и повстанцев, но властям удалось найти лишь «туманные ссылки» [6, р. 111]. Из-за отсутствия доказательств связи с Мау-Мау, Кениата был признан виновным, но приговорен не к смертной казни, а 7 годам заключения. Он полностью отбыл срок и был сослан в город Маралал на севере Кении.

В этом конфликте Луис играл сложную и противоречивую роль. С одной стороны, он встал на сторону белых поселенцев, выступая в качестве офицера разведки, помогая выслеживать повстанцев, с другой – продолжал защищать кикуйю в своих книгах: «Мау-мау и кикуйя» (1952 г.) [14] и «Победа над Мау-Мау» (1954 г.) [15] – и многочисленных выступлениях и статьях. Он рекомендовал создать многорасовое правительство, провести земельную реформу в горных районах, обеспечить повышение заработной платы кикуйю; большинство из его предложений в конечном итоге были приняты в период президентства Дж. Кениаты. Примечательно, что практику прикладную антропологию, Лики, утверждавший, что клятвы, используемые повстанцами для вербовки сторонников, являются извращением традиции и следствием многочисленных ограничений, налагаемых на африканцев, которыми воспользовались недобросовестные политики, чем он фактически вдохновил политику реабилитации принявших присягу Мау-Мау [5].

Чрезвычайное положение продлилось до 1960 г. Луис утверждал, что восстание будет продолжаться до освобождения Кениаты, так и произошло [6, р. 112]. В марте 1960 г. Дж. Кениата был заоч-

но избран президентом Национального союза африканцев Кении (КАНУ). В 1961 г., после того как правительство Великобритании согласилось предоставить своей колонии самоуправление, Кениата вернулся из ссылки и официально занял пост президента Национального союза. С апреля 1962 по май 1963 гг. он занимал пост министра по делам конституции и экономического планирования в коалиционном правительстве Кении. После победы КАНУ на первых всеобщих выборах в мае 1963 г. Кениата сформировал правительство самоуправления, став, таким образом, первым премьер-министром Кении. 1 июня 1963 г. Кения получила внутренне самоуправление, а 12 декабря 1963 г. Дж. Кениата спустил флаг Великобритании, сделав Кению независимым государством [3, р. 308].

Первый президент Кении не высказывал открытого негодования по поводу действий Л. Лики во время восстания Мау-Мау. «Забудь и прости» стало девизом «Мвигвитании» («Примирителя») [5]. В отличие от ряда других африканских стран, в Кении после обретения независимости, не произошло массового исхода белого населения. По словам Р. Лики, дружеские отношения между отцом и Кениатой были восстановлены. Луис получил кенийское гражданство. Еще в 1961 г. он оставил пост директора Кориндонского музея и организовал свой Центр древнейшей истории и палеонтологии. В 1966 г. Кениата пригласил Лики на встречу с эфиопским императором Хайле Селасси, во время его визита в Кению. В итоге была организована международная экспедиция по поиску палеоантропологических древностей в Эфиопии, в состав которой вошел сын Луиса Ричард [4, р.85].

После смерти Луиса в 1973 г. Джомо помог Мэри организовать похороны и прислал лично от себя венок в знак уважения и привязанности к старому другу [6, р. 160].

Так складывались отношения между двумя выдающимися и одновременно чрезвычайно разными по происхождению, образу жизни, стилю мышления людьми, которых, тем не менее, нельзя назвать антагонистами. Их союз сформировался в ходе соперничества и дискуссий в процессе археологических и антропологических практик, в борьбе за независимость Кении и стремлением сохранить ее историю и культуру.

Примечания

1. Leakey L.S. *By the Evidens. Memoirs, 1932-1951*. N.-Y.& L.: Harcourt Brace Jovanovich, 1974. 276 p.
2. Спиридонова Е. В. С любовью к Африке (династия палеоантропологов Лики) // *Источниковедение истории Африки и диаспоры. Сборник материалов по итогам Всероссийской конференции с международным участием*. Ярославль: ЯрГУ, 2016. С. 138-154.
3. Murray-Brown J. *Kenyatta*. L.: George Allen&Unwin, 1979. 381 p.
4. Leakey R.E. *One life. An Autobiography*. Salem: New Hampshire, 1984. 207 p.
5. Peatrik A.-M. Rivalidades e diálogos em torno da etnografia malinowskiana de Jomo Kenyatta. 2020 // *Berose. Encyclopédie internationale des histoires de l'anthropologie* / <https://www.berose.fr/article1806.html?lang=fr> (accessed: 28.08.2025)
6. Leakey M. *Disclosing the Past*. Garden City, N.-Y.: Doubleday, 1984. 224 p.
7. Kenyatta J. *Facing Mount Kenya. The Tribal Life of the Gikuyu*. L.: Mercury books, 1962. 339 p.
8. Malinowsky B. *Introduction* // Kenyatta J. *Facing Mount Kenya. The Tribal Life of the Gikuyu*. London: Mercury books. 1962. P. VII-XIV pp.
9. Leakey L.S. *The Southern Kikuyu before 1903*. V.1. L., N.-Y. & San Francisco: Academic Press, 1977. 509 p.
10. Leakey L.S. *The Southern Kikuyu before 1903*. V.2. L., N.-Y. & San Francisco: Academic Press, 1977. 511 p.
11. Leakey L.S. *The Southern Kikuyu before 1903*. V.3. L., N.-Y. & San Francisco: Academic Press, 1977. 349 p.
12. Kenyatta J. *My people of Kikuyu and the life of Chief Wangombe*. L.: United Society for Christian Literature, 1942. 62 p.
13. Kenyatta J. *Kenya the land of conflict*. Manchester: Panaf Service Ltd, 1944. 23 p.
14. Leakey L.S. *Mau Mau and the Kikuyu*. L.: Methuen and Co. Ltd., 1952. 115 p.
15. Leakey L.S. *Defeating Mau Mau*. L.: Methuen and Co. Ltd., 1954. 152 c.

Е. В. Спиридонова

**У истоков африканской палеоантропологии:
Камоя Кимеу (1938–2022)**

Аннотация. Статья посвящена истории первого кенийского палеоантролога – Камои Кимеу. Он начал работу под руководством Луиса и Мэри Лики и продолжил в экспедиции их сына Ричарда. Рассматривается его научная карьера от простого рабочего до помощника начальника экспедиции и руководителя одного из отрядов. Камоя Кимеу стал первым палеоантропологом африканского происхождения, чьи заслуги были признаны зарубежными исследователями.

Ключевые слова: Лики, Кимеу, Кения, палеоантропология, антропогенез.

E. V. Spiridonova

**At the Origins of the African Paleoanthropology:
Kamoya Kimeu (1938–2022)**

Abstract. The article is dedicated to the history of the first Kenyan paleoanthropologist – Kamoya Kimeu. He began his work under the leadership of Louis and Mary Leakey and continued in the expedition of their son Richard. His scientific career is considered from a simple worker to assistant to the expedition leader and leader of one of the teams. Kamoya Kimeu became the first paleoanthropologist of African origin, whose merits were recognized outside of Africa.

Keywords: Leakey, Kimeu, Kenya, paleoanthropology, anthropogenesis.

Антропологические исследования в Африке ведутся с начала XX века. Долгое время исследователями были преимущественно европейцы, преимущественно англичане. Одним из первых и наиболее известных кенийских археологов и палеоантропологов стал Камоя Кимеу. Он родился около 1938 г. (точную дату он и сам не знал) в деревне на юге Кении. Его мать звали Филомена Мвелу: она тоже не помнила точную дату рождения сына. Отец Кимеу Мбалу был

Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

© Спиридонова Е. В., 2026

пастухом, пас коз. В юности Камоя 6 лет посещал миссионерскую школу, но не завершил учебу, начав пасти коз. Его родным языком был кикамба, но он знал суахили и английский, что очень пригодилось ему в дальнейшем [1].

Переломным моментом в судьбе Кимеу стала встреча с известным антропологом Луисом Лики в 1959 г., который набирал рабочих в экспедицию. Во время собеседования, Луис Лики говорил на беглом языке кикуйю, похожем на кикамба, что первоначально и побудило Кимеу работать с его командой. Камоя вспоминал: «Мы тогда не знали о костях гоминидов, что такие вещи существуют. Я думал, что мы приехали раскапывать могилы мертвых людей». В его племени, как и у многих других народов, прикосновение к мертвым считалось табу и ассоциировалось с колдовством. Л. Лики с энтузиазмом описывал их будущую работу, чем завоевал доверие Кимеу, который вспоминал: «Я видел, что этот мзунга не был похож на других; он разговаривал с нами, как с людьми, а я был просто молодым человеком, любящим приключения, жаждущим путешествовать и открывать для себя что-то новое» [2].

Когда Камоя Кимеу сказал матери, что нашел работу искателя окаменелостей, она испугалась, что он навлечет проклятие на себя и свою семью. Но, подстегиваемый любопытством к «выкапывание человеческих костей», Кимеу рискнул и, размышляя в 1959 г. об этом своем подростковом решении, относил его к, возможно, «лучшим преступлением, которое он когда-либо совершил» [3].

Когда Мэри Лики стала Директором раскопок в Олдувае, она предпочла нанимать в качестве рабочих людей из племени камба. Исследовательница обратила внимание на сложную резьбу по дереву, которой славилось племя, и посчитала, что они обладают необходимым потенциалом для овладения навыками сложной работы, требующей усердия, терпения, осторожности и внимательности. Камоя Кимеу был живым воплощением обозначенных ею качеств. Кроме того, он владел навыкам «выживания», умел находить воду и еду, «читать землю» [2]. Знания ландшафта оказались бесценными для палеоантропологических исследований.

Луис Лики познакомил юношу с основами палеонтологии и рассказал об эволюции человека, а Мэри обучила его методам раскопок. «В конце каждого дня, когда я искал ископаемые кости, я садился

с Луисом Лики, и он учил меня определять, какие кости принадлежат какому животному и как определить, принадлежат ли они гоминидам, и кем были люди, которые привели нас к нам», — рассказывал Камоя в интервью журналу «New African Magazine» в 2000 г. «Я спросил: “Как вы их находите?” Он ответил: “Это просто удача. Мы можем их найти”. Тогда я очень старался. Я был очень заинтересован, и я начал их находить» [2]. Каждая кость тщательно маркировалась, и Кимеу вскоре тоже научился отличить одно животное от другого.

В 1963 г. Камоя присоединился к экспедиции под руководством Ричарда Лики, сына Мэри и Луиса, который продолжил дело родителей. Позднее Ричард писал, что «Кимеу был тогда самым младшим членом команды, но его общество мне нравилось. С тех пор он стал одним из моих самых близких друзей и главной движущей силой в организации моего проекта на озере Туркан» [4, p.72].

Ричард Лики отмечал невероятный талант Кимеу в поиске древностей: «Для некоторых наших коллег, неопытных в поиске окаменелостей, есть что-то почти магическое в том, как Камоя или кто-то из его команды может подняться по склону, который, на первый взгляд, усыпан только галькой, и подобрать небольшой фрагмент черной окаменелой кости, объявляя, что это, скажем, часть верхней передней конечности антилопы. Это не магия, а бесценное накопление навыков и знаний» [2].

В январе 1964 г. на участке Пениндж около озера Натрон в Танзании Кимеу, работая с Ричардом Лики и Глинном Айзеком, нашел целую нижнюю челюсть *Paranthropus boisei*¹. Ричард писал, что это была первая известная на тот момент нижняя челюсть восточноафриканского парантропа, ранее известного только по находкам М. Лики в 1959 г. в Олдувайском ущелье [4, p.73].

Примечательно, что сам Камоя придавал своим умениям несколько мистический смысл: в одном из интервью он говорил, что на самом деле разговаривает с предками на воображаемом языке кикощва и они говорят ему, где найти окаменелости [2]. Вскоре он стал правой рукой Р. Лики, взяв на себя управление полевыми работами в его отсутствие. В лагере он соседствовал с Ричардом и другими

¹ KNM Peninj 160 // Антропогенез. URL: <https://antropogenez.ru/fossil/255/> (дата обращения: 12.09.2025)

учеными за «управленческим столом». Его команда получила шуточное прозвище «Банда гоминид» и сделала немало весьма значимых открытий в области палеонтологии и археологии [2].

В 1967 г., во время экспедиции с Ричардом в долину Омо в Эфиопии, Кимеу обнаружил ранний череп *Homo sapiens*, жившего около 130 тыс. лет назад. Открытие имело важное значение: никто не предполагал, что возраст *Homo sapiens* может быть таким древним. Ранее большинство антропологов считали, что люди современного антропологического типа появился примерно 60 тыс. лет назад [4, р. 91–92], хотя трактовки находок пресапиенсов и *Homo helmei*² могут быть разными.

В 1973 г. в Кооби-Фора Камоья Кимеу обнаружил новую окаменелость, KNM-ER 1813, Homo с относительно небольшой черепной коробкой. Этот грацильный гоминид напоминал ранее открытых в Южной Африке *Australopithecus africanus*. Открытие подтвердило, что, по крайней мере, один вид *Homo* и два вида австралопитеков жили рядом 1–3 миллиона лет назад. Ричард посчитал, что это была окаменелость *Homo habilis*, что стало предметом горячих споров, но в конечном итоге его точка зрения возобладала³.

Р. Лики в автобиографии описывал немало опасных ситуаций, в которые они попадали вместе с Кимеу и другими членами экспедиции: бегство от крокодила в перегруженной лодке, заползавшие в хижину кобры, безуспешные попытки отобрать у львов добычу, когда в лагере не хватало мяса, и столкновения с вооруженными бандитами... [4, р. 89, 117, 137, 164]. Палеоантропологические исследования в Африке в 1960–70-е гг. были делом весьма опасным, без умений и навыков местных жителей зарубежным исследователям было не обойтись.

Африканцы далеко не всегда получали официальное признание от тех, чья научная карьера зависела от их открытий. Камоья Кимеу был одним из первых, кто получил признание научной общественности.

Туре Серлинг из Университета штата Юта вспоминал о событиях 1971 г.: «В течение трех месяцев мы составляли геологическую карту Илерета, в то время как Камоья руководил командой по сбору

² Омо: пре-палеоантропы / Omo Kibish // Антропогенез. URL: <https://antropogenez.ru/location/204/>(дата обращения: 12.09.2025)

³ *Homo habilis* KNM-ER 1813 // African Fossils. URL: <https://africanfossils.org/hominids/knmer-1813?o=1> (accessed: 12.09.2025)

окаменелостей в тех же районах; Р. Лики привозил почту и немного свежей еды на самолете каждые две-три недели. Руководство Камой имело решающее значение для нашей большой группы: 10 сотрудников музея, собирающих окаменелости, 8 европейских и американских ученых, работающих над 4 различными проектами, 2 сотрудника лагеря. Мы ели вместе, смеялись вместе, вместе копали русла высохших рек в поисках пресной воды, вместе приносили дрова, вместе чинили шины, вместе ремонтировали Ленд Ровер, вместе плавали (осторожно из-за крокодилов!). Это было отличное введение в то, как должен управляться полевой лагерь. Я не помню никаких разногласий между членами, я приписываю это лидерству Камой» [5]. В 1977 г. Камеу стал куратором доисторических мест Национального музея Кении, продолжая работать в поле [2].

Вероятно, самым известным ископаемым открытием Кимеу был почти полный скелет архантропа, обозначенный как KNM-WT 15000, но известный в палеоантропологических кругах как Турканский мальчик или мальчик Нариокотоме. В 1984 г. Р. Лики и Алан Уокер проводили исследования на озере Туркан в Кении. Кимеу с двумя коллегами шел по руслу высохшей реки Нариокотоме и буквально наткнулся на фрагмент черепа. Несмотря на приближающуюся песчаную бурю, начали копать. Чтобы ничего не повредить, исследователи работали вязальными спицами и акварельными кисточками, что позволило извлечь находку в целости. Рядом обнаружили другие кости неизвестного гоминида. «Как он нашел это, – написал Уокер, – я никогда не узнаю» [2]. Кимеу позвонил Ричарду по радиации и рассказал о своей находке, предположив, что это может быть часть черепа *Homo erectus*. Ричард прибыл быстро, подтвердив предположение Кимеу⁴. Это стало первым скелетом архантропа и самым полным скелетом со времен Люси (*Australopithecus afarensis*). Находка представляла собой останки мальчика 10-12 лет, жившего около 1,5 млн. лет назад. Сейчас палеонтологи классифицируют останки как *Homo ergaster*⁵.

⁴ *Homo erectus* KNMWT 15000 // African Fossils. URL: <https://africanfossils.org/hominids/knmwt-15000-c?o=1> (accessed: 12.09.2025)

⁵ Нариокотоме III / Nariokotome III // Антропогенез. URL: <https://antropogenez.ru/location/76/> (дата обращения: 12.09.2025)

Спустя год, в 1985 г. Кимеу примерно в 60 милях от Нариокото-ме нашел череп нового гоминоида, жившего около 17 млн лет назад. Он обладал особенной – длинной – мордой и не был похож на известные к тому времени виды ископаемых обезьян. Ему дали название *Turkanopithecus kalakolensis*⁶.

Во время одной из последних экспедиций в 1994 г., работая с Мив Лики в Канапои на юго-западе Турканы, Кимеу нашел фрагменты берцовой кости *Australopithecus anamensis*⁷, жившего более 4 млн лет.

Большинство палеоантропологов проводят в экспедициях не так много времени: это только часть исследовательской деятельности, что связано с финансированием раскопок и причинами личного характера. В отличие от них Камоя Кимеу посвятил полевым работам практически всю свою сознательную жизнь. За полвека работы он нашел не менее 50 окаменелостей. Его вклад сыграл решающую роль в расширении палеонтологической летописи эволюции человека в Восточной Африке, особенно в Великой рифтовой долине, регионе, известном как колыбель человечества. При этом Камеу был в первую очередь практиком. Его фамилия редко встречается в научных публикациях, в большинстве своем его находки были описаны и опубликованы Ричардом и Мив Лики и другими исследователями.

Кэрол Уорд, профессор анатомии из Университета Миссури, описывала Кимеу как «легенду <...> ответственную за некоторые из самых значительных ископаемых находок, которые сформировали наше понимание эволюционного прошлого» [1].

В 1985 г. Рональд Рейган вручил ему медаль Джона Оливера Ла Гроса Национального географического общества. Эта престижная награда присуждается за «достижения в области географических исследований, или в науке, или за государственную службу по укреплению международного взаимопонимания». Президент Национального географического общества Гилберт Гросвенор писал: «Благодаря его работе наши предшественники из далекого прошлого начали

⁶ *Turkanopithecus kalakolensis* KNMWK 16950 // African Fossils. URL: <https://africanfossils.org/hominids/knmwk-16950?width=400&height=250&inline=true> (accessed: 12.09.2025)

⁷ *Australopithecus anamensis* // African Fossils. URL: <https://africanfossils.org/hominids/knmkp-29285-b?o=1> (accessed: 12.09.2025)

говорить не только на языке кикочва, но и на языке всего человечества» [2]. Помимо медали, Камоя Кимеу был приглашен в полностью оплаченный тур по США, в конце которого ему было выдано 10 тыс. долларов. Вспоминая о своем визите в Белый дом, Камоя говорил: «Даже сегодня это чувство все еще совершенно неопишимо». «[Рейган] сказал мне, что отложил встречу в ООН только для того, чтобы встретиться со мной. Это было <...> очень почетно со стороны такого могущественного лидера» [3].

В 1990-х гг. Камоя замедлил темпы деятельности, хотя продолжил консультировать экспедиции и совершать выезды на полевые работы вплоть до 2000-х, возможно, в надежде сделать еще одну находку.

В 2021 г. Камоя Кимеу была присуждена почетная степень доктора наук в Университете Западного Резерва (CWRU). Из-за ограничений, связанных с эпидемией коронавируса, церемония прошла в онлайн-режиме в Найроби. Диплом доктора наук вручил своему старому другу Р. Лики [6].

Для многих исследователей африканского происхождения Кимеу стал примером для подражания. Его достижения в области антропологии открыли дорогу многим африканцам. Исаяя Ненго (Институт бассейна Туркана и Университет Стоуни-Брук) писал: «Как чернокожий кениец-первопроходец в палеоантропологии Камоя был для меня образцом для подражания. Он поддерживал мое желание продолжить научную карьеру на том критически раннем этапе, в стране, где не было никого, похожего на меня, на кого можно было бы равняться. Камоя был моим первым инструктором по основам палеонтологических полевых исследований. Я до сих пор помню, как он терпеливо учил меня читать ландшафт и отличать древние горные породы от недавних отложений, передавая свои знания студентам и молодым коллегам, только начинающим работать в полевых условиях» [5]. В интервью «The East African» Ненго сказал: «Знания и самоотверженные усилия местных африканских полевых специалистов, таких как Камоя, в области палеонтологии и приматологии сыграли решающую роль во многих значимых научных прорывах, достигнутых в этих дисциплинах» [7]. Кимеу обучил десятки кенийских археологов и антропологов, так что сегодня многие из лучших исследователей африканского являются его учениками или учениками его учеников.

Деятельность Кимеу вдохновляла и его коллег за рубежом. Патрисия Принсхаус (Университет Западного Резерва, США) вспоминала, что деятельность Камоя вдохновляла ее с детства. Она видела в нем «образец исследователя, способного обнаружить важные окаменелости по мельчайшим подсказкам» [5].

Камоя Кимеу умер от пневмонии и почечной недостаточности 20 июля 2022 г. в Найроби. Он считал, что ему было около 84 лет. У него остались жена Мэри Камоя Мбики, сыновья Стивен Кимеу, Бонифас Кимеу, Джон Килонзо и Николас Макау, дочери Хасинта Сёкау и Дженнифер Камоя, а также пятеро внуков [1].

В честь исследователя были названы два вида ископаемых приматов: *Kamoyapithecus hamiltoni* и *Cercopithecoides kimeui* [7]. *Камойяпитек* жил в Африке во второй половине олигоценового периода, приблизительно 24,2–27,5 млн лет назад. В 1980 г. останки камойяпитека отнесли к роду проконсулов, но в 1995 году Ричард Лики выделил окаменелости в новый род *Kamoyapithecus*. Сравнение зубов и челюстей камойяпитека показало его сходство с афропитеком, проконсулом и моротопитеком, однако, фрагментарность находок пока не дает однозначного ответа на вопрос, был ли камойяпитек одним из предков человека [8]. *Cercopithecoides*, вымерший род обезьян-коLOBУсов из Африки, живших с конца миоцена до плейстоцена, самый крупный из них: *Cercopithecoides kimeui*, был так назван Мив Лики в 1982 г. на основе ископаемых останков, найденных при участии Камой Кимеу в Кении и Танзании [9].

Дело Камоя Кимеу и Ричарда Лики, скончавшегося в январе 2022 г., продолжили их дети. Луиза Лики, дочь Ричарда, стала создателем и директором проекта «Leakey Journeys and Expeditions (LJE)», который ставит своей целью углубить понимание происхождения человечества и помочь сохранить общее наследие через образовательную деятельность, исследования и путешествия. Сотрудники проекта проводят занятия по доисторической истории в кенийских школах, организуют археологические экспедиции, осуществляют подготовку молодых исследователей. Руководителем отдела образования и связей с общественностью проекта стала Джениффер Камоя, дочь Камоя Кимеу; она возглавляет образовательную программу в кенийских школах, вдохновляя новое поколение ученых-исследователей.

Примечания

1. Risen C. Kamoya Kimeu, Fossil-Hunting 'Legend' in East Africa, Is Dead // The New York Times. Aug. 11, 2022.
2. Broderick C. Fossil Finders: Kamoya Kimeu // The Leakey Foundation / URL: <https://leakeyfoundation.org/fossil-finders-kamoya-kimeu/> (accessed: 12.09.2025)
3. Some K. Kenya: Peasant with no formal schooling becomes paleontologist célèbre // The Christian Science Monitor. Dec. 01, 2009 / URL: <https://www.csmonitor.com/World/Global-News/2009/1201/kenya-peasant-with-no-formal-schooling-becomes-paleontologist-celebre> (accessed: 12.09.2025)
4. Leakey R.E. One life. An Autobiography. Salem: New Hampshire, 1984. 207 p.
5. Guest Book: Well wishes from Kamoya's many fans // Case Western Reserve University / URL: <https://origins.case.edu/kamoya/> (accessed: 12.09.2025)
6. Kamoya // Case Western Reserve University / URL: <https://origins.case.edu/kamoya/> (accessed: 12.09.2025)
7. Winter L. Famed "Turkana Boy" Discoverer Kamoya Kimeu Dies // The Scientist. Aug. 19, 2022 / URL: <https://www.the-scientist.com/famed-paleontologist-turkana-boy-discoverer-kamoya-kimeu-ies-70396> (accessed: 12.09.2025)
8. Дробышевский С. Древнейшая маргышкообразная обезьяна и древнейшая человекообразная обезьяна, или Oldest monkey, oldest ape // Антропогенез / URL: <https://antropogenez.ru/single-news/article/308/> (дата обращения: 12.09.2025)
9. Leakey M. Extinct Large Colobines from thr Plio-Pleistocene of Africa // American Journal of Physical Anthropology. Band 58. №. 2. 1982. P. 153–172.

УДК 94(6) + 930

Н. Е. Хохолькова

«Африканская» история Африки: опыты создания нарратива

Аннотация. Статья посвящена анализу исторических нарративов, созданных исследователями африканского происхождения. В центре внимания автора фундаментальный и широко известный проект «Всеобщая история Африки», реализуемый при поддержке ЮНЕСКО, а также одна из его эманаций – «Афри-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00439, <https://rscf.ru/project/25-28-00439/> / The study was realized with support of the Russian Science Foundation (Project #25-28-00439, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00439/>)

© Хохолькова Н. Е., 2026

канская история Африки» (2024) Зейнаб Бадави. Особое внимание уделено процессам деколонизации, африканизации и индигенизации науки и образования.

Ключевые слова: Африка, история, историография, афроцентризм, индигенизация.

N. Khokholkova

The «African» History of Africa: Experiments In Narrative Creation

Abstract. The article analyzes historical narratives created by scholars of African descent. The author focuses on the fundamental and widely known UNESCO-supported project “General History of Africa”, as well as one of its emanations, Zeinab Badawi’s “An African History of Africa” (2024). Particular attention is paid to the processes of decolonization, Africanization, and indigenization of research and education.

Keywords: Africa, history, historiography, Afrocentrism, indigenization.

Как жить так, чтобы не поглощать жизни других людей, не превращать их в талисманы, объекты восхищения простые термины в логике доминирующей культуры?

Теджу Коул «Тремор» [Цит. по: 1]

Поиск новых подходов к изучению и трансляции истории африканского континента не теряет актуальности со второй половины XX в. и по сей день. Причиной тому служит укоренившийся в массовом сознании и вызывающий немалое возмущение африканцев стереотипизированный образ Африки, которая предстает то *terra nullius*, то *terra incognita*.

Формирование подобных мифов и стереотипов объяснимо – легитимация колониализма требовала объективации подконтрольных метрополиям территорий и всего, что с ними связано. Их устойчивость продиктована сохраняющимися асимметриями власти и эффективностью колониальной пропаганды. Самим фактом достижения независимости страны и народы Африки обрели право на субъектность в мировом историческом процессе, однако, оно до сих пор не реализовано в полной мере.

На преодоление эпистемологической несправедливости направлены взаимосвязанные, но не тождественные процессы деколонизации, африканизации и индигенизации знания.

Под «африканизацией» науки и образования обычно понимают процесс преобразования научной и образовательной среды с учетом ценностей и потребностей африканских обществ. Представленное определение носит обобщенный и нейтральный характер. Однако сам процесс может иметь разную степень интенсивности как во временной, так и в пространственной перспективе, и в зависимости от нее коррелировать с целым спектром понятий от «деколонизации» до «позитивной дискриминации». Процесс африканизации может быть направлен как на науку (понятийно-категориальный аппарат, теории, концепции, методологии), так и на образование (программы, преподавательский штат, студенческий контингент).

Начиная со второй половины XX в. процесс африканизации (как и синонимичный ему процесс деколонизации) развивается в двух измерениях, фундаментальном и институциональном, теоретическом и практическом. Следует отметить, что деколонизация и африканизация научной инфраструктуры, выразившаяся в постепенной замене преподавательского контингента и создании профессиональных объединений африканских исследователей (самым известным из которых стала КОДЕСРИА) и преподавателей опережали деколонизацию и африканизацию науки как таковой [2].

Создание новых нарративов и методических рекомендаций, отражающих «африканскую точку зрения» на исторические процессы, требовало времени и значительных усилий и было сопряжено с целым рядом узловых проблем и вызовов. К их числу относились: необходимость формирования и/или уточнения понятийно-категориального аппарата, разработка периодизаций, поиск новых верифицированных источников и методов работы с ними. К конструированию альтернативного евроцентричному «гранд-нарратива» подключились крупные международные организации, научно-исследовательские учреждения и отдельные исследователи-энтузиасты.

Одним из самых ранних и самых известных проектов, предлагающих обновленную версию прошлого континента, стала «Всеобщая история Африки», издаваемая при поддержке ЮНЕСКО [3]. Старт инициативе был дан в 1964 г., в эпоху обретения независимости африканскими государствами. К реализации проекта в первые три десятилетия его работы были привлечены более 550 специалистов из стран Африки, в числе которых историки Жозеф Ки-Зербо (Буркина-Фасо,

1922–2006), Шейх Анта Диоп (Сенегал, 1923–1986), Джибриль Там-сир Ньяне (Гвинея, 1932–2021), Бетвелл Огот (Кения, 1929–2025), Али Мазруи (Кения–США, 1933–2014) и другие. Первые восемь томов охватывали период от древности до начала 1990 г. В 2009 г. Африканский союз призвал продолжить выпуск серии и отразить в последующих томах проблемы новейшей истории. В октябре 2025 г. состоялась презентация еще двух томов, посвященных историографии истории Африки и истории глобальной африканской диаспоры [3]. Основываясь на материалах многотомного издания, сотрудники ЮНЕСКО разработали методические материалы для учителей из стран Африки [4] и видео игру «Африканские герои» [5].

«Всеобщая история Африки» с момента опубликования первых томов и по сей день вызывает как восторженные, так и критические отзывы. Авторы проекта хвалят за комплексный подход и демонстрацию многообразия континента и упрекают за использование евроцентричных терминов и подходов. Стремления растиражировать материалы многотомника, как и реакции на его несовершенство нередко выливаются в создание новых работ.

Африканцы и представители африканских диаспор неоднократно инициировали написание подлинной «африканской» истории Африки. Примером могут служить «Африканские истоки цивилизации. Миф или реальность» Ш.А. Диопа [6], «Африканцы и их история» американского профессора Джозефа Харриса [7], «История Африки» кенийского исследователя Ассы Окота [8], «История Африки» нигерийско-американского историка Тоина Фалолы [9] и т. д. Нередко такие работы тяготеют к афроцентризму.

Одну из наиболее тенденциозных версий истории континента и диаспоры изложил главный идеолог современного афроцентризма М. К. Асанте на страницах книги «История Африки: поиски вечной гармонии» (2007г.) [10], переизданной в начале 2015 г. [11]. В ней были отражены идеи афроцентризма и взгляды автора на теорию мировых цивилизаций, роль и миссию африканцев, перспективы развития континента и диаспоры. В данной монографии автор предлагает читателям позитивную историю – это история достижений и побед, изложенная профессиональным оратором.

Методология исследования – в полной мере ее вряд ли можно назвать научной – эклектична. М. К. Асанте, предлагая альтернатив-

ный взгляд на историю («с африканской точки зрения»), имплицитно для самого себя действует в рамках концепции ориентализма, обоснованной Э. Саидом, и как филолог и специалист в области массовых коммуникаций придает большое значение изучению географических названий, имен, речей, легенд и песен. М. К. Асанте полагает, что «черные американцы – в значительной степени люди устной традиции, как их африканские предки» [12, р. X], и, следовательно, при написании истории тех и других необходимо учитывать данный факт и применять методы лингвистического анализа. В качестве основного метода М. К. Асанте провозгласил принцип хронологической последовательности. Названия глав его книги соответствуют семи выделенным периодам: «Время пробуждения», «Эпоха грамотности», «Период претворения идеи в жизнь», «Эпоха строительства», «Время хаоса», «Период возрождения», «Время объединиться» [10, р. VII–VIII].

Теоретик афроцентризма сравнивает историю Африки с популярной на континенте игрой «Манкала» («игра в зерна»), суть которой заключается в заполнении зернами чаш, расположенных на доске таким образом, чтобы большинство чаш соперника остались пустыми. Подобно тому, как зерна перемещаются по доске, «история движется по континенту» [10, р. 106].

Стратегию «блуждания по континенту» в поисках смыслообразующих исторических сюжетов избрала для себя и Зейнаб Бадави, автор самой новой на данный момент и максимально дистанцированной от разного рода «центризмов» версии африканской истории. Будучи британским журналистом суданского происхождения, многократно посещавшим страны Африки, и президентом Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета, хорошо знакомым с историографическими тенденциями, в 2024 г. З. Бадави предложила своего рода трибьют – нарратив, призванный отдать дань уважения «Всеобщей истории Африки» (ЮНЕСКО) [13].

Основным мотивом для создания работы стало преодоление европоцентристских установок или, как выразилась автор, устранение «миопии¹ пост-империалистического образования» [13, р.2].

И автором, и рецензентами книга неоднократно позиционировалась как «обновленный корректирующий нарратив» [1]. За весьма

¹ Офтальмологический термин, обозначающий близорукость.

амбициозным названием скрывается не комплексное историческое повествование, но «панорамный обзор» [13, р. 456], охвативший разные периоды времени (от появления *Homo sapiens* до обретения африканскими государствами независимости) и репрезентующий «африканское видение» истории. Согласно словам З. Бадави, «Всеобщая история Африки» стала «источником вдохновения и компасом» [13, р. 5]. Автор не только апеллировала к материалам многотомника, но и попыталась воспроизвести используемые при его написании подходы, представив в каждой главе комментарий эксперта. Канву африканской истории, в ее представлении, целесообразно создавать коллективным усилием. В основу «Африканской истории Африки» легли беседы с кенийским палеоантропологом Ричардом Лики (1944–2022), танзанийским археологом Аудаксом Мабуллой, зимбабвийским писателем и исследователем культуры Патисой Ньяти² (1951–2024) и многими другими. З. Бадави предложила человечеству (именно так она видит свою целевую аудиторию, поскольку «каждый родом из Африки» [13, р. I]) полифоничный нарратив, балансирующий между тенденциями деколонизации, африканизации и индигенизации.

В последние десятилетия тренд на децентрализацию и девестернизацию гуманитарных и, в частности африканских исследований, сохраняется и даже актуализируется. Однако в то же время вполне отчетливо наметился дрейф от африканизации к индигенизации. Сегодня об индигенных системах знания говорят деколониальный теоретик Сабело Ндлову-Гатшени³, нигерийский философ Адешина Афолаян и нигерийско-американские исследователи Тоин Фалола и Чика Эсиобу. По-

² Профессиональную принадлежность П. Ньяти сложно определить однозначно. В зимбабвийских источниках его предпочитают позиционировать как «народного историка», «публичного историка», «историка-самоучку». Одним из наиболее известных его проектов стал Международный центр культурного наследия Амагугу, открытый в Булавайо в 2012 г. и ориентированный на сохранение материальных и нематериальных ценностей местных сообществ.

³ С. Ндлову-Гатшени родился на юго-западе современной Зимбабве. Его семья относилась к этническому меньшинству, говорящему на ндебеле и подвергнутому дискриминации. Ученый идентифицирует себя как уроженец Матабеленда – исторической области между реками Лимпопо и Замбези, заселенной народом матабеле.

следняя, автор книги «Индигенное знание и образование в Африке» [14] позиционирующая себя как «публичный интеллектуал», по собственному признанию «посвятила свою жизнь изучению африканских систем знания» [15]. Она полагает, что задача преобразования академической среды на всех уровнях остается одной из важнейших, поскольку лишь ее решение позволит сократить разрыв между реальностью, в которой пребывают африканцы и образованием, которое они получают.

В 2017 г. в своем выступлении на площадке TED (Аруша, Танзания) исследователь, в настоящее время являющаяся советником ООН по делам Африки, указала на то, что даже такие стандартизированные простейшие системы репрезентации знаний как алфавит не приспособлены для африканцев. В качестве иллюстрации она привела пример из жизни, рассказав, как в одном из восточноафриканских городов она купила плакат с алфавитом. Потом подробно его рассмотрев, она поняла, что не хочет показывать его своему ребенку. Препятствием в изучении выглядела самая первая буква: “А” – “Apple”. По мнению Ч. Эсибу, обучение, которое должно готовить ребенка к взаимодействию с окружающей реальностью и стимулировать мотивацию к познанию, не может целиком и полностью опираться на абстракции и заимствованные конструкции. А именно так и воспринимается многими африканцами яблоко – яблони никогда не росли на континенте в естественной среде.

В своих выступлениях и публикациях Ч. Эсибу не формирует исторический нарратив напрямую. Однако косвенно, затрагивая сюжеты прошлого и анализируя способы их интерпретации, она предлагает новые паттерны осмысления историко-культурных процессов. Одним из примеров размышлений на историческую тематику являются ее замечания относительно европейских географических открытий в Африке. По мнению специалиста, европейская «монополия на репрезентации» [16] оказывает значительное влияние на самоощущение и самоактуализацию африканцев: «На уроках истории меня учили, что реку Нигер открыл шотландский исследователь Мунго Парк⁴. И вот, это меня обеспокоило. Мои прапрадедушка и прабабушка выросли совсем рядом с берегом реки Нигер, и кому-то понадобилось проехаться

⁴ Мунго Парк (1771–1806) – шотландский хирург, путешественник и исследователь Западной Африки (прим. автора).

тысячи миль от Европы, чтобы открыть реку протекающую прямо у кого-то под носом? <...> Мне выпала честь присутствовать на переговорах о предоставлении кредита одной африканской стране. Как вы знаете, со мной из Вашингтона (округ Колумбия) приехали в основном евро-американцы. И я посмотрела через стол на своих африканских братьев и сестер. Я видела на их лицах выражение страха. Они не верили, что им есть что предложить праправнукам Мунго Парка ...Они просто сидели и смотрели. “О, просто дайте нам, дайте нам подписать. Вы владеете знаниями. Вы все это знаете. Просто скажите, где нам расписаться? Покажите нам, давайте подпишем”. У них не было права голоса. Они не верили в себя» [17].

В отличие от многих своих предшественников и коллег-современников Ч. Эсиобу не ограничилась возмущениями по поводу «парадигмы открытия Африки». Значительная часть ее усилий была и остается направленной на поиск и актуализацию традиционных африканских практикоориентированных знаний, имеющих потенциал и значение в современных условиях. Большинство приведенных Ч. Эсиобу примеров относится к сфере сельского хозяйства, медицины, ветеринарии и экологии. Но исследователь указывала и на возможность использования ряда аутентичных практик в деле формирования стратегий устойчивого развития африканских обществ, в их числе были названы традиционные практики саморегуляции общества (институционализованные санкции и ограничения, в том числе мотивированные религией и верой в сверхъестественное, институты народов группы акан, асафо), традиционные судебные практики (суды гачача, работавшие с 2002 по 2012 и вынесшие значительное количество оправдательных приговоров – 25 %), традиционные философские системы и морально-нравственные нормы (например, Убунту⁵) [17].

Многие концепты, озвученные Ч.Эсиобу и ее коллегами, идеализируются (иногда вполне намеренно). Однако подход современных исследователей во многом изменился. В отличие от своих предшественников, тяготевших к афроцентризму, подразумевавших под африканизацией радикальную смену культурных и научных парадигм

⁵ Убунту (в переводе с зулу и ряда других языков группы банту «человечность») – африканская философская система и этическое учение, воплощенное в формуле «я существую, потому что мы существуем».

и предпочитавших индукции дедукцию, такие ученые как З. Бадави, Ч. Эсиобу, С. Ндлову-Гатшени, А. Афолаян, будучи сторонниками постепенной и нетотальной африканизации, предпринимают попытку движения от частного к общему – путем отбора традиционных элементов и обоснования их ценности, они формируют систему аутентичных знаний, которая в дальнейшем может стать основой обновленной картины мира.

* * *

«Нельзя написать историю Африки, можно написать лишь одну из версий истории Африки» [10, р. 1] – утверждал на страницах введения своей книги М. К. Асанте. Его слова стоит рассматривать не как заявление в защиту от возможных критических замечаний, а скорее как признание непреходящей сложности создания единого нарратива в условиях множества разнородных культурно-исторических контекстов, в границах которых существовала и продолжает существовать Африка. Появление «африканских» историй Африки не решает проблему комплексной и объективной репрезентации событий прошлого, но ставит под сомнение саму необходимость создания «всеобщего нарратива», свидетельствуя о возможном переходе от универсальной парадигмы к плюриверсальной.

Примечания

1. Chigudu S. An African History of Africa by Zeinab Badawi review – an insider’s take // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2024/apr/12/an-african-history-of-africa-by-zeinab-badawi-review-an-insiders-take> (accessed: 17.10.2025).

2. Хохолькова Н. Е. Деколонизация африканских исследований: теоретическое и практическое измерения. Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 3. С. 32–43.

3. General History of Africa. The collection. URL: <https://www.unesco.org/en/general-history-africa> (accessed: 17.10.2025).

4. Mainstreaming the General History of Africa into education systems: the curriculum pathway. UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/mainstreaming-general-history-africa-education-systems-curriculum-pathway> (accessed: 17.10.2025).

5. ‘African Heroes’- UNESCO & NETINFO Unveil Innovative Video Game Celebrating African History. 13 August 2024. URL: <https://www.unesco.org/en/news/african-heroes>

org/en/articles/african-heroes-unesco-netinfo-unveil-innovative-video-game-celebrating-african-history (accessed: 25.05.2025).

6. Diop Ch.A. *The African Origin of Civilization. Myth or Reality*. N.-Y. & Westport: Lawrence Hill & Company, 1974. 317 p.

7. Harris J.E. *Africans and Their History*. N.-Y.: New American Library, 1987. 302 p.

8. Okoth A. *A History of Africa*. Vol. 1-2. Nairobi: East African Publishers, 2006.

9. Falola T. Stapleton T. *A History of Africa*. L.: Oxford University Press, 2021. 704 p.

10. Asante M.K. *The History of Africa: The Quest for Eternal Harmony*. N.-Y.: Routledge, 2007. 397 p.

11. Asante M.K. *The History of Africa: The Quest for Eternal Harmony*. N.-Y.: Routledge, 2015. 399 p.

12. *Language, communication, and Rhetoric in Black America* / ed. by A. L. Smith. N.-Y.: Harper & Row, 1972. 388 p.

13. Badawi Z. *An African History of Africa. From the Dawn of Humanity to Independence*. L.: WH Allen, 2024. 544 p.

14. Ezeanya-Esiobu C. *Indigenous Knowledge and Education in Africa*. Singapore: Springer Singapore, 2020. 115 p.

15. Chika Esiobu. Official Website. URL: <https://www.chikaforafrica.com> (accessed:25.05.2025).

16. Vázquez R. Towards a decolonial critique of modernity. Buen vivir, relationality and the task of listening // *Capital, Poverty, Development, Denktraditionen Im Dialog: Studien Zur Befreiung Und Interkulturalitat*. 2012 Vol.33. P. 241–252.

17. Chika Ezeanya-Esiobu at TEDglobal (2017) *How Africa Can Use Its Traditional Knowledge to Make Progress*. URL:https://www.ted.com/talks/chika_esiobu_how_africa_can_use_its_traditional_knowledge_to_make_progress (accessed: 25.05.2025).

Э. Г. Цветков

Деятельность Агентства США по международному развитию (USAID) в Тропической Африке в 1960-е гг.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности USAID – Агентства США по международному развитию в странах Африки в 1960-е годы как одного из основных инструментов реализации политики «мягкой силы» США.

Ключевые слова: Африка, Агентство США по международному развитию (USAID), мягкая сила, помощь.

E. G. Tsvetkov

USAID's Activities in Tropical Africa in the 1960s

Abstract. The article examines some aspects of the activities of USAID, the U.S. Agency for International Development, in African countries in the 1960s as one of the main tools for implementing the U.S. soft power policy.

Keywords: Africa, USAID, soft power, aid.

В конце 1950-х гг. Тропическая Африка стала пространством глобальной конкуренции не только между старыми, но и новыми игроками, такими как СССР и США: шло активное расширение присутствия и влияния США в бывших африканских колониях в рамках геополитического и идеологического противостояния с СССР. В этих условиях Агентство США по международному развитию (USAID) стало одним из ключевых инструментов осуществления внешней политики США в Тропической Африке.

Вызывает интерес применение «мягкой силы» в качестве дипломатического инструмента по укреплению позиций США в регионе и, одновременно, по противодействию укреплению советского влияния. Усиление экономического присутствия США в регионе и активизация гуманитарных инициатив реализовывались через различные

механизмы помощи: финансовые инвестиции, развитие инфраструктуры, техническая поддержка, образование, медицина, помощь с продовольствием и т. д. Выгода от этой помощи была прежде всего в потенциале долгосрочного системного влияния на политические, экономические и социальные процессы в африканских странах.

В 1960-е гг. в Тропической Африке шел интенсивный процесс деколонизации. Это было время кардинальных политических, экономических, социальных трансформаций – формировалась новая Африка. Африканские государства столкнулись с огромным количеством разнообразных проблем. Международная поддержка не была лишней.

Создание USAID было обусловлено комплексом стратегических и идеологических факторов в условиях послевоенного развития, деколонизации Африки и Холодной войны. 3 ноября 1961 г. президент США Д. Ф. Кеннеди подписал Закон о зарубежной помощи, цель которого заключалась в координации существующих военных и гуманитарных программ помощи, которые оказывали США по всему миру. В результате появилось USAID, которое поглотило Управление международного сотрудничества (ICA) и его кредитное подразделение – Фонд займов на цели развития (DLF), взяло в свои руки распределение ресурсов по программе «Продовольствие во имя мира» и некоторые функции Экспортно-импортного банка США (Ex-Im Bank).

За более чем полувековую историю менялись и приоритеты в деятельности USAID. В 1960-е гг. Агентство сосредоточило усилия преимущественно на технической и финансовой помощи развивающимся странам. В 1970–1990-е гг. больше внимания стало уделяться удовлетворению базовых потребностей человека, вопросам медицины и образования. В начале XXI века приоритет сместился ближе к проблемам устойчивого политического и социально-экономического развития, а также восстановления территорий после войн и вооруженных конфликтов.

Основное внимание USAID было направлено на страны Африки, Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки. С момента появления до 1979 г. USAID напрямую подчинялось Государственному департаменту. В 1979 г. USAID было переподчинено Агентству по международному сотрудничеству в целях развития (IDCA) и находилось в его составе до 1998 г., с 1998 по 2025 гг. USAID существовало как самостоятельная единица. Однако независимо от формального

статуса USAID всегда контролировалось Государственным департаментом и финансировалось из бюджета, что делало его инструментом систематизации и координации всей государственной политики помощи США развивающимся странам.

Для деятельности USAID в 1960–1970-е гг. имело огромное значение не только высокое потенциальное влияние СССР на страны Африки, но и сохраняющееся большое реальное влияние Европы – бывших метрополий. В это время вопросы, касающиеся деятельности USAID в Африке решались внутри общего европейско-африканского бюро! [1].

Внешняя политика США была естественным образом ориентирована на укрепление глобальной гегемонии. «Мягкой силе» отводилась одна из ключевых ролей в этом процессе. Программы и проекты, реализуемые USAID, должны были непрерывно формировать позитивный образ и имидж США в странах Африки прежде всего через реальную, осязаемую помощь, которая непосредственно и положительно сказывалась на жизни людей и стран. В то время доминирующего афрооптимизма такой подход полностью совпадал с интересами правящих кругов любой африканской страны, для которых целью была полная социально-экономическая самодостаточность. Среди всего многообразия помощи, следует выделить несколько приоритетных направлений:

1. Инфраструктурные проекты (энергетика, транспорт, портовые мощности), способные стать опорой для других отраслей экономики и повысить качество жизни;

2. Комплексная помощь в сельскохозяйственном секторе (техника, аграрная инфраструктура, методики) с целью обеспечить продовольственную безопасность, снять зависимость от натуральных форм ведения сельского хозяйства и импорта;

3. Содействие развитию медицины для борьбы с инфекционными заболеваниями, внедрения гигиены и профилактики, повышения уровня медико-санитарных услуг и охвата ими населения;

4. Содействие развитию образования от школьного до профессионального, особенно в сельской местности, для формирования и развития человеческого капитала.

Объективные и субъективные факторы существенно отягчали деятельность USAID. К объективным можно отнести техническую и технологическую отсталость в производстве и сельском хозяй-

стве африканских стран, отсутствие инфраструктуры, опыта управления, дефицит кадров. Сложности были естественным следствием колониального периода. Другим препятствием стала ««молодость» политических режимов», которые могли испытывать сложности с обеспечением стабильности, что нередко перерастало в конфликты, в т. ч. вооруженные. В подобных обстоятельствах реализация программ помощи и содействия либо сокращалась, либо приостанавливалась на некоторое время. Нельзя не отметить и бытовавшее в некоторых странах восприятие иностранной помощи как вмешательства во внутренние дела, что порождало недоверие, проволочки и снижение эффективности самой помощи.

К субъективным факторам можно отнести незнание африканских реалий, недостаточный учет локальных климатических, исторических, этнических, религиозных и культурных особенностей, что приводило к ошибкам: предвзятости, социальной избирательности, непрозрачные схемы распределения или нецелевое использование средств, увязывание оказания помощи с выполнением тех или иных политических условий, что нередко приводило к слабым и неэффективным результатам. По той причине, что политика «мягкой силы» имела существенные недостатки, время от времени ставились под сомнение и целесообразность самой помощи.

Одним из критиков политики «помощи» был сенатор-демократ от штата Луизиана, глава влиятельного Сенатского комитета по сельскому хозяйству в 1955–1971 гг. и глава Сенатского комитета по ассигнованиям в 1971–1972 гг. Аллен Джозеф Эллендер (1890–1972 гг.). Обзор содержания его критических замечаний свидетельствует о наличии недостатков в реализации помощи США странам Африки. Позиция А. Дж. Эллендера посетившего в конце 1962 г. 32 африканских государств и территорий базируется на тезисе, что обретение некоторыми колониями независимости и наличие ресурсов в Африке не может считаться достаточным основанием для оказания континенту масштабной экономической помощи, и США должны взвешенно и прагматично подходить к этому вопросу. Свой скепсис в отношении расширения связей с Африкой и объема оказания ей различного рода помощи, сенатор объяснял тем, что африканские территории продолжали находиться под прямым контролем европейских стран, фактически сохраняя свой колониальный статус или оставаясь

в теснейшей связи с бывшими метрополиями, что видно на примере Франции, которая сохранила позиции в большей части бывших колоний, в том числе и контроль над финансовой системой стран Французской Западной и Экваториальной Африки [2].

По мысли А. Дж. Эллендера, оптимизацию расходов в Африке можно было реализовать за счет существенного сокращения административного персонала дипломатических миссий, представительств Агентства по международному развитию (USAID) и Информационного агентства США (USIA). По мнению сенатора, деятельность USAID и USIA требовала больших расходов, но была мало эффективна [2]. К таким выводам он пришел на второй год работы USIAD! Сенатор выступал против всего того, что обеспечивало превосходство в мировом масштабе. Все, на чем акцентировал внимание Эллендер в ходе противоборства в период Холодной войны, в конце концов, и обеспечивало превосходство той или иной стороны на какое-то время, пока существовал СССР.

Критическая оценка А. Дж. Эллендера послужила стимулом к более тщательному учету местных условий при разработке проектов помощи в Африке, что проявилось позднее в большей адаптивности и учёте особенностей стран и регионов, а также в сосредоточении внимания на базовых вопросах медицины, образования и инфраструктуры.

На примере реализации советской и американской политики в Гвинее (Конакри) хорошо видны тактические и стратегические подходы сторон в конкуренции за политическое влияние. Каждая сторона была ориентирована на внедрение, закрепление и поддержание собственных именно ей политических практик, принципов функционирования экономики, распространение своей идеологии и сдерживанию друг друга. В условиях деколонизации Гвинеи (Конакри) активизация политики США была стремительной [3, л. 22]. Посольство США было открыто в Конакри 13 февраля 1959 г. 4 июня 1959 г. в опубликованном Белым домом коммюнике содержалось приглашение для Президента Гвинеи Ахмеда Секу Туре посетить США, и оно было принято. Гвинейская сторона объявила, что Секу Туре прибудет в Вашингтон 26 октября 1959 г. с 10-дневным визитом [3, л. 22]. После согласия гвинейского лидера в июне же 1959 г. США передали в дар Гвинее 5 тыс. тонн риса и 3 тыс. тонн муки [3, л. 22].

США придерживались тактики множества «мелких» дел, ориентированных прежде всего на осязаемые результаты, деятельность USAID после 1962 г. стала более гибкой. Гвинея в 1964 г. закупила у США 1000 тонн хлопка по льготной цене [4, л. 76-81], в 1965 г. при содействии USAID получила заем на развитие гражданской авиации на 1,1 млн. долларов под 4 % на остаток на 8,5 лет для развития внутреннего авиасообщения силами авиакомпании «Пан Американ», которая направила в Гвинею 30 летчиков и техников [5, л. 82-86].

Скорость реализации некоторых проектов была высокой. США и Гвинея договорились о строительстве сети небольших дизельных электростанций в Конакри, Канкане, Лаббе, Маму, Боке и т.д. Соглашение о них было подписано 9 декабря 1964 г., уже 8 марта 1965 г. в Конакри прибыли 12 американских специалистов, а 20 апреля 1965 г. состоялся ввод в эксплуатацию электростанций [6, л. 47-53А]. На реализацию всего проекта ушло менее пяти месяцев. 30 июля 1965 г. было подписано соглашение об электрификации 4 городов Гвинеи (Канкан, Боке, Гауля, Сигири) [7, л. 116]. Усилия сторон, в конце концов, привели к установлению гибкого геополитического баланса до конца 1980-х гг.

В результате реализации политики «мягкой силы» в африканских странах довольно быстро стали наступать изменения. Их характер был противоречивым. Объективно улучшилась санитарная ситуация и вырос уровень образования, особенно школьного, стала появляться необходимая инфраструктура. «Мягкая сила» не решила всех имеющихся проблем, но позитивные результаты имелись. Скорее положительным следствием можно считать и общее укрепление молодых политических режимов, которым в 1960-е гг. было достаточно тяжело существовать и решать многочисленные проблемы деколонизации. Одновременно усиливались и не очень демократические режимы, склонные к авторитаризму и диктатуре. К негативным последствиям политики помощи можно отнести складывающуюся зависимость от внешней помощи и подпитку коррупции.

USAID в рамках Холодной войны превратилась в гибкий инструмент достижения внешнеполитических целей и политического влияния. Опыт деятельности USAID в странах Африки в 1960-е гг. показывает, насколько важен для эффективной международной помощи адаптивный подход, основанный на знании своего контрагента.

Примечания

1. Records of the Agency for International Development (RG 286) // URL: <https://www.archives.gov/research/foreign-policy/related-records/rg-286> (accessed: 17.05.2025)

2. A report on United States foreign operation in Africa by Honorable Allen J. Ellender, United States Senator from the State of Louisiana. U.S. Government Printing Office. Washington. 1963. P. 1025-1837.

3. АВП РФ. Ф. 575. Оп. 2. П. 1. Д. 8. Л. 22. Гвинейская республика (краткая справка). Составители: сотрудники Посольства СССР в Гвинее, 11 августа 1959 г.

4. РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 647. Л. 76-81. Информация о первой сессии Национального совета Революции с 7 по 11 июня, составленная старшим экономистом Иваненко / Письмо и.о. советника по экономическим вопросам посольства СССР в Гвинее начальнику отдела ГКЭС СССР по экономическому сотрудничеству со странами Западной Африки и Латинской Америки от 8 июля 1965 г. // Справки и информации о состоянии экономики и строительстве объектов в Гвинее, об внешнеэкономических связях и копии законодательных актов. 18 февраля-20 декабря 1965 г.

5. РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 647. Л. 82-86. Копия контракта Гвинее и АИД от 23 апреля 1965 г. / Письмо и.о. советника по экономическим вопросам при Посольстве СССР в Гвинее начальнику отдела ГКЭС СССР по экономическому сотрудничеству со странами Западной Африки и Латинской Америки Черткову Д. Г. и начальнику отдела цен и номенклатуры Сергеева П.Н. 25 августа 1965 г. // Справки и информации о состоянии экономики и строительстве объектов в Гвинее, об внешнеэкономических связях и копии законодательных актов. 18 февраля-20 декабря 1965 г.

6. РГАЭ. Ф. 365. Оп.2. Д. 2870. Л. 47-53А. Письмо и.о. советника по экономическим вопросам советского посольства в Гвинее Зайцева А. начальнику отдела ГКЭС СССР по экономическому сотрудничеству со странами Западной Африки и Латинской Америки Черткову Д. Г. от 10 июня 1965 года // Справки и информации о состоянии экономики и строительстве объектов в Гвинее, об внешнеэкономических связях и копии законодательных актов (18 февраля-20 декабря 1965 г.).

7. РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2891. Л. 116. Справка о строительстве промышленных и гражданских объектов по 7 летнему плану при содействии социалистических и капиталистических государств (по состоянию на 1 июня 1966) года // Отчеты и информации советских специалистов об оказании технического содействия Гвинее за 1965 и 1966 гг. (27 января-30 декабря 1966 г.).

А. И. Яковлев

**Языковые средства выражения ценностных ориентаций политика раннего периода независимой Ганы в области образования
(на примере двух публичных выступлений К. Нкрумы «*Flower of Learning*»)**

Аннотация. В статье рассматриваются речи Кваме Нкрумы «*Flower of Learning*» с целью выявления лингвостилистических средств передачи ценностных ориентаций политика в публичном выступлении. Анализ текстов демонстрирует, как особенности синтаксической организации текста позволяют автору оказать воздействие на слушателя, а развёрнутые тропы дают возможность аргументировать точку зрения с целью передачи идеи о практикоориентированности системы высшего образования и её роли в становлении единого африканского общества.

Ключевые слова: лингвоаксиология, лингвостилистика, лингвистика текста, публицистический стиль, публичные выступления, ценностные ориентации, система образования, постколониализм.

A. I. Yakovlev

Linguistic Means of Expressing the Value System of an Early Independent Ghanaian Politician Regarding the System of Education in the Country (based on two speeches by K. Nkrumah «*Flower of Learning*»)

Abstract. The article presents the results of the analysis of two public speeches «*Flower of Learning*» by Kwame Nkrumah in order to expose the

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Ярославскому государственному педагогическому университету им. К. Д. Ушинского на 2025 год от Минпросвещения РФ по теме «Аксиологические основы формирования ценностных ориентаций студентов в рамках международной академической мобильности в системах высшего образования России и Западной Африки (Гана, Кот-д'Ивуар)» (номер реестровой записи 720000Ф.99.1.БН62АБ84000).

© Яковлев А. И., 2026

stylistic means which help the speaker express his system of values regarding higher education in postcolonial Ghana. Text analysis demonstrates how the syntax of the speeches enables the author to influence the recipient's opinion, and how lexical expressive means allow the speaker to provide necessary arguments to support the idea of practice-based education for the sake of the creation of the unified African society.

Keywords: linguistic axiology, stylistics, text linguistics, public speech, functional styles, value system, education system, postcolonial studies.

Кваме Нкрума, первый руководитель независимой Ганы, был не только выдающимся политиком, но и идеологом создания в государстве уникальной образовательной системы, которая отвечала бы запросам деколонизированного африканского общества. Ещё обучаясь в США, К. Нкрума познакомился с философскими идеями Маркуса Гарви, представителя американской ветви панафриканизма. Основной посыл гарвеизма ярко выражен в лозунге *“Back to Africa”*: афроамериканские сторонники политического деятеля полагали, что им необходимо вернуться на историческую землю, чтобы строить там новое независимое общество. Идеи М. Гарви завоевали популярность в 1920-е гг. XX века. Тем не менее, им не удалось воплотиться в жизнь: в начале и середине XX века Африка по-прежнему была под контролем колониальных держав, которые не желали терять одну из крупных сфер своего влияния [1, с. 36].

В автобиографии К. Нкрума утверждал, что работа М. Гарви «Философия и мнения Маркуса Гарви», опубликованная в 1922 г., наряду с трудами Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса, В. И. Ленина и Дж. Мадзини, дала ему ответы на вопросы о функционировании общественных организаций для окончательного решения колониального вопроса по возвращении на родину [2, p. 45].

Обратившись к Законодательному собранию 5 марта 1957 г., К. Нкрума описывал проблемы существовавшей на тот момент системы образования. Сложившись в XIX веке, она была непосредственно связана с христианскими миссиями и распространением колониального влияния. Её главной целью было возвращение человеческих ресурсов, которые обеспечивали бы функционирование колониального бюрократического аппарата. Такие институты приводили к возникновению привилегированного меньшинства, придерживавшегося евроцентричных взглядов, опиравшегося на ценности и идеалы ко-

лониальных держав. Подобные педагогические практики не отвечали непосредственным потребностям и стремлениям тех социальных групп, на которые они были нацелены [3, р. 9].

К. Нкрума предполагал ориентированность высших образовательных учреждений на решение конкретных проблем, с которыми сталкивались получившие независимость государства Тропической Африки. Как один из идеологов panaфриканизма, он видел возможность прогресса во взаимодействии между государствами, строительстве прочных и надёжных связей в рамках Африканского континента. Именно эти ценностные ориентации прослеживаются в речах К. Нкрумы, произнесённых по случаю его назначения канцлером двух высших учебных заведений страны: Университета Ганы (25 ноября 1961 г.) и Университета науки и технологий им. К. Нкрумы (29 ноября 1961 г.). Эти обращения к публике, произнесённые с разницей в четыре дня, были опубликованы в качестве брошюры в 1962 г. и на сегодняшний день известны под названием «*Flower of Learning*» [4, р. 138–147; 151–157].

Исследователи системы функциональных стилей обычно относят публичные выступления к ораторскому стилю – разновидности публицистического стиля английского языка. Рассматривая основные функции публицистики на примере газетных статей, М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева и В. А. Салимовский отмечают информационную, заключающуюся в необходимости сообщить о свежих новостях, и популяризаторскую, реализующуюся в объяснении научных открытий, описании новинок техники, а также анализе существующих политических и социально-экономических проблем. Публицистический стиль всегда подразумевает определённое воздействие на читателя – экспрессивная функция публицистики основывается на направленности на мировоззрение реципиента, убеждении его в правильности авторской позиции и таким образом создании общественного мнения; экспрессивность подразумевает открытую оценочность и рекламность, выражающиеся в публицистических текстах при помощи стилистических инноваций [5, с. 342–347]. Другой исследователь в области лингвистики текста Н. С. Болотнова предлагает при анализе текстов публицистического стиля обращать внимание на их документальную точность, с одной стороны, и экспрессивность – с другой. Массовый характер коммуникации в рамках функционального стиля подразумевает владение автором широким арсеналом средств выразительности, но их применение должно

быть более сдержанным и ограниченным по сравнению с художественной литературой [6, с. 72–73].

Рассматривая особенности ораторской речи, И. Р. Гальперин отмечает её принадлежность к письменному типу, так как любому публичному выступлению должна предшествовать тщательная подготовка. Вместе с тем, сами условия публичных выступлений подразумевают широкое использование различных средств выразительности с целью привлечения внимания слушателя к содержанию речи. Исследователь отмечает большую роль антитез, анафорических и синонимических повторов, фигур нарастания, параллельных конструкций, риторических вопросов. Для представления аргументов ораторы могут прибегать к лексическим средствам выразительности – так называемым тропам, но их образное содержание должно быть легко воспринимаемым, «трафаретным», ведь восприятие свежих образов подразумевает медленную и продолжительную работу с текстом, что недопустимо в рамках устного общения с аудиторией. Если же создаётся свежий образ, то сравнение или метафора должны быть более развёрнутыми для облегчения процесса понимания слушателем. В ораторской речи допускается использование аллюзий, а также подразумевается наличие особых штампов и форм вежливости – обращения к аудитории, благодарности за внимание [7; с. 413–420].

Почти все особенности ораторской речи, отмеченные И. Р. Гальпериным, используются в речах К. Нкрумы «*Flowers of Learning*» с целью передачи ценностных ориентаций и убеждения слушателя в незыблемости идеалов политика. В самом начале первой речи К. Нкрума апеллировал к разрушительному опыту колониальной системы образования, используя лексические и синонимические повторы: «... *the colonial order <...> the colonial powers <...> colonial institutions...*». Повтор сопровождался понятной аудитории аллюзией – К. Нкрума называет образовательные учреждения прошлого башнями из слоновой кости: «*We have denounced these institutions as ivory towers...*». Эта библейская аллюзия служит маркером автоинтертекстуальности – она появляется и во второй речи К. Нкрумы, прочитанной пятью днями позднее: «*The ivory tower concept of the university is dead (and may it rest in peace!)*». Во втором случае значение библеизма становится более эксплицитным и экспрессивным

за счёт использования фигуры олицетворения: К. Нкрума считает концепцию колониальных университетов мёртвой и оторванной от реальности и тем самым создаёт образ прошлого, которое должно быть забыто, если университеты страны намерены развиваться автономно и суверенно. Хотя в речах «*Flower of Learning*» не было обнаружено риторических вопросов, оратор использует восклицание, которое сопровождает другую аллюзию – крылатое выражение *rest in peace*, помещённое в конструкцию с субьюнктивом, что не только придаёт речи дополнительную экспрессивность, но и позволяет поставить акцент на идее окончательной завершенности колониального образовательного опыта, что было особенно актуально в первые годы существования независимой Ганы. Оратор не исключал важности накопленного опыта и уважительно относится к тем учёным, которые заложили основы Университета Ганы ещё в колониальную эпоху; эта идея находит своё отражение в анафорическом повторе: «***We are grateful to the men and women whose work and sacrifices have made this university possible. We are grateful to them and shall ever remember their contributions to the higher education in Ghana***». Повтор сопровождается фигурой нарастания: говоря о важности опыта, полученного предыдущими поколениями преподавателей и научных работников, К. Нкрума говорит не только о его важности для университета, но и для всей системы высшего образования в стране.

Анафорические и эпифорические повторы позволяют оратору апеллировать к интеллектуальному потенциалу африканских исследователей, намеренно подавляемому колониальными державами: «... *the intellectual capacity of the African* <...> *the academic and cultural life of the African* <...> *Africans capable of repeating the whole of the Koran from memory, Africans versed in Latin, Greek, Hebrew, Arabic and Chaldaic, celebrated Africans who were corresponding members of the Academies of Science of Europe and America*». В первом случае К. Нкрума использовал субстантивированное прилагательное с целью обобщения всего опыта Африканского континента; во втором – троекратный повтор существительного *Africans* во множественном числе с добавлением эпитета сопровождает фигуру нарастания, в рамках которой описывается культурное многообразие опыта: при помощи метонимических перифразов описываются христианская и исламская традиции, а также передовой научный опыт.

В первой речи моментальный лексический повтор – эпизевкис – позволил К. Нкруме поставить акцент на основополагающей идее panaфриканизма – взаимодействию между молодыми африканскими государствами: «*All Africa is moving **closer and closer** together*». Во второй речи та же идея передаётся путём синонимических повторов: «... *we can send out experts who will construct modern **communication networks** within Ghana and across the whole continent <...> the establishment of **radio links** between this country and our brothers in Guinea and Mali <...> practical expression to the essential **unity** of our continent*». Произнося речь в Университете науки и технологий, оратор намеренно использовал техническую терминологию; слова и выражения содержат общую схему связности и объединения, чтобы показать необходимость создания научно-технического и образовательного пространства с целью развития и плодотворного функционирования всего континента.

Ценности panaфриканизма выражаются не только при помощи повторов, но и с использованием антитез. Так, во второй речи, говоря о переосмыслении колониального опыта, К. Нкрума рассуждал о необходимости изменения принципов взаимодействия между образовательными системами африканских государств: «*Our communications have stretched **outwards** to Europe instead of developing between our own cities and states <...> **This must be changed, Africa must now look inward**. Our engineers must be able to construct first-class highways, railroads and waterways to connect **not only city to city, but state with state***». Морфологическое противопоставление *outwards – inward* позволяет выстроить контраст между былыми контактами с колониальными центрами и современной необходимостью тесного взаимодействия между новыми государствами. Эта же идея эксплицируется и далее, во второй антитезе, где потребность стран в стабильных контактах подчёркивается лексическими повторами в параллельных структурах. Обращает на себя внимание парцелляция: в синтаксическом окружении, представляющем собой преобладание конструкций с подчинительной связью, появляется бессоюзное предложение «*This **must be changed, Africa must now look inward***». Оратор прибегает к параллелизму с повтором глагола *must* не случайно: короткие предложения с выраженной модальностью способствуют активизации внимания слушателя, призывают его к действию. С той же целью

К. Нкрума использует модальный глагол *need* в анафорическом повторе при описании нужд общества независимой Ганы: «*The university must seek to serve the needs of all our people. We need houses which are designed for our climate and which can be built economically. We need ready supplies of drugs for the sick...*». Используя конкретную лексику, обозначающую предметы первой необходимости (*houses, drugs*), а также непосредственно апеллируя при помощи активных конструкций к потребностям слушателей и через подлежащее первого лица множественного числа объединяя себя с ними, К. Нкрума в простой и понятной каждому форме транслирует идею о практических задачах, решением которых должен заниматься университет в независимой, деколонизированной Африке.

В качестве аргументации К. Нкрума прибегает к созданию образов на основе развёрнутых тропов. Было обнаружено три примера, построенных на базе трёх различных средств выразительности: метафоры, метонимии и каламбура. Рассмотрим их подробнее.

В речи 25 ноября 1961 г. возникает расширенная метафора, в рамках которой оратор сравнивает процесс создания университета с возделыванием земли. Образ предваряется анафорическим повтором: «*The establishment of the University College of Ghana was, therefore, a source of much encouragement... The establishment of University College of Ghana and its eventual growth have been the natural development...*». Повтор способствует более чёткому пониманию аудиторией целевого домена – объекта, который будет описан автором с помощью создаваемого образа. Концептуальное поле домена-источника активизируется в сознании читателя при помощи перифраза-эвфемизма, призванного описать возделывателей земли, и лексических единиц (в том числе отглагольных существительных), которые связаны общей семантикой жизни и физического развития: «*The ordinary people of the country provided the soil, the climate and the necessary nutrients which have facilitated the growth of a university. We are therefore witnessing today an event of the greatest moment of our times the flowering of a national ambition*». К. Нкрума намеренно использовал перифраз, чтобы обозначить сам процесс создания университета независимой страны не как результат деятельности колониальных держав, а как достижение «снизу», успех которого был обеспечен простыми людьми. Сам процесс сравнивается с возделыванием земли и ро-

стом урожая, что, по мнению К. Нкрумы, должно послужить основой экономики самостоятельной Ганы – той сферой, на успех которой и должны работать научно-исследовательские институты государства. Необходимость этой деятельности подчёркивается и при помощи фигуры нарастания, которая строится на параллельных конструкциях в конце предложений: *the growth of a university – the flowering of a national ambition*. Если в первом случае используется достаточно распространённая метафора, которая на сегодняшний день даже не воспринимается слушателем в качестве средства выразительности, но позволяет автору олицетворить университет, то во втором случае, говоря о национальных амбициях, К. Нкрума эксплицирует метафору при помощи стилистически маркированного глагола *to flower* ‘*literary to develop completely and become obvious*’ (здесь и далее – словарные дефиниции по [8]), что позволяет оратору подчеркнуть идею о фундаментальной роли университетов.

В речи, произнесённой в Университете науки и технологий 29 ноября 1961 г., К. Нкрума использует развёрнутую метонимию, которую объединяет с другими средствами выразительности для демонстрации контраста между достижениями прошлого и вызовами настоящего и будущего. Он прибегает к исторической аллюзии, чтобы обозначить корни современной Ганы: «*Recent excavations have shown that this was probably the home of people of the New Stone Age who skillfully adapted stone to all forms and shapes necessary...*». Здесь же повтор слова *stone* приводит к его буквализации – это уже не просто часть наименования исторической эпохи, а обозначение материала, который использовался племенами, проживающими на территории Ганы. Такое переосмысление камня как атрибута древности помогает К. Нкруме построить антитезу, показывающую необходимость технического развития государства: «*Modern life has become so complex that we can no longer rely on the stone implements and simple tools...*». Помимо сугубо синтаксических средств создания антитезы, таких как союзы и изъяснительные придаточные, К. Нкрума прибегает к серии эпитетов, в которых возникает контекстуальная оппозиция между сложностью и комплексностью существования современного человека и атрибутами прошлого. Таким образом К. Нкрума готовит слушателя к развитию метонимического переосмысления и в следующем предложении добавляет ещё одну аллюзию:

«*In a sense we must move swiftly from the stone age to the age of atom*». Хотя в современном английском языке эпоха атомной энергии обычно называется *the Atomic Age*, К. Нкрума подвергает устойчивое выражение окказиональному преобразованию с перестановкой и заменой компонентов – возможно, для построения повтора-сцепки через слово *age* и возникающего в результате повтора большего акцента на метонимии, служащей здесь в качестве наименования для атомной энергетики – одного из непосредственных атрибутов человека 1960-х годов.

Описывая задачи университетов, заключающиеся в разработке альтернативных источников энергии, К. Нкрума прибегает к лексическому повтору слова *power*: «*However, whilst it is true that the vast production of power in the one place is of great value, and that electrical power can be distributed to other parts of the country, there is also a need for other sources of energy*». Здесь слово используется в значении ‘electricity, especially when considering its use or production’, которое выводится из окружения лексической единицы. Далее в речи, однако, К. Нкрума использует то же слово уже в другом значении: «*Imagine the industrial and agricultural advancement which would follow were all these sources of power developed to their fullest extent in the hands of a continental government of Africa*». Оратор помещает слово в конструкцию с эмфатической инверсией, и контекст, а именно упоминание правительства объединённой Африки, подсказывает слушателю, что речь идёт о могуществе Африки как политической силы (‘ability to control people and events’). Такой каламбур, основанный на полисемии, позволяет автору передать идею о том, что технический процесс, обеспеченный новыми образовательными учреждениями независимой Ганы, должен привести к становлению Африки как сильного, независимого игрока на мировой политической арене.

Хотя К. Нкрума в целом придерживается конвенций публичных выступлений и использует обращения к аудитории, он несколько отступает от них в конце каждой из речей. Заключительная часть текста всегда является сильной позицией, обращающей на себя внимание аудитории; соответственно, К. Нкрума использует эту возможность, чтобы в доступной для слушателя форме подвести итоги собственным размышлениям и лишний раз подчеркнуть суть своих ценностей и идеалов в области высшего образования.

В первой речи, говоря о высоком уровне оснащённости Университета Ганы, оратор использует параллельные структуры: «*This has been made possible because we are now free. The opportunities here are great. The buildings here are some of the best you can find anywhere in the world. The laboratories are first class, the library is good and tuition is free*». Так как параллелизм обычно устанавливает отношения эквивалентности между элементами [9, р. 22; 33], слушатель может воспринять идею о непосредственной связи между свободой нации и высоким качеством общественных институтов – в частности, высших учебных заведений.

Во второй речи, в которой К. Нкрума более конкретно рассуждает о сути высшего образования в независимом государстве, он использует параллелизм для создания фигуры нарастания, которая также становится возможной благодаря анафорическому повтору предлога *for*: «*I am confident that in this university the nation has a sound foundation for progress in science and technology, for the prosperity and well-being of our people, and for the service of the nation*». Через эквивалентность описываемых фактов К. Нкрума дополнительно акцентирует свою идею о том, что развитие науки и технологий должно быть ориентированным на практическое применение с целью обеспечения процветания и благополучия всего независимого общества.

Речи, произнесённые первым президентом Ганы К. Нкрумой, построены с учётом особенностей публичных выступлений и конвенций, проявляющихся в рамках публицистического стиля английского языка. К. Нкрума обращается к слушателю в доступной для широкой аудитории форме, прибегая к различного рода повторам, легко воспринимаемым историческим и библейским аллюзиям, антитезам, параллельным конструкциям с фигурами нарастания. Три образа, построенные на развёрнутых тропах – метафоре, метонимии, каламбурах – позволяют оратору подкрепить убедительными аргументами свои ценностные ориентации относительно системы высшего образования в независимой республике: необходимость в практикоориентированности получаемого знания, в его соответствии потребностям и вызовам деколонизированной Африки, а также в восприятии научного и технического прогресса как связующего звена, обеспечивающего единство и солидарность общества в рамках идеи panafricanism.

Примечания

1 Кассе Н. В. М., Ивкина Н. В. Основные этапы становления и развития концепции panaфриканизма: история и современность // Азия и Африка сегодня. 2022. № 10. С. 34-40.

2 Nkrumah K. Ghana. The Autobiography of Kwame Nkrumah. N.-Y.: International Publishers, 1971. 310 p.

3 Amuzu D. Towards Social Justice Consciousness in Ghana's Higher Education: Revisiting the Thoughts of Nkrumah and Nyerere // Journal of Interdisciplinary Studies in Education. Special issue: Schooling and Education in Ghana. Volume 10, Issue SI, 2021. P. 1-20.

4 Nkrumah K. Selected Speeches Volume 2. Accra: Afram Publications (Ghana) Limited, 1997. 174 p.

5 Дускаева Л. Р., Кожина М. Н., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 464 с.

6 Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М.: ФЛИНТА, 2023. 520 с.

7 Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.

8 Cambridge Dictionary Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org>. (accessed: 11.08.2025).

9 Leech G. Language in Literature: Style and Foregrounding. L., N.-Y.: Routledge, 2013. 222 p.

Сведения об авторах

Балезин Александр Степанович, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН (далее ИВИ РАН), Москва; alex.balezin@yandex.ru

Гавристова Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова (далее ЯрГУ); t.gavristova@uniyar.ac.ru

Гаврюшева Александра Евгеньевна, кандидат филологических наук, ЯрГУ; alexandra-gavr@mail.ru

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, Институт Африки РАН (далее – Иафр РАН), Москва; tsden@hotmail.com

Зданевич Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (далее СПбГУ); azdanevich78@gmail.com

Кананыхина Ксения Сергеевна, кандидат исторических наук, СПбГУ; ksenkanan@gmail.com

Касимовская Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова; ekasimovskaya@gmail.com

Куликова Ольга Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ; kulikovao@rambler.ru

Мазов Сергей Васильевич, доктор исторических наук, ИВИ РАН, Москва; s.mazov@mail.ru

Мильто Анна Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, amilto@mail.ru

Мойсинович Анна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ; devero2000@mail.ru

Моргунова (Петрунько) Оксана Алексеевна, Ph. D., доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, morgunova-oa@rudn.ru

Попова Ксения Игоревна, Институт научной информации по общественным наукам РАН; adkr@mail.ru

Савин Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ; savind@yandex.ru

Спиридонова Елена Владиславовна, кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ; selenavlad@gmail.com

Хохолькова Надежда Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент; ИАФр РАН, Москва; ЯрГУ; khokholkova@gmail.com

Цветков Эдуард Георгиев, независимый исследователь, Ярославль; egeo84@gmail.com

Яковлев Артем Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского; artyakovlev@gmail.com

Оглавление

Предисловие	3
<i>Балезин А. С.</i> Мемуары бойцов антиколониальных военных формирований Юга Африки: кейс Андреаса Шипанги	4
<i>Гавристова Т. М.</i> Колониальная и постколониальная история Африки с позиций евро- и афроцентризма. Постановка проблемы	16
<i>Гаврюшева А. Е.</i> Наука на службе колониализма (на примере немецких колоний в Африке)	26
<i>Гаврюшева А. Е.</i> Реконфигурация постколониальной идентичности в суданской диаспоре Германии: реинтеграция наследия царства Куш в процессы самоидентификации	33
<i>Денисова Т. С.</i> Развитие и политическая роль нигерийской колониальной прессы	40
<i>Зданевич А. С.</i> Формы неоколониального контроля и их альтернативы в странах Африки южнее Сахары	50
<i>Кананыхина К. С.</i> Ибаданский университет на перекрестке эпох	62
<i>Касимовская Е. Н.</i> Демократический парадокс и амбивалентность постколониальных политических предпочтений африканцев	77
<i>Куликова О. Д.</i> Восстание на Мадагаскаре 1947–1948 гг. в освещении французских ежедневных газет	91
<i>Мазов С. В.</i> Роль великих держав в гражданской войне в Нигерии (1967–1970 гг.)	115
<i>Мильто А. В.</i> Проблема реституции культурных ценностей и феномен деколонизации музеев	128
<i>Мойсинович А. М.</i> Колониализм в Африке на страницах французских сатирических журналов начала XX века	139
<i>Моргунова О. А.</i> Интерпретируя Африку: африканская коллекция Британского музея и колониальный дискурс	146
<i>Попова К. И.</i> Португальский колониализм в восточногерманских исторических исследованиях	155
<i>Савин Д. А.</i> Культурная политика Наполеона Бонапарта в Египте ...	167

<i>Спиридонова Е. В.</i> Луис Лики и Джомо Кениата: история взаимоотношений	178
<i>Спиридонова Е. В.</i> У истоков африканской палеоантропологии: Камоя Кимеу (1938–2022)	189
<i>Хохолькова Н. Е.</i> «Африканская» история Африки: опыты создания нарратива	197
<i>Цветков Э. Г.</i> Деятельность USAID в Тропической Африке в 1960-е гг.	207
<i>Яковлев А. И.</i> Языковые средства выражения ценностных ориентаций политика раннего периода независимой Ганы в области образования (на примере двух публичных выступлений К. Нкрумы “ <i>Flower of Learning</i> ”)	214
Сведения об авторах	225

Научное издание

**Африка: от колониализма
к постколониализму
(хронотоп перекрестка)**

Сборник статей

Подписано в печать .03.26.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 14,4.
Тираж 60 экз. Заказ № 1101.

Отпечатано в типографии ООО «Канцлер»
150008, г. Ярославль, ул. Клубная 4-49.
Тел.: (4852) 58-76-33, 58-76-37